годъ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

2.

Прод. 50

Библіотека Казанскаго Университетскаго Института
25701

Стрп.

161. Молдавскій господарь Стефанъ Георгій и его сношенія съ Москвою. Ю. В. Арсеньева.
187. Два письма Екатерины Великой къ О. Е. Сатину.
188. Письмо Г. Р. Державина къ князю Н. Б. Юсупову.
190. Изъ Парижскихъ писемъ А. И. Тургенева. 1841.
206. Ярославская старина: I. Ростовская „сатира" 1800 года.—II. Аракчеевскіе плотники.—III. О внезапно сгораемыхъ тѣлахъ живыхъ людей.—IV. Императоръ Николай I-й и барыня-крѣпостница.—V. „Якобы явленная икона". Л. Н. Трефолева.
220. Изъ воспоминаній Е. И. Раевской. (Дворянскіе выборы въ Тулѣ.—Князь В. А. Черкаскій.—Зала Тульскаго дворянства.—Статья И. С. Аксакова.—Баронъ Менгденъ.—Выборъ губернскаго предводителя.—Видѣніе.—Князь Черкаскій передъ дуэлью.—Проектъ освобожденія крестьянъ.—Крестьяне князя Черкаскаго).
241. Изъ депешей барона Баранта (1836).
257. Международная благодарность. В. А. К.
266. Письмо Н. И. Гнѣдича къ А. П. Зонтагъ. 1830.
270. Учитель и ученикъ. Изъ воспоминаній И. У. Палимпсестова.
279. Изъ писемъ А. О. Россета къ сестрѣ его А. О. Смирновой. (1831—1846).
311. Изъ Кавказскихъ воспоминаній А. А. Зисссермана.
314. Историческія статьи въ повременныхъ изданіяхъ неисторическихъ. Ю. Б.

РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЮ „РУССКАГО АРХИВА" ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕГО ИЗДАНІЯ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО ПО ОДНОМУ РУБЛЮ ЗА КНИЖКУ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны, Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги. Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа А. П. Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова. Записка гр. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Автобіографія графа А. Р. Воронцова. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782 — 1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Рапортъ Костюрина о Русской арміи. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Съ портретомъ гр. М. Л. Воронцова и снимкомъ.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма графа С. Р. Воронцова къ разнымъ лицамъ. Съ портретомъ.

X. Письма гр. С. Р Воронцова. къ брату. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадов-

(*См. на 3-й стр. обертки*).

БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

МОЛДАВСКІЙ ГОСПОДАРЬ СТЕФАНЪ-ГЕОРГІЙ И ЕГО СНОШЕНІЯ СЪ МОСКВОЮ [1]).

Спаѳарій жилъ въ Стокгольмѣ, какъ можно предполагать, около трехъ лѣтъ, съ 1665 по 1669 г. [2]). Въ 1669 году умеръ въ Штетинѣ Молдавскій воевода Стефанъ-Георгій (Гёргица), который назначилъ его своимъ резидентомъ при дворѣ малолѣтняго Шведскаго короля Карла XI. Отецъ Карла XI, Карлъ Густавъ X, до самой смерти своей воевавшій съ Польшею и Россіей, умеръ внезапно, и регентство, учрежденное изъ вдовствующей королевы Гедвиги-Элеоноры и королевскихъ попечителей, поспѣшило обезпечить странѣ спокойствіе заключеніемъ мирныхъ договоровъ. По Оливскому миру съ Польшею, Швеція пріобрѣтала отъ послѣдней Ливонію и Эстонію (1660 г.), а по Кардисскому миру съ Россіей (1661 г.) Швеціи возвращались всѣ наши завоеванія въ Ливоніи за предшествовавшую войну.

Чтобы лучше объяснить участіе Спаѳарія въ политическихъ событіяхъ того времени, необходимо остановиться подробнѣе на сношеніяхъ его покровителя Стефана Георгія Молдавскаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Сношенія эти находятся въ тѣсной связи съ Малороссійскими событіями временъ Богдана Хмельницкаго и полагаютъ начало весьма любопытному періоду въ исторіи развитія Восточнаго вопроса.

Стефанъ-Георгій былъ великимъ логоѳетомъ Молдавіи при господарѣ Василіи Лупулѣ. Молдавское боярство, желавшее возстановить въ

---

[1]) Эта статья есть часть большаго изслѣдованія, предпринятаго Ю. В. Арсеньевымъ по новооткрытымъ и неизданнымъ бумагамъ: „Николай Спаѳарій и его время". Сличи „Русскій Архивъ" 1895 г. II, 359. П. Б.

[2]) Одновременно съ Спаѳаріемъ находился въ Стокгольмѣ извѣстный Григорій Котошихинъ, написавшій здѣсь свое сочиненіе о Россіи въ 1667—1688 гг. Онъ бѣжалъ въ Швецію изъ Ливоніи, гдѣ состоялъ при Ординѣ-Нащокинѣ въ качествѣ подъячаго Посольскаго Приказа, во время мирныхъ переговоровъ съ Швеціей. См. Соловьева Ист. Россіи, XI, 396.

странѣ избирательный образъ правленія, воспользовалось вмѣшательствомъ гетмана Богдана Хмельницкаго въ дѣла Молдавскаго княжества, чтобы свергнуть Лупула. Поводъ къ этому подалъ сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, который, женившись на дочери Лупула, объявилъ себя наслѣдникомъ его власти и простиралъ завоевательные виды на сосѣднюю Валахію и Седмиградское княжество. Валашскій господарь Матѳей Бессараба и Седмиградскій князь Георгій Ракочи II-й, противъ которыхъ Лупулъ и прежде воевалъ, рѣшились теперь свергнуть послѣдняго при содѣйствіи составившагося въ Молдавіи заговора бояръ. Стефанъ-Георгій по женѣ состоялъ въ родствѣ съ Матѳеемъ и склонился на его сторону, за что ему обѣщано было господарство. Молдавскія лѣтописи въ числѣ заговорщиковъ противъ Лупула называютъ также боярина Спатара, который погибъ отъ руки разгнѣваннаго господаря. Лупулъ слишкомъ поздно обнаружилъ измѣну и едва успѣлъ съ семьею бѣжать изъ Яссъ, къ которымъ уже подступали его противники.

6-го Апрѣля 1653 г. Стефанъ провозглашенъ былъ господаремъ Молдавіи и за утвержденіе свое въ этомъ достоинствѣ долженъ былъ отправить щедрые подарки въ Царьградъ. Но междоусобіе въ Молдавіи этимъ не прекратилось. Тимоѳей Хмельницкій и Лупулъ снова овладѣли Яссами при помощи казаковъ и Татаръ; за тѣмъ Стефанъ, разбивъ противниковъ, заставилъ Тимоѳея Хмельницкаго искать убѣжища въ крѣпкомъ Сучавскомъ замкѣ. При осадѣ сего послѣдняго на помощь къ Стефану, кромѣ Валаховъ и войскъ Ракочи, явились и Поляки, раньше помогавшіе Лупулу. Богданъ Хмельницкій двинулся было съ казаками на выручку Тимоѳея, но еще на пути въ Молдавію узналъ о его смерти при защитѣ Сучавы и обратилъ свое оружіе на Поляковъ [1]).

Стефанъ, достигнувъ господарства при содѣйствіи Польши, не принадлежалъ однако къ ея сторонникамъ, какъ его предшественникъ Лупулъ. Тѣмъ не менѣе онъ первое время помогалъ королю Яну-Казимиру противъ Хмельницкаго, съ которымъ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Необходимость заставляла его дѣйствовать такъ, пока успѣхъ казаковъ въ войнѣ съ Поляками еще представлялся сомнительнымъ. Когда же зимою 1653 г. начались неудачи Поляковъ (въ лагерѣ подъ Жванцемъ) и прежніе союзники покинули ихъ, то Молдаване стали даже враждебно относиться къ Полякамъ. Населеніе Молдавіи

---

[1]) Костомаровъ. Ист. монографіи. Богданъ Хмельницій, изд. 4-е, т. III, стр. 61, 89, 105. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. X, изд. 3-е, стр. 280.

въ то время было ожесточено безчинствами, которыя позволяли себѣ Польскіе жалонеры, собиравшіе продовольствіе по Молдавскимъ деревнямъ.

Въ началѣ 1654 г., послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, воевода Стефанъ поспѣшилъ искать примиренія съ гетманомъ Хмельницкимъ, ибо опасался съ его стороны отплаты за смерть сына. Но въ тоже время онъ надѣялся впослѣдствіи, при посредствѣ Хмельницкаго сблизиться съ единовѣрною Москвою и тѣмъ обезпечить себя въ Молдавіи отъ происковъ Польши. Московское правительство съ своей стороны также находило въ то время необходимымъ отвлечь Молдавію и Валахію отъ союза съ Польшей. Въ этихъ видахъ царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по присоединеніи Малороссіи, отправилъ къ обоимъ господарямъ, Молдавскому Стефану и Валашскому Матѳею, свои грамоты, приглашая ихъ къ дружбѣ и союзу во имя единой вѣры. Въ грамотѣ къ Стефану говорилось: «Вѣдомо намъ великому государю учинилось, что на Молдавскомъ владѣтельствѣ учинился ты Стефанъ воевода, а къ намъ ты о томъ не писывалъ. И тебѣ бы для единыя истинныя нашея православныя вѣры нашего царского величества милости поискать и съ нашими бояры и воеводы ссылатися и вѣдомо намъ о всякихъ порубежныхъ дѣлѣхъ и вѣстѣхъ давати. А будетъ Янъ-Казимеръ, король Польскій и великій князь Литовской, учнетъ къ тебѣ присылати просити помочи на нашихъ подданныхъ, на гетмана Богдана Хмельницкаго и на все войско Запорожское, хотя благочестивыя церкви христіанскія раззорити и вѣру христіанскую искоренити: и ты бъ, памятуя единую съ нами вѣру, гонителемъ Латынникомъ, которые ищутъ всегда искорененія благочестивыя нашея христіанскія вѣры Греческаго закону и церквамъ Божіимъ раззоренья, ничѣмъ не помогалъ и про замыслы ихъ вѣдомо намъ чинилъ» [1]).

Грамоты царя къ господарямъ повезъ изъ Москвы 7 Февраля 1654 г. дворянинъ Гавріилъ Самаринъ. Онъ прибылъ въ Яссы мѣсяцъ спустя и принятъ былъ Стефаномъ съ подобающею честію. Молдавскій воевода выразилъ царскому посланцу свое полнѣйшее желаніе вступить въ дружественныя сношенія съ Московскимъ правительствомъ. Въ своей отвѣтной грамотѣ къ царю, посланной чрезъ Самарина, Стефанъ писалъ: «Съ великою честію пріяхомъ и съ радостію прочтохомъ вашего царского величества грамоту, о ней же благодареніе Богу возсылахомъ; донынѣ же ничтоже писахомъ къ вамъ, понеже доселѣ еще не бѣ земля наша успокоена и имѣхомъ вражду и нена-

[1]) Молдавскія дѣла. Моск. Гл. Арх. М. Ин. д. связка 1 (7162 г. Февр. 7).

висть съ его милостью Богданомъ Хмельницкимъ, гетманомъ войска Запорожскаго. Того ради не могли бы придти человѣцы наши, ихъ же аще бы посылалъ посѣщающи царствіе ваше. Нынѣ же убо, видѣвше, яко и его милость Богданъ Хмельницкій гетманъ и со всею Россіею Малою поддадеся подъ высокую руку пресвѣтлаго царствія вашего, и мы отнынѣ на всякое время имамы посѣщати благочестивое царство ваше; понежъ мы, сущіи подручніи царю Турецкому, радостни есмы, яко видимъ наше художство и нищету, а не дати кому помощи; понеже ограждени есмы отъ силы Турецкой и Татарской: не точію во многое время, но въ два или три дня всю нашу землю могутъ плѣнити и пустошити».

Стефанъ, отпустивъ Самарина, далъ ему провожатыхъ до сосѣдней Валахіи. Но здѣсь Самаринъ не засталъ уже въ живыхъ Матѳея Бессарабу и принятъ былъ его преемникомъ Константиномъ Щербаномъ (побочнымъ сыномъ Матѳея), который въ правленіе свое также, какъ и Стефанъ, поддерживалъ сношенія съ Россіей, но больше подчинялся Польскому вліянію.

Надо замѣтить, что, еще до полученія царской грамоты, господарь Стефанъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы вступить въ сношенія съ царемъ. Въ Февралѣ того же 1654 г. прибылъ въ Яссы проѣздомъ на Аѳонъ съ милостынею отъ царя и патріарха Никона старецъ Арсеній Сухановъ, извѣстный своимъ хожденіемъ въ святую землю. Стефанъ за нѣсколько лѣтъ раньше, будучи логоѳетомъ при Лупулѣ, принималъ Арсенія въ Яссахъ; теперь, при вторичной встрѣчѣ, онъ оказалъ ему особенное вниманіе. Арсеній писалъ объ этомъ въ Москву, замѣчая, что Стефанъ «къ цареву имени гораздо учтивѣе Василія воеводы и радъ служить царю наипаче прежнихъ воеводъ». Будучи въ Молдавіи, Сухановъ могъ замѣтить всеобщую радость, произведенную извѣстіемъ о подданствѣ Малороссійскихъ казаковъ царю: «не токмо воевода и бояре его, писалъ онъ, но и поселяне вси гораздо рады съ великою радостью, что казаки подклонились подъ царскую руку, и о томъ всѣ благодарятъ Бога» [1]). Отпустивъ Арсенія изъ Яссъ и озаботившись о безопасномъ дальнѣйшемъ его путешествіи до Аѳона, Стефанъ въ тоже время извѣстилъ объ этомъ царя особою грамотою. Онъ отправилъ эту грамоту въ Москву съ гонцомъ Иваномъ Григорьевымъ, которому поручилъ разузнать, согласится ли Московское правительство принять его вмѣстѣ съ Молдавіею въ подданство Россіи на такихъ же условіяхъ, какъ и Мало-

[1]) С. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 336—39.

россію [1]). Въ Польскомъ Приказѣ Стефановъ гонецъ объяснилъ, что если царь благосклонно отнесется къ этому тайному предложенію господаря, то Стефанъ при первой возможности пришлетъ особое посольство «изъ своихъ ближнихъ честныхъ людей». Примѣру его не замедлитъ послѣдовать и союзникъ его, Валашскій воевода Матѳей, который также ищетъ «учиниться подъ государевою высокою рукою». Относительно же сношеній Стефана съ Польшею гонецъ увѣрялъ, «что съ Польскимъ королемъ у Стефана воеводы дружбы и ссылки нѣтъ, а были-де у него Поляки наемные» [2]). Одновременно съ этою посылкою къ царю Стефанъ отправилъ другого своего посланца, Троескула къ гетману Хмельницкому въ Чигиринъ, чтобы достигнуть примиренія съ нимъ. Хмельницкій отвѣчалъ, что для примиренія съ казаками необходимо, чтобы Стефанъ, «будучи съ ними единой христіанской вѣры, съ Лясами никакого совѣту и дружбы не имѣлъ; а отъ него бы гетмана онъ ни въ чемъ не опасался: хотя-де сынъ его Тимоѳей въ Сучавѣ и убитъ, только учинилось то не отъ Стефана воеводы, виненъ-де былъ въ томъ сватъ его, прежній Молдавской воевода Василій; и ему-де гетману, хотя бы и всю Молдавскую землю раззорить и людей погубить, а однакожде уже сына своего не воротить».

Царь Алексѣй Михайловичъ оказался въ то время расположеннымъ къ принятію предложенія Молдавскаго владѣтеля о подданствѣ. Гонецъ Иванъ Григорьевъ повезъ Стефану отвѣтъ: «Мы, великій государь, посланца твоего, Волошенина Ивана Григорьева, пожаловали, велѣли ему видѣть нашего царского величества очи вскорѣ и листъ у него принять велѣли, и мы тебя за то, что ты поискалъ нашея царскія милости и подъ нашею государскою высокою рукою быть желаешь и отъ ига басурманскаго ищешь свободитися, милостиво похваляемъ и подъ нашу высокую руку тебя со всею твоею Молдавскою землею приняти велимъ».

О дружественныхъ сношеніяхъ своихъ съ Молдавскимъ воеводою Московское правительство не замедлило повѣстить гетмана Хмельницкаго. Вслѣдствіе этого въ Сентябрѣ 1654 г., когда царь лично велъ

---

[1]) Грамота Стефана изъ Яссъ отъ 18 Февраля 1654 г. получена была въ Москвѣ 1 Апрѣля. Она напечатана С. Бѣлокуровымъ въ его изслѣдованіи объ Арсеніи Суховѣ, ч. I, стр. 389.

[2]) Извѣстіе, почерпнутое Костомаровымъ изъ Польскихъ источниковъ, будто Стефанъ отослалъ полученную имъ царскую грамоту къ королю Польскому Яну-Казимиру, въ знакъ своей вѣрности и преданности, не согласуется съ приводимыми здѣсь извѣстіями (Ср. Костомарова, Богд. Хмельницкій, т. III, стр. 166).

осаду Смоленска, Стефанъ прислалъ къ нему посланца Никифора Иванова съ грамотою, въ которой благодарилъ за данное Хмельницкому повелѣніе поддерживать дружбу съ Молдавіей. «Благодаримъ твое царское величество, понеже убо повелѣлъ еси крѣпкимъ царскимъ твоимъ словомъ къ подданнымъ твоимъ, Богдану Хмельницкому со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, чтобы тѣ были съ нами въ дружбѣ и пріятствѣ и на православную нашу страну Молдавскую войною не ходили и о надобныхъ дѣлѣхъ съ нами ссылалися; и гетманъ царское твое повелѣніе истиннымъ сердцемъ принялъ и съ нами великое пріятельство укрѣпилъ и устроилъ, и веліею вѣрою присягали есмы единъ другому во имя Божіе» [1]).

Вступивъ такимъ образомъ въ тайныя сношенія съ Москвою и казаками, Стефанъ въ тоже время, какъ данникъ Турціи, находился въ весьма двусмысленномъ положеніи, и намѣреніе его отдаться вмѣстѣ съ Молдавіею въ подданство царю встрѣчало немаловажныя препятствія. Первымъ, и самымъ вѣскимъ, была смерть Матѳея Бессарабы, наслѣдникъ котораго, Константинъ Щербань, не былъ единомышленникомъ Стефана и держалъ сторону Польши. Въ тоже время Польскій король Янъ-Казимиръ поддерживалъ дружественныя отношенія съ Турецкимъ султаномъ, имѣя цѣлью возбудить его подозрѣнія по поводу сближенія Хмельницкаго съ Москвою, что́ ему удалось: и султанъ потребовалъ отъ обоихъ господарей и Крымскаго хана, чтобы они помогали Полякамъ въ начавшейся войнѣ. Стефанъ сознавалъ беззащитность Молдавіи, а также непрочность своего собственнаго положенія и поэтому вынужденъ былъ еще медлить открытымъ разрывомъ съ Польшею. Зимою 1655 г., когда Хмельницкій и царскій воевода Шереметевъ встрѣтились съ Польскимъ и Турецкимъ войскомъ подъ Ахматовымъ, то оказалось, что на сторонѣ непріятеля находился и Молдавскій отрядъ. Царь, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался на Стефана, котораго считалъ было за надежнаго союзника противъ Поляковъ. Потребовалось ходатайство двухъ патріарховъ, Паисія Іерусалимскаго и Макарія Антіохійскаго за беззащитную Молдавію и ея владѣтеля, чтобъ перемѣнить царскій гнѣвъ на милость. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ подробнаго содержанія грамоты, присланной патріархомъ Паисіемъ къ царю по этому поводу въ концѣ 1655 г. съ Грекомъ Мануиломъ Константиновымъ [2]); но надобно думать, что она была убѣдительна: ибо послѣ этого Стефану дозволено было царемъ возобновить прерванныя

[1]) Молдавскія дѣла, св. 1, 7162 г. Полн. Собр. Зак., т. I, № 180.

[2]) Кантеревъ. Характеръ сношеній Россіи съ Прав. Востокомъ, стр. 366, прим. 2.

съ нимъ сношенія. Къ нему послана была царская грамота, въ которой говорилось: «Мы, великій государь, по нашему милосердому обычаю прошенія вселенскихъ патріарховъ не презрѣли, досадительства ваши учинили забытны и гнѣвъ нашъ государскій преложили на милосердіе, и вамъ бы Степану воеводѣ со всею Молдавскою землею нашу щедрую милость имѣти памятну и впредъ отъ такихъ начинаній отстати; а буде впередъ учинитеся въ такой шатости и нашимъ непріятелемъ людьми и казною и иною какою причиною учнете помогати, и мы вамъ терпѣти не будемъ, а велимъ ваши недружбы мстить; и то вамъ учинится самимъ отъ себя» [1]).

Послѣ этого Стефану нельзя уже было долѣе медлить отправленіемъ явнаго посольства къ царю, чтобы доказать ему искренность своихъ намѣреній и возобновить ходатайство о принятіи въ подданство Молдавіи. Только въ надеждѣ на дѣйствительную помощь Россіи противъ внѣшнихъ враговъ своихъ, Поляковъ и Турокъ, могъ Стефанъ отважиться на такой рѣшительный шагъ; при неуспѣхѣ же ему неминуемо угрожала опасность лишиться господарства и подвергнуть свою страну новымъ военнымъ бѣдствіямъ.

Молдавское посольство, во главѣ котораго были митрополитъ Сучавскій Гедеонъ и второй логоѳетъ Молдавіи Григорій Накулъ [2]), прибыло въ Москву въ началѣ Апрѣля 1656 г. Дошедшія до насъ извѣстія о пріемѣ посольства и пребываніи его въ Москвѣ, къ сожалѣнію, отрывочны и не позволяютъ сдѣлать вполнѣ основательнаго заключенія о ходѣ переговоровъ его съ Московскимъ правительствомъ. Спутникъ патріарха Макарія Антіохійскаго, архидіаконъ Павелъ Алепскій сообщаетъ, какъ очевидецъ, нѣкоторыя подробности о пріемѣ Молдавскихъ пословъ царемъ и о томъ, что царь совѣщался по этому поводу съ патріархомъ Макаріемъ [3]). Изъ сохранившихся историческихъ актовъ

---

[1]) Молдавскія дѣла, св. 1-я, 7164 г.

[2]) Въ грамотѣ воеводы Стефана къ царю Накулъ названъ „ближнимъ и вѣрнымъ бояриномъ и *вторымъ* логоѳетомъ"; *первымъ* логоѳетомъ Молдавіи могъ быть въ то время Николай Спаѳарій, о чемъ онъ лично сообщилъ Де-Помпонну (См. P. Ар. 1895, II).

[3]) По сообщенію Павла Алепскаго, условія подданства Молдавіи царю были такія: 1) царь во время нужды покровительствуетъ войсками, 2) дань должна быть взимаема по правилу древнихъ реестровъ со временъ Греческихъ императоровъ и 3) господарское достоинство до смерти остается за Стефаномъ, а по смерти за его родомъ. Царь съ своей стороны, давалъ имъ облегченіе отъ податей на 10 лѣтъ съ условіемъ, чтобы господарь не принималъ къ своему двору ни одного изъ Московскихъ бояръ. Послѣ этихъ переговорныхъ условій царь пригласилъ депутацію къ своей рукѣ, и ему подарена была отъ

наиболѣе важны статьи, поданныя Молдавскими послами въ Посольскомъ Приказѣ 12 Мая, т. е. за три дня до отправленія царя Алексѣя Михайловича изъ Москвы въ начинавшійся тогда Шведскій походъ. Прежде всего послы Молдавскаго господаря старались оправдать его въ глазахъ царя, объясняя, что его нерѣшительный образъ дѣйствій вынуждался необходимостью. «Какъ прислалъ великое твое царствіе посла твоего къ намъ, насъ приводить къ покоренію подъ честныя твои стопы, и въ то время господарь нашъ хотѣлъ съ великою радостью и всею душею и всѣмъ сердцемъ поклонитись и покоритись великому твоему царствію; только было не время, понеже были ограждены ото всѣхъ странъ отъ нечестивыхъ Турокъ и Татаръ и отъ иныхъ невѣрныхъ, и невозможно было намъ объявить, что хотимъ покориться твоему царствію, чтобъ Турки и Татары не свѣдали. Да и Молдавская земля тогда не похотѣла; понеже какъ бы свѣдали Турки и Татаровя, и господаря нашего извели бъ и Молдавскую землю всю раззорили бъ. Вѣсть и нынѣ къ намъ доходитъ, что Крымской ханъ со всею своею силою хочетъ идти на помочь Ляхомъ и насъ съ собою имáть насупротивъ твоей царской рати, и мы не имѣемъ чтó творить, а отъ невольности идти будемъ". Далѣе въ статьяхъ излагались условія, на которыхъ предлагалось царю принять Молдавію и ея владѣтеля въ подданство Россіи. Изъ статей видно, что главною побудительною причиною, руководившею при этомъ Стефаномъ и его народомъ, была надежда освободиться при помощи Россіи отъ Турецкаго ига. «Господь Богъ да сподобитъ насъ, писали послы, видѣть къ себѣ твою царскую милость и такую же побѣду на нечестивыхъ, яко и на Ляховъ; и какъ изволитъ царствіе твое послать на нечестивыхъ, и мы должны есмы быть готовыми съ твоими ратными людьми идти на нихъ». Молдавскіе послы ходатайствовали также предъ царемъ о помощи войсками для возвращенія отъ Турокъ нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей, безъ которыхъ безопасность Молдавіи не будетъ обезпечена [1]). Но если царь и сочувствовалъ мысли явиться освободителемъ христіанъ на Востокѣ отъ Турецкаго мучительства, о чемъ свидѣтельствуетъ Павелъ Алепскій [2]), однако, рѣшившись объявить войну

нея Турецкая лошадь съ дорогимъ сѣдломъ. Царю и патріарху поднесены были части св. мощей. См. *И. Аболенскаго.* Московское государство при ц. Алексѣѣ Мих. и патр. Никонѣ по запискамъ П. Алепскаго. Кіевъ, 1876, стр. 91.

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 180.

[2]) Въ 1656 г. на Пасхѣ, повѣствуетъ Павелъ Алепскій, царь, христосуясь съ Греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, спросилъ ихъ, ждутъ ли они, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ Турецкаго плѣненія, и когда они подтвердили это, то царь, проливая обиль-

Швеціи, онъ принужденъ былъ отложить такое предпріятіе до болѣе благопріятнаго времени. Молдавскому посольству пришлось испытать на себѣ послѣдствія перемѣны, происшедшей тогда въ Московской политикѣ. Напомнимъ здѣсь въ общихъ чертахъ причины такой перемѣны.

Еще съ конца 1655 г. въ Москвѣ находились послы Германскаго императора Фердинанда III, Алегретти и Лорбахъ, присланные къ царю съ предложеніемъ посредничества для примиренія его съ Польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ. Польша находилась въ то время на краю гибели. Воинственный Шведскій король Карлъ X, видя затруднительное положеніе Польши въ войнѣ съ Москвою, напалъ на нее подъ пустыми предлогами и, овладѣвъ Варшавою и Краковымъ, заставилъ короля Яна-Казимира бѣжать въ Силезію. Но для Австріи являлось опаснымъ допускать паденіе союзной Польши и усиленіе на ея счетъ протестантской Швеціи. Отправленіе Цесарскаго посольства къ царю Алексѣю Михайловичу имѣло цѣлью освободить Польшу отъ Московской войны и, если возможно, обратить царское оружіе противъ Швеціи. Преслѣдуя эту главную цѣль, Нѣмецкіе послы передавали царю объ искреннемъ желаніи императора Фердинанда, чтобы прекратилось кровопролитіе между Московскимъ государствомъ и Польшею, и оружіе ихъ обратилось на общихъ враговъ христіанства, Турокъ[1]). Но когда цѣли Австріи и Польши оказались вполнѣ достигнутыми и царь объявилъ войну Швеціи за ея посягательство на Литву, а съ Польшею согласился начать мирные переговоры на Виленскомъ съѣздѣ: то рѣчь о союзѣ противъ Турокъ, будучи только предлогомъ со стороны Нѣмецкихъ пословъ, болѣе не возобновлялась. Царь, будучи занятъ Шведскою войной, въ которой принималъ личное участіе, пересталъ думать о Молдавіи и другихъ единовѣрныхъ странахъ Востока, и даже къ дѣламъ Малороссіи въ это время относился равнодушнѣе прежняго. Это отразилось и на дальнѣйшей судьбѣ Молдавскаго посольства, оставленнаго царемъ въ Москвѣ при отправленіи его въ Шведскій походъ.

ныя слезы, высказалъ присутствовавшимъ боярамъ: „Мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ несчастныхъ, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры. Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ“. Этотъ разговоръ, замѣчаетъ г. *Аболенскій* (стр. 90), можетъ считаться вполнѣ вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ. Еще осенью 1655 г. царь Алексѣй принималъ Венеціанскихъ пословъ, прибывшихъ съ просьбою о помощи противъ Турокъ, и не отказалъ имъ въ этомъ, отложивъ только до болѣе благопріятнаго времени.

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. X, стр. 349 и слѣд.

Переговоры съ Молдавскими послами продолжались и въ отсутствіи царя. Сохранился текстъ грамоты къ воеводѣ Стефану, помѣченной 29 Іюня, которою онъ обнадеживался, что царь согласенъ «держать его въ своемъ милостивомъ жалованьи и призреньи», хотя при этомъ о какой-либо помощи противъ Турокъ не давалось никакого обѣщанія [1]). Въ Іюлѣ Молдавскіе послы отъ имени своего господаря удостовѣрили присягою (къ которой приводилъ митрополита Гедеона въ Успенскомъ соборѣ самъ патріархъ Никонъ), что онъ будетъ вѣрно служить Московскому царю. Однако пребываніе Молдавскаго посольства въ Москвѣ, длившееся цѣлыхъ восемь мѣсяцовъ, оказалось въ концѣ концовъ безуспѣшнымъ. Это видно изъ грамоты, которую въ Декабрѣ того-же 1656 г. прислалъ изъ Терговищъ къ патріарху Никону патр. Макарій Антіохійскій, принимавшій, какъ мы видѣли, близкое участіе въ этомъ дѣлѣ [2]). Онъ извѣщалъ патр. Никона, что положеніе его въ Молдавіи вслѣдствіе нерѣшенныхъ еще отношеній между воеводою Стефаномъ и царемъ, было самое затруднительное; въ тоже время Макарій, оправдывая Стефана, напоминалъ, что сей послѣдній все еще оставленъ беззащитнымъ и въ полной зависимости отъ Турокъ, Татаръ и Венгровъ. При этомъ патріархъ просилъ не задерживать долѣе Сучавскаго митрополита Гедеона. Но отпускъ Молдавскихъ пословъ изъ Москвы въ Январѣ 1657 г. состоялся лишь послѣ того, какъ воевода Стефанъ прислалъ о томъ просительныя грамоты отъ себя и гетмана Хмельницкаго [3]). Московское правительство при этомъ случаѣ объясняло задержку Молдавскихъ пословъ бывшимъ въ Москвѣ съ осени повѣтріемъ; но можно предполагать, что главною причиною этого было опасеніе, чтобы отпускъ пословъ господаря во время происходившихъ на Виленскомъ съѣздѣ переговоровъ съ Польшею (окончившихся въ Октябрѣ), не осложнилъ чѣмъ-либо ихъ исхода. Какъ извѣстно, переговоры эти касались между прочимъ вопроса объ избраніи царя на Польскій престолъ, что̀ послужило тогда Полякамъ ловкимъ предлогомъ, чтобы достигнуть перемирія съ Москвою. Извѣстіе о заключеніи этого перемирія было встрѣчено въ Малороссіи съ недовѣріемъ; здѣсь распространились даже слухи, будто царь договорился съ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 180. Представляется не вполнѣ яснымъ, была ли эта грамота отправлена къ Стефану.

[2]) *Николаевскій.* Изъ исторіи снош. Россіи съ Востокомъ въ пол. XVII в. (Христ. Чт., 1882 г., кн. 5—6, стр. 769).

[3]) *Молдавскія* дѣла, св. 1-я, 7165 Генв. 2. (Пріѣздъ въ Москву Молдавскаго гонца Ивана Родіонова съ прошеніемъ объ отпускѣ изъ Москвы находившихся тамъ восемь мѣсяцевъ Молд. пословъ, митр. Гедеона съ товарищи).

Польшею о возвращеніи ей Малороссіи. Когда послѣ Виленскаго съѣзда царь далъ знать Хмельницкому о его рѣшеніяхъ, то гетманъ въ своей отвѣтной грамотѣ откровенно высказалъ царю свое мнѣніе по этому поводу. «Какъ вѣрные слуги вашего царскаго величества», писалъ онъ, «о неправдахъ и хитростяхъ Ляцкихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ. Явная неправда Ляцкая предъ Богомъ и предъ тобою оказывается, что они на вѣру нашу православную давно воюютъ, и ей никогда желательными быть не могутъ; а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобы, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ Турскимъ, съ Татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать. Ибо, если они Ляхи въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на корону Польскую и великое княжество Литовское выбираютъ, то для чего же послали къ цесарю Римскому просить брата его родного на королевство? Прежде еще посылали къ Рагоци, призывая его на королевство. Все это знакъ явной неправды Ляцкой. Мы Ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны» [1]). Послѣдующія событія доказали, что Хмельницкій въ этомъ сужденіи своемъ былъ правъ; но въ описываемое время Московское правительство болѣе расположено было довѣрять Польшѣ, нежели Запорожскому гетману.

Между тѣмъ событія въ Турціи въ началѣ 1657 г. стали принимать угрожающій характеръ не только для Молдовлахіи, но и для Украйны. Вслѣдствіе Польскихъ происковъ въ Царьградѣ Турецкое правительство, опасаясь могущества Москвы и желая разлучить съ нею казаковъ, стало помышлять о вмѣшательствѣ въ дѣла Украйны. Въ Апрѣлѣ Хмельницкій писалъ къ царю: «Турецкій султанъ сбирается на Украйну съ королемъ Польскимъ и императоромъ Фердинандомъ; ханъ Крымскій также готовъ со всѣми ордами; все это дѣлается по наущенію Ляцкому. Узнавши объ этомъ отъ владѣтеля Молдавскаго (Стефана), извѣщаемъ тебя и молимъ твое царское величество, не вѣрь оступникамъ Ляхамъ» [2]). Въ тоже время пришло изъ Царьграда извѣстіе о насильственной смерти Константинопольскаго патріарха Парѳенія III, казненнаго Турками за его сочувствіе къ Россіи [3]). Къ обо-

---

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. X, стр. 376.

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. X, стр. 380.

[3]) Патріархъ Парѳеній III казненъ былъ 21 Марта 1657 г. Турки повѣсили его на ворота Царьграда. См. Николаевскаго, „Хр. Чт." 1882 г., стр. 775 и Каптерева, Характеръ снош. и пр., стр. 295. Этого патріарха Парѳенія не слѣдуетъ смѣшивать съ его пред-

имъ господарямъ султанъ прислалъ своихъ чаушей, требуя ихъ прибытія въ свою столицу для выраженія вѣрноподданства, но съ тайнымъ умысломъ ихъ низложить. Не получая помощи отъ Москвы въ столь затруднительныхъ объстоятельствахъ, воевода Стефанъ еще въ началѣ 1657 г. вступилъ въ тайныя сношенія съ Швеціей и Ракочіемъ, направленныя противъ Польши. Хмельницкій также имѣлъ намѣреніе присоединиться къ этому союзу, но принужденъ былъ отказаться отъ этой мысли по требованію Московскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, гетманъ до самой своей смерти (27 Іюля 1657 г.) поддерживалъ дружественныя отношенія съ Швеціей, Венгріей и Молдавіей.

Въ Мартѣ 1658 г. воеводѣ Стефану пришлось еще разъ обратиться къ царю съ мольбою о помощи, такъ-какъ ему стала грозить опасность неминуемаго низложенія. Въ тайномъ листѣ, присланномъ въ это время къ царю чрезъ посланца Илью Юрьева, Стефанъ писалъ: «Умыслихомъ въ челобитьѣ нашемъ извѣстить кратко вашему царскому величеству о совѣтованіи Агарянскомъ, не хотяще долгимъ писаніемъ и жалостнымъ повѣствованіемъ отягчавати пречестныя уши ваши; колико же жалость и скорбь замолчати никако же можетъ, слезно начертаемъ. Турки зловѣрные, видяще христіанъ въ междоусобной брани сущихъ, совѣтоваху первые престолы государства христіанскаго въ своемъ царствѣ искоренити, войска сильныя Турскія и Татарскія привели въ землю Мутьянскую (Валахію); такъ и въ Молдавской землѣ своея вѣры бусурманскія и своего языка начальниковъ и старшину, какъ въ Грекахъ и въ Румеліи и въ Болгаріи, постановити хотятъ, и какъ на своемъ сонмищѣ тайномъ усовѣтовали, приближашася къ христіанству до Андріянополя. Богъ только единый ихъ совѣтъ нечестивый раззорити и злое бѣснованіе ихъ на христіанъ удержати можетъ, яко же лучшее вашему царскому величеству святѣйшій патріархъ (Никонъ) писаніемъ своимъ повѣсть, вся бо сія подробну святынѣ его начертахомъ. Мы бо жалостно прослезихомся и сіе малое начертаніе посылающе съ посланникомъ и дворяниномъ нашимъ Ильею, не имѣюще ни единаго помощника откуды, того ради усердно просимъ, да защититъ насъ по обѣщанію своему крѣпкая и высокая рука вашего царскаго величества отъ настоящаго днесь меча Агарянскаго, иже обоюду изостриша поганіи на кровь православную христіанскую». Илья Юрьевъ доставилъ также въ Посольскій Приказъ вѣстовое письмо

шественникомъ на Константинопольской каѳедрѣ, Парѳеніемъ II, который также казненъ былъ (15 Мая 1651 г.) вслѣдствіе происковъ своихъ враговъ за сношенія съ Богданомъ Хмельницкимъ. Онъ благословилъ послѣдняго на борьбу съ Польшею за Православіе.

изъ Молдавіи отъ политическаго агента Московскаго правительства, Грека Мануила Константинова [1]). «Даю вѣдомо великому вашему царствію, что безбожные и беззаконные Агаряне давно имѣютъ страхъ отъ страны вашего царствія, отъ того времени, какъ казнили блаженной памяти господина Парѳенія патріарха, и имѣютъ въ мыслѣхъ своихъ учинити то, какъ въ древнія времена надъ Греки, что прежде просили учинить городъ близъ Константинограда, и какъ тому граду положили основаніе, и послѣ того обладали и царствомъ Греческимъ. Такожде и нынѣ всѣ уповаютъ безбожные и хотятъ учинити основаніе на сей странѣ Дуная и начали ратными людьми воевать Угровлахію и хотятъ отставити Константина воеводу и на его мѣсто поставити иного государя своего, а ратнымъ людямъ приказали быти Татаромъ да Турскому пашѣ. А Константинъ воевода стоитъ со всѣми своими вои зѣло крѣпко и есть готовъ самъ и со всѣмъ воинствомъ, хотябъ пролити кровь для ради любви Христовы. По семъ тебя, великого государя, Господь якоже сподобилъ есть самодержцемъ, также да сподобитъ и Кесаремъ Грекамъ и да сіяетъ имя твое повсюду, аки того великого и святаго Константина во время его, которой распространилъ и утвердилъ церковь Христову. Такожъ и тебѣ великому государю подобаетъ не забыти ихъ отъ милости своей, доколѣ имъ такову нужу и гоненіе и бѣдность терпѣть отъ нечестивыхъ, да ихъ покроешь и помощь имъ учинишь, понеже они благочестивые и православные христіане, уповаютъ на милость Божію и на святое и великое ваше царствіе. И то будетъ въ честь великому вашему царствію, что они имѣютъ противиться противъ безбожныхъ Агарянъ. И сего ради малой и вѣрной рабъ даю вѣдомо, да разумѣете и мыслите, и чинити будете, какъ вамъ Господь подастъ, чтобъ тѣ два государства (т. е. Молдавія и Валахія) не были побѣждены; а только будетъ, что начнетъ быть по сю сторону Дуная Турокъ, и роду христіанскому многую бѣду учинитъ [2])». Прославъ въ Москву своего посланца съ этими вѣстями, воевода Стефанъ надѣялся получить отъ царя немедленный отвѣтъ, «начинать ли ему безъ мѣшкоты войну противъ Турокъ», которая становилась для него неизбѣжною для сохраненія своей власти въ Молдавіи. Но отвѣтъ Московскаго правительства былъ уклончивый: «еще не время такого дѣла начинать», причемъ Стефану давалось обѣщаніе «о времени и случаю подлинно его извѣстить». Но такого случая болѣе не представилось; «въ то время», сообщалъ впо-

[1]) *Молдавскія* дѣла, св. 1, 7166 г. Марта 14. Пріѣздъ въ Москву Молдавскаго посла Ильи Юрьева.

[2]) *Молдавскія* дѣла 7166 г.

слѣдствіи Стефанъ, «когда я отвѣту и указу ожидалъ, жесточайшій и хитрой непріятель Турченинъ совѣтъ нашъ извѣдалъ и меня съ государства моего изогналъ».

Изгнанный изъ Молдавіи, воевода Стефанъ удалился въ свои помѣстья, находившіяся въ Венгріи, и прожилъ здѣсь около года подъ покровительствомъ прежняго союзника своего, Седмиградскаго князя Георгія Ракочи. Послѣдній также находился въ зависимости отъ Турціи и отрѣшенъ былъ султаномъ отъ власти въ Седмиградскомъ княжествѣ одновременно съ низложеніемъ Стефана [1]). Но Ракочи не подчинился такому рѣшенію и, сохраняя еще за собою наслѣдственныя владѣнія въ Седмиградскомъ княжествѣ и въ Венгріи, продолжалъ до самой своей смерти ожесточенную борьбу противъ Турокъ и Поляковъ. Въ 1659 г. Ракочи удалось снова возвратиться къ власти въ Трансильваніи и изгнать оттуда Турецкаго ставленника Акоса Барчая [2]); но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ, и весною 1660 г.

---

[1]) Французскій посолъ Депомпонъ въ упомянутомъ нами выше письмѣ изъ Стокгольма къ Арно говоритъ: „Le traité que le feu roi de Suède fit avec le Ragotzki et avec le prince de Moldavie coûta les états à l'un et à l'autre". Какъ кажется, изгнаніе Стефана изъ Молдавіи было отчасти дѣломъ Валашскаго господаря Константина Щербаня и вѣроятно не безъ участія Польши. Константинъ, захвативъ въ 1659 г. непадолго власть въ обоихъ княжествахъ, извѣщалъ въ то время царя, что „прежній Молдавской воевода Стефанъ, котораго онъ, Константинъ согналъ, нынѣ у Цесаря". Послѣ изгнанія Стефана господарство Молдавіи въ 1658 г. перешло къ Георгію Гикѣ, который былъ въ родствѣ съ Спаѳаріемъ.

[2]) Къ этому времени относится сохранившееся въ Молдавскихъ дѣлахъ слѣдующее письмо Ракочи къ царю Алексѣю Михайловичу о помощи противъ Турокъ (доставленное въ Москву въ Ноябрѣ 1659 г. посланцами Молдавскаго господаря Константина Щербаня архимандритомъ Парѳеніемъ и іеродіакономъ Хрисанѳомъ): „Переводъ съ Латинскаго листа Ракоцы къ царю. Пресвѣтлѣйшій и вельможнѣйшій цесарь, государь намъ почтеннѣйшій! Давно уже думали пресвѣтлому вашему величеству нашего доброхотѣнья къ вашей службѣ объявить буде домашнія трудности и безпрестанныя непріятельскія войны въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя ссылаться довелося, доброму нашему хотѣнію дорогу не заперли. А нынѣ что наше владѣнье, которое нарокомъ на время покинули опять, понеже побили и до Турокъ прогнали измѣнника нашего Баркцая, которой нашего владѣнія противъ всякой правды и природныхъ старыхъ уставовъ къ себѣ хотѣлъ привести, Божіею милостью, по общему изволенію всѣхъ чиновъ приняли, и понеже нынѣ вашему цесарскому величеству Запорожскіе поддалися и счастливымъ вашего цесарскаго величества оружіемъ Татары разбиты и разорены и тѣмъ дорога опять отперлася и ссылаться мочно и хотѣнья наши совершить и безпрестанно на невѣрнаго грубіанскаго недруга одолѣнья впрежъ желаемъ и нашего доброжелательнаго хотѣнья противъ общаго недруга за одно стоять объявляемъ. И надѣемся, что ваше царское величество какъ любезно из-

Ракочи умеръ отъ раны, полученной въ несчастной битвѣ противъ Турокъ при Клаузенбургѣ. По смерти его воевода Стефанъ переселился въ Вѣну.

Двухлѣтнее пребываніе въ Австрійской столицѣ доставило ему случай хорошо ознакомиться съ тогдашними политическими обстоятельствами Европы. При цесарскомъ дворѣ сосредоточивались въ то время главныя руководящія нити военныхъ предпріятій, направленныхъ противъ Турокъ. Въ началѣ 1661 г., императоръ Леопольдъ I отправилъ къ царю Алексѣю Михайловичу посольство, во главѣ котораго стояли Августинъ де Майернъ (впослѣдствіи баронъ Мейербергъ) и Горацій Кальвуччи. Посольство это, кромѣ предложенія посредничества для примиренія съ Польшею, снова предлагало царю приступить къ общему союзу христіанскихъ державъ противъ Турціи. Австрія въ то время начала предвидѣть для себя опасность отъ вмѣшательства Турокъ въ дѣла Венгріи и Трансильваніи, и поэтому привлеченіе Москвы къ этому союзу имѣло для нея теперь немаловажное значеніе. Но Московское правительство, испытавшее предъ тѣмъ въ войнѣ съ Польшею тяжелыя неудачи при Конотопѣ и Чудновѣ (1660 г.), нуждалось въ перемиріи, и ему въ то время было не до новыхъ войнъ. На предложенія цесарскихъ пословъ имъ отвѣчали въ Москвѣ, что царь уже имѣетъ двухъ сильныхъ враговъ, Поляковъ и Крымскихъ Татаръ, а потому не находитъ благоразумнымъ вооружать противъ себя третьяго, гораздо сильнѣйшаго. Впрочемъ, въ случаѣ примиренія съ Польшею на выгодныхъ условіяхъ, царь не отказывался помочь Австріи противъ общаго врага христіанства.

Воспользовавшись сказанными переговорами между Австріей и Россіей, воевода Стефанъ задумалъ и съ своей стороны дѣйствовать на рѣшенія Московскаго правительства и съ этою цѣлью поѣхалъ въ

волите принять сіе наше желаніе, понеже съ нынѣшнимъ пресвѣтлымъ Михайломъ княземъ въ добромъ крѣпкомъ соединеніи недавно стали, и Константинъ, прежній Мутьянской князь, общею нашею силою Молдавской господарь сталъ, которыхъ обоихъ, понеже они смыслы, и оружья ихъ противъ обчего недруга съ вашимъ величествомъ соединитися усердно ради вашему царскому величеству мы особно вручаемъ. А о сихъ и иныхъ дѣлахъ Божьею помочью нашего посла къ вашему цесарскому величеству послать думаемъ вскорѣ, сколь скоро полутчи услышимъ, что въ тѣхъ во всѣхъ земляхъ безъ опасенья проѣхать мочно. И потомъ пресвѣтлому вашему величеству добрѣ счастливое противъ непріятелей одолѣніе и многолѣтнее здравіе тѣмъ всѣмъ на разоренье, которые Христову имени непріятели, желаемъ и наше радѣнье и службу вручаемъ. Данъ въ нашемъ замкѣ Радочевѣ. Ноября въ 1-й день лѣта 1659. Пресвѣтлѣйшему и вельможнѣйшему величеству вашему службою готовый Георгій Ракоца".

Москву. Императоръ Леопольдъ охотно далъ ему отъ себя вольную проѣзжую грамоту и оказалъ содѣйствіе его путешествію. Стефанъ выѣхалъ изъ Вѣны осенью 1662 г., еще до возвращенія изъ Россіи посольства Мейерберга (оно вернулось въ Вѣну весною 1663 г.); поэтому онъ едва ли зналъ въ то время о безуспѣшности этого послѣдняго. Минуя Польшу, Стефанъ избралъ путь чрезъ Силезію и Шведскую Померанію. 27 Ноября 1662 г. онъ прибылъ въ Ригу и отсюда отправилъ своего посланца Петра Ѳеиса съ извѣстительными письмами къ Псковскому воеводѣ, окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Долгорукову и къ Новгородскому боярину князю Борису Александровичу Репнину. Извѣщая царскихъ воеводъ о своемъ прибытіи и намѣреніи безъ замедленія слѣдовать далѣе до Москвы, Стефанъ писалъ: «Отъ которыхъ временъ съ княжества моего Молдавскаго черезъ тиранство Турское изгнанъ быхъ, подумалъ я до царскаго величества человѣка моего послать, но кого посылалъ и тѣ на дорогѣ для несчастья поворотились ко мнѣ. И нынѣ самъ милостію Божіею и Его хотѣніемъ особою своею къ престолу царскому ѣхать постановилъ есмь, не только для особныхъ дѣлъ, но такожъ и для тѣхъ, которыя всему христіанству нѣкогда пожиточны будутъ». На свое извѣщеніе Стефанъ просилъ отъ воеводъ скораго отвѣта, котораго однако не послѣдовало. Бывшій Молдавскій владѣтель не знакомъ былъ съ Московскими государственными обычаями, которые запрещали пограничнымъ воеводамъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными посольствами или отдѣльными пріѣзжими иноземцами, а тѣмъ болѣе допускать ихъ за рубежъ, не испросивши на это предварительное разрѣшеніе отъ царя.

Не получая отвѣта на свои извѣстительныя письма и не предвидя еще ожидавшихъ его затрудненій, Стефанъ выѣхалъ изъ Риги и 5-го Декабря прибылъ въ пограничный въ то время городъ Нейгаузенъ (Новгородокъ Ливонскій), откуда безостановочно прослѣдовалъ чрезъ Русскую границу и остановился въ слободѣ Псково-печерскаго монастыря (въ 60 верстахъ отъ Пскова). Молдавскій воевода ѣхалъ съ женою своею, княгиней Стефанидой, въ сопровожденіи многочисленнаго придворнаго поѣзда, напоминавшаго прежнее достоинство Стефана, какъ владѣтельнаго князя Молдавіи. Онъ имѣлъ при себѣ представителей знатнаго Молдавскаго боярства, послѣдовавшихъ за нимъ въ изгнаніе и сохранившихъ свои прежнія придворныя званія [1]). По со-

[1]) Въ числѣ сопровождавшихъ Стефана знатныхъ лицъ упоминаются бояре: Ермакулъ Антоней отъ Молдовицъ, Иванашка Арыманъ—*постельникъ*, Юрій Алботъ—*логарникъ*, Гаврилъ Кирыманъ—*комисъ*, Константинъ Накулъ—*логовет*ъ, Якубъ Харшани—

общенію пропустившаго Стефана чрезъ рубежъ стрѣлецкаго сотника Копылова, «всего съ нимъ княземъ бояръ и съ стольникомъ, и съ полковникомъ, и съ ротмистры, и съ попутчики, и съ хорунжимъ, и съ капраломъ, и съ драгунами, и съ людьми, и съ ихъ женами и съ челядью», было 75 человѣкъ, «да у нихъ же своихъ 20 лошадей и 92 подводы». Псковскій воевода князь Долгоруковъ, узнавъ о прибытіи Молдавскаго князя съ такою многочисленною и блестящею свитою въ Печерскую слободу, не рѣшился настаивать на возвращеніи прибывшихъ за рубежъ, но не замедлилъ отписать объ этомъ въ Москву. Впредь до указу воевода распорядился отъ себя отпускать Стефану и его спутникамъ продовольствіе въ необходимомъ размѣрѣ, «чѣмъ имъ сытымъ быть, а поденнаго корму безъ царскаго указу давать не смѣлъ». Изъ Москвы послѣдовалъ однако строгій выговоръ воеводѣ князю Долгорукову за то, что онъ самовольно разрѣшилъ Молдавскому князю остановиться въ Печерахъ, а не удержалъ его за рубежемъ: «то вы учинили не гораздо», писали къ нему отъ царскаго имени, «и что велѣли ему дать нашего великаго государя жалованья, муки ржаныя и пшеничныя, и соли, и вина, и пива и иного безъ нашего указу, и то мы велимъ на васъ доправить». Вмѣстѣ съ тѣмъ Псковскому воеводѣ приказывалось тотчасъ-же послать къ бывшему Молдавскому владѣтелю дворянина изъ Псковичей и разспросить Стефана обстоятельно, «ѣдетъ ли онъ къ царю и своею ли волею, или отъ какіе изгони поѣхалъ, и за что и отъ кого на него та изгоня учинилась»; по отобраніи же этихъ свѣдѣній потребовать, чтобы Молдавскій князь отправился обратно въ Нейгаузенъ и ожидалъ за рубежемъ царскаго указа о разрѣшеніи ему въѣзда въ Московское государство. Послѣднее распоряженіе было для Стефана совершенно неожиданнымъ и привело его въ смущеніе. Присланному изъ Пскова дворянину Богдану Неклюдову онъ далъ краткіе отвѣты на его распросы *), поручивъ ему въ тоже время доставить царю два листа,

---

капи-къяй и др. Обстоятельства этого путешестія Стефана въ Москву излагаются нами по неизданнымъ архивнымъ извѣстіямъ, заключающимся въ *Молдавскихъ* дѣлахъ М. Гл. Арх. М. Ин. Д. (связка 5. 7171 г. Ноября 27 пріѣздъ въ Москву изгнаннаго отъ Турковъ Молдавскаго господаря Георгія Стефана и проч.).

*) Въ распросныхъ рѣчахъ Стефана, записанныхъ Неклюдовымъ, упоминаются нѣкоторыя обстоятельства касательно его изгнанія изъ Молдавіи: „какъ пожаловалъ его великій государь, съ своимъ съ государскимъ посломъ послалъ до него князя свой указъ, и пока-де тотъ посолъ великаго государя до него князя шелъ, и онъ же князь изъ Молдавскія земли по тѣхъ мѣстъ отъ Турокъ выгнанъ; и тотъ-де великаго государя посолъ до него Молдавскаго князя не пришелъ, а только-де онъ шелъ до казацкія земли, до

писанные въ Печерской слободѣ 28-го и 29-го Декабря, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ своего прибытія. Въ первомъ листѣ Стефанъ напоминалъ о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ, а также о переговорахъ, веденныхъ отъ его имени митрополитомъ Гедеономъ и не получившихъ окончательнаго утвержденія. «Лукавые Турцы, христіанскаго и креста Христова врази прелютѣйшіе», заключалъ свою повѣсть Стефанъ, «усердіе мое провѣдавше между того времени доколь послы вашего величества пришли бы, меня отъ владѣтельства Молдавскаго изгнаша, и уже пятое лѣто имѣется, отъ котораго времени въ розныхъ и неизвѣстныхъ христіанскихъ владѣтелей краяхъ непостоянпаго счастія помочи искусити принужденъ всегда въ намѣреніе имѣлъ есмь, памятуя милосерднаго вашего величества обѣщаніе, дабы къ вамъ или самъ власною особою или чрезъ письмена прибѣглъ быхъ. Искусихъ пути и вымыслы многіе, но не вѣмъ которою судебъ Божіихъ нуждою, или моимъ великимъ несчастьемъ и расходовъ тщетою учинилось, чего чаялъ получить не могъ. И премного опечалшуся сердцемъ, яко между различныхъ вѣръ владѣтелей Бога моего почитати какъ должно не возмогохъ, обаче многими и зѣло частыми слезъ моихъ изліяньми уже приклоненъ, и мене помиловалъ Господь Богъ мой, здѣ въ царство непобѣдимѣйшаго вашего величества чрезъ различные случаи и розности вещей привелъ есть, что́ великою мнѣ есть утѣхою; попеже тое милосердіе вашему величеству врожденно есть, яко великихъ и христіаннѣйшихъ царей дѣлъ подражатель и отъ лица и слова твоего отъити печальна не оставивши раба твоего. Сихъ всѣхъ изъявленіемъ побужденъ и азъ къ престолу непобѣдимѣйшему вашего царскаго величества милостивому прибѣгаю, никакоже сумняся, чтобъ отъ безмѣрныя милости твоея Окіяна-моря и на меня нѣкая капля не канула. Не особнаго всячески моего прибытка ищу, но общаго христіанскаго добра желаю, и о томъ ревную и труждаюсь. Но вашему величеству тяжекъ быти не хотя, самъ самоличне самую главу дѣла и намѣренія моего смиреннѣ объявити имамъ» *). Этотъ извѣстительный листъ Стефанъ предполагалъ уже послать отъ себя къ царю, когда прибылъ къ нему Неклюдовъ и потребовалъ немедленнаго возвращенія за рубежъ. Такое не-

---

Тегрина (Чигирина?), для того что провѣдалъ про него Молдавскаго князя, что онъ изогнанъ отъ Турокъ. А изогнанъ-де онъ за то, что поддался ему великому государю со всею своею землею".

*) Воевода Стефанъ въ послѣднихъ своихъ сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ употреблялъ на письмѣ Латинскій языкъ; на этомъ языкѣ писаны были и приводимые здѣсь подлинные листы Стефана къ царю, дошедшіе до насъ въ переводѣ.

предвидѣнное обстоятельство побудило Стефана дополнить вышеизложенное во второмъ листѣ къ царю, гдѣ онъ писалъ: «Пресвѣтлые воеводы Псковскіе и ихъ подначальные мнѣ здѣ изъ городка Невгозіи въ Печеры велѣли быть и обнадежили, что о моемъ намѣреніи писали къ вашему величеству, мочно ли мнѣ въ царствіе сіе пріѣздъ учинить. Егда же увидѣлъ, что со мною инако дѣется, какъ надежда начатая о милосердіи вашего величества чтобъ искала, для того настоящими письмены и тѣми жъ краткими напомянути восхотѣхъ, что́ въ вчерашнемъ листу писати потщахся и съ человѣкомъ вашего величества чтобъ послали. Отъ сего времени нѣсколько лѣтъ, когда я былъ въ моемъ господствѣ и владѣтельствѣ Молдавскомъ, ваше величество ко мнѣ и воеводѣ Волоскому посланника посылали съ извѣстными и желательными граматами, я егда оное христіанское величества твоего намѣреніе уразумѣлъ, скоро меня къ повелѣнію готовѣйшаго быти съ письмены чрезъ того-же посланника съ приписаніемъ власныя моея руки свидѣтельствовалъ есмь. Могъ и я ласканьемъ къ вашему величеству послать, какъ владѣтели Волоскіе учинили ужъ тогда, какъ воевода Матвѣй умеръ; но я во благочестіе то вмѣнилъ таковаго монарха повелѣнію покоренъ быти и потому для большей вѣрности и свидѣтельства посланниковъ моихъ, честнѣйшаго отца Гедеона м. Сучавскаго съ товарищемъ къ вашему величеству посылалъ, и тѣ мои послы именемъ и особою моею обѣщаніе вѣрности и подданства учинили, какъ отъ письменной присяги, которую къ вашему величеству съ ними послахъ, явленно есть довольнѣе... Нынѣ въ царствіе твое пріѣхавъ, превеликимъ утѣшеніемъ сердце разливалось, помышляючи, что по маломъ времени милосерднѣйшимъ вашего величества зрѣніемъ наслаждатися возмогу; но надежды оныя, которую въ давныхъ милосердія твоего величества обѣщаніяхъ основалъ есмь, какъ вижу, отпадаю, понеже отсюду изъ Печеръ со стыдомъ лица въ городокъ Невгозію, въ государство пресвѣтлаго королевскаго величества Свѣйскаго, понуждаюсь отойти и тамъ нѣсколько мѣшкать буду. А то-бъ было беззаконно, чтобъ я пороптал противъ вашего царского величества или судебъ Божіихъ; но то или несчастье мое, или какъ нѣкоторые злорадные люди неправдою вашему величеству доносили, что́ и помыслить о словѣ государскомъ нелѣпо есть; понеже слова́ царей и владѣтелей христіанскихъ, которые суть намѣстники Божіи, должны быть непремѣнимы. Всегда и на всякомъ мѣстѣ, гдѣ буду, всегда обѣщаніе мое вещью самою вашему величеству засвидѣтельствую. Аще мнѣ назнаменуете и милостивый отвѣтъ получу, яко мнѣ благоволите, готовъ буду предъ свѣтлымъ лицомъ вашего величества явитись: тогда

уразумѣетъ непобѣдимое ваше величество, что вся моя обѣщанія для общаго христіанскаго добра будутъ имѣтися».

Разрѣшенія Стефану прибыть въ Москву весьма долго не давали, что̀ причиняло ему немалую досаду. «Нощь и день спѣшихъ, писалъ онъ Псковскому воеводѣ изъ Нейгаузена, «чтобы какъ скорѣе моглъ бы къ престолу царского величества пріѣхать, и уже здѣсь даромъ время погубляю; ни пищи, ни питья про моихъ людей и корму конскаго не могу здѣсь имѣти. Прошу твоей пресвѣтлости, да даси мнѣ отвѣтъ, или еще больше ждать дондеже есмь, или дондеже несмь, но убо чрезъ письмо; довольно бо и паче мѣры ожидахъ доселѣ. Если не долженъ есмь азъ больши здѣсь мѣшкать, гдѣ ничтоже есмь, азъ паки возвращусь отнюдуже пріидохъ. Не пріидохъ бо здѣсь хлѣба просити, но да послужу всему христіанству и его царскому величеству». Московское правительство, убѣдившись предъ тѣмъ въ безуспѣшности предложеній Австрійскаго посольства Мейерберга въ дѣлѣ примиренія его съ Польшею, не особенно расположено было теперь выслушивать таковыя вновь при посредствѣ Стефана. Однако отказать послѣднему въ пріемѣ, въ виду прежнихъ своихъ сношеній съ Молдавскимъ владѣтелемъ, царь не рѣшился. Въ Мартѣ 1663 г. послѣдовало наконецъ распоряженіе Псковскому воеводѣ: «велѣть выбрать дворянина добра и досужа и послати его изъ Пскова къ Новому Городку и велѣть ему Стефана воеводу съ женою и со всѣми его людьми принять и ѣхать съ нимъ во Псковъ, а корму и подводъ дать ему примѣрясь къ посольскимъ большимъ статьямъ, чтобы въ кормѣхъ и въ питьѣ въ дорогѣ никакія скудости не было» *). При въѣздѣ въ Псковъ Стефану сдѣлана

*) Въ архивномъ дѣлѣ о пріѣздѣ воеводы Стефана содержатся любопытныя подробности о производившемся ему путевомъ довольствіи. Дѣло было великимъ постомъ, и потому Стефану, какъ православному, отпускалось на день: „по хлѣбу ситному двуденежному, по 2 калача двуденежныхъ. Ѣствы: по 2 щуки, по лещу доброму, по шерешперу, по 4 окуня большихъ росольнымъ да по 5 подлещиковъ ушныхъ, по 5 плотицъ добрыхъ, по кружкѣ масла сѣмяннова, по полоѳунту масла деревяннаго, по чети четверика муки пшеничной, по кружкѣ уксусу, по пучку вязиги, по 12 золотниковъ перцу, по полу золотнику шафрану, по чети ѳунта изюму, по чети ѳунта пшена на день. Да на всѣ дни до Великаго Новгорода 2 головы по 3 ѳунта сахару. Питья: по 6 чарокъ вина двойнаго, по кружкѣ ренскаго или вина церковнаго, по кружкѣ романеи или шпанскова, по кружкѣ мёду патошпаго, по кружкѣ меду цыженаго, по ведру пива добраго на день. Боярамъ и челяди Стефана отпускалъ ѣства и питье особо. Псковскій воевода представилъ въ Москву роспись о томъ, во что̀ обошелся пріемъ Стефана въ Псковѣ (въ продолженіе недѣли): „Всего запасовъ на покупки, опричь хлѣбныхъ запасовъ и яловицъ и барановъ и питья, денегъ все Государя изъ казны вышло на мелкіе расходы 612 рублей 6 алтынъ 4 деньги. А хлѣбные запасы и яловицы, и бараны, и питье, и сѣно давано великаго государя готовая ".

была почетная встрѣча. Воевода распорядился, чтобы по тѣмъ улицамъ, которыми онъ ѣхалъ, было людно и стройно, по посольскому обычаю. Когда же Стефанъ съ своимъ поѣздомъ остановился на приготовленномъ для него дворѣ, то къ нему присланъ былъ отъ окольничаго кн. Долгорукова почетной кормъ и питье немалое. Здѣсь же Стефану объявлено было отъ царскаго имени, что «великій государь указалъ ему ѣхать къ Москвѣ нынѣ одному и видѣть государскія пресвѣтлыя очи вскорѣ, и онъ бы воевода Стефанъ ѣхалъ съ небольшими (т. е. немногими) людьми, а того бъ себѣ въ оскорбленье не ставилъ, что ему ѣхать одному, понеже путь учалъ быть послѣдній, и вскорѣ совсѣмъ никоимъ обычаемъ ѣхать ему нельзя». Подчиняясь такому распоряженію, воевода Стефанъ собрался въ путь одинъ и взялъ съ собою изъ числа провожавшихъ его 21 человѣка (въ томъ числѣ 6 бояръ и чернаго священника). 5 Апрѣля выѣхалъ онъ изъ Пскова на Новгородъ, гдѣ ожидала его такая же почетная встрѣча. Во время путешествія Стефана въ Москву наступила весенняя распутица, такъ что ему пришлось слѣдовать отъ Торжка до Твери водянымъ путемъ р. Тверцою. Въ Тверь онъ прибылъ 1 Мая, а 3 отправился далѣе уже на ямскихъ подводахъ съ проводниками до Клину, куда доѣхалъ 5 числа. Доѣхавши до села Черкизова, сопровождавшій Стефана приставъ далъ знать въ Москву о прибытіи иноземнаго гостя, и на слѣдующій день, 8-го Мая, послѣдовалъ въѣздъ Стефана въ Москву. Приставу приказано было: «пріѣхавъ къ Москвѣ въ земляной городъ, идти большою улицею въ Тверскіе ворота, и по большой же улицѣ въ Неглиненскіе ворота, и отъ Неглиненскихъ воротъ прямо по Красной площади на Варварской крестецъ, и Варварскимъ крестцомъ большою жъ улицею до Варварскихъ воротъ, и въ Варварскіе ворота до двора прямо». Тотчасъ по пріѣздѣ Стефана въ Москву къ нему явились отъ Посольскаго Приказа (которымъ въ то время управлялъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ) назначенный къ Молдавскому воеводѣ приставъ, дворянинъ Алексѣй Аврамьевичъ Мещериновъ и толмачъ Дмитрій Астафьевъ; этимъ лицамъ поручалось находиться при Стефанѣ и всѣ заявленія его передавать въ Посольскій Приказъ. При этомъ Мещеринову въ памяти, данной ему изъ Посольскаго приказа, предписывалось: «пріѣзжати къ Молдавскому воеводѣ на дворъ по вся дни и береженье къ нему держать... а буде воевода учнетъ у него спрашивать о какихъ дѣлѣхъ, и ему противъ того говорить, смотря по его рѣчамъ, чтобы великаго государя имени было къ чести и къ повышенью. А буде учнетъ его спрашивать о великихъ дѣлѣхъ, и ему отговариваться, что онъ человѣкъ служилой, такова дѣла слышать ему не случилось».

При послѣдовавшихъ вскорѣ по пріѣздѣ Стефана разспросахъ его въ Посольскомъ Приказѣ онъ началъ убѣждаться въ томъ, что его предложенія едва ли будутъ приняты Московскимъ правительствомъ. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ при самомъ началѣ переговоровъ предупредилъ Молдавскаго воеводу Стефана заявленіемъ, что «когда онъ, будучи на своемъ господарствѣ, присылалъ къ великому государю бить челомъ въ подданство, въ то время царскаго величества обѣщанья и обнадеживанья о помочи противъ Турка никакого не было». Не смутившись этимъ заявленіемъ, Стефанъ всетаки попытался расположить царя къ участію въ предполагавшемся въ Западной Европѣ общемъ союзѣ противъ Турокъ. Съ этою цѣлію онъ представилъ въ Посольскомъ Приказѣ письменное изложеніе своихъ предложеній въ 12-ти статьяхъ. «Да не разумѣлъ бы кто», объяснялъ здѣсь Стефанъ, «что я упрямо и безъ совѣту князей цесарскихъ сію дорогу учинилъ, понежъ съ грамотами проѣзжими вольными отъ цесарскаго величества пришелъ есмь, котораго князи и думные люди не только причиною, но и заступниками того дѣла были и обѣщалися всякими способами мнѣ помощи давать. Когда ужъ былъ есмь въ дорогѣ, встрѣтилъ есмь нѣкотораго отца честнаго, миссіонарія апостольскаго, въ Татарскую землю посланнаго св. Доменика, именемъ Ѳеликса Мондвида, который также сердце мое потѣшилъ, чтобъ я какъ скорѣе къ вашему величеству прибѣгалъ. Сказывалъ убо, что въ Татарской землѣ есть больше 40.000 вязней *), которые межъ собою крестное цѣлованіе учинили, что имъ повстать противъ Татаровъ, только бы которой князь христіанской противъ тѣхъ сторонъ нѣчто почалъ. И тотъ же Ѳеликсъ Мондвидъ прошлаго лѣта въ Вѣдню Австрійскую книжку нѣкакую подъ титломъ Новаго Ганнибаля, который есть глава вязней и живетъ въ Каѳѣ, выписалъ, которою книгою князей Европейскихъ взбужаетъ и зоветъ противъ общаго непріятеля Христова Креста, какъ изъ книжки, которую при себѣ имѣю, можно узнать. Тотъ же сказывалъ, что то дѣло благословеніемъ папы, наияснѣйшей Венетѣйской рѣчи посполитой и цесарского величества есть, и онъ словомъ священническимъ мнѣ присягалъ и о помощи ихъ обнадежилъ. А когда противъ недруга такъ сильнаго оружія и сердца соединеніе надобно есть, желаютъ князи христіанскіе, чтобъ нѣкоторою мѣрою межъ вашимъ величествомъ и королевствомъ Польскимъ покой учинился, понежъ большой случай Турокъ и Татаръ наѣзжать былъ бы и съ Богомъ воевать и раззорить христіанамъ учинился бы. Когда же христіане общими задоры межъ себя воюются, Турокъ, взявъ случай, силы большія набываетъ и госу-

*) Т. е. плѣнныхъ.

дарства своего рубежи на всякъ день далѣй расширяетъ, которыхъ замысловъ, если во время не порадѣется, надобно опасаться, чтобъ онъ у христіанъ случая изъ рукъ не вырвалъ. Въ прошлыхъ убо недальнихъ лѣтахъ Мутьянскую, Волоскую и Седмиградскую земли цвѣтущія раззорилъ, Варадинъ крѣпость и заступу христіанства вмѣстѣ со многими въ Венгерской земли городы и крѣпости завоевалъ, а никто помощи послѣ преставленія блаженныя памяти Ракоція не чинилъ. Войну явную ужъ Турокъ цесарю Римскому сказалъ, грозитъ, сердитуетъ, гордится; а мы христіане, охъ, спимъ!!».

Воевода Стефанъ просилъ царя не замедлить отвѣтомъ на его предложенія, ибо таковаго ждутъ отъ него христіанскіе князья, а также вышеупомянутый миссіонеръ Ѳеликсъ Мондвидъ, который въ случаѣ благопріятнаго отвѣта царя предполагалъ немедленно отправиться въ Татарскую землю (Крымъ), чтобы при первой возможности произвести тамъ возстаніе христіанскихъ невольниковъ.

Какъ ни краснорѣчиво было такое пламенное обращеніе Стефана къ царю о помощи противъ Турокъ, но оно не достигло своей цѣли. Мы видѣли, что за семь лѣтъ ранѣе царь Алексѣй Михайловичъ самъ горячо желалъ обратить свое оружіе противъ враговъ христіанства и благосклонно выслушивалъ рѣчи Австрійскаго посла Алегретти о такомъ предпріятіи. Но съ тѣхъ поръ Московское правительство успѣло убѣдиться въ неискренности предложеній Австріи и Польши, прикрывавшихъ общими интересами христіанства свои собственныя политическія цѣли, враждебныя Россіи и Православію. Вслѣдствіе этого предложенія Стефана, касавшіяся такого же общаго предпріятія противъ Турокъ, при участіи Римскаго папы и католическихъ князей, встрѣчены были царемъ недовѣрчиво и холодно. Вспомнимъ, что два года предъ тѣмъ въ Москву являлся тайный эмиссаръ Рима, ксендзъ Хорватъ Юрій Крижаничъ, проповѣдывавшій о необходимости заключенія «спасительныхъ союзовъ» съ Западомъ для освобожденія Славянскаго племени и въ тоже время старавшійся посѣять недовѣріе и даже вражду къ Грекамъ, представляя ихъ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ *). Онъ же доказывалъ необходимость мира и дружбы съ Поль-

*) Приведемъ здѣсь интересный отзывъ о Крижаничѣ проф. Кочубинскаго (Одесск. Вѣст. 1887 г. № 66). „Своими мыслями, своими дѣйствіями Крижаничъ производитъ впечатлѣніе страннаго человѣка; но эта странность получаетъ освѣщеніе въ одномъ: онъ былъ отмѣченный птенецъ извѣстной миссіонерской конгрегаціи „De propaganda fide“ въ Римѣ, а въ Москвѣ спеціальнымъ орудіемъ, избраннымъ сосудомъ ея. По крайней мѣрѣ Крижаничъ, еще молодой, но въ Римѣ, уже посвятилъ себя на борьбу съ Православіемъ.

шею. Но Московское правительство послѣ горькаго опыта предшествовавшихъ годовъ стало относиться осторожнѣе къ такимъ совѣтамъ, и Крижаничъ поплатился за свои нападки на Православіе и Грековъ ссылкою въ Сибирь. Впрочемъ самого Стефана, имѣвшаго въ виду ни что иное, какъ освобожденіе своей страны отъ ненавистнаго Турецкаго порабощенія, трудно подозрѣвать въ неискренности, такъ какъ онъ до самаго конца своей жизни оставался преданнымъ сыномъ православной церкви и недругомъ Польши. Политическія обстоятельства на Востокѣ побуждали тогда самихъ Грековъ искать поддержки Европейскихъ державъ. «Гречаномъ тожъ надёжу надобно дать», совѣтовалъ Стефанъ царю: «ибо хотя они освобожденія отъ неволи и докупа поганыхъ Турковъ отъ вашего величества ожидаютъ, однако видячи разными трудностями ваше величество недосужное, не тако давными времены ко княземъ-електорамъ цесарскимъ посла имянного послали, бьючи челомъ, чтобъ ко освобожденію ихъ тоже спомогатели были, который посолъ съ добрымъ и желаемымъ отвѣтомъ поворотился» *). Стефанъ совѣтовалъ также царю «съ королемъ Свѣйскимъ держать истинное и полное пріятство» и объяснялъ, что цѣль, приведшая его, Стефана, въ Москву, можетъ быть непріятна развѣ только его врагамъ въ Молдавіи и Польшѣ, всѣ же остальные христіанскіе владѣтели сочувствуютъ его намѣреніямъ.

29 Мая царь Алексѣй Михайловичъ, ознакомившись съ ходатайствами воеводы Стефана, «указалъ ему быть у себя великаго государя на дворѣ на пріѣздѣ». Для этого приказано было: «послати по него Георгія-Стефана воеводу и владѣтеля Молдавскія земли и въ городъ съ нимъ ѣхати приставу его, Алексѣю Мещеринову, и къ нему великого Государя съ конюшни послати корѣту. А пріѣхавъ въ городъ,

---

Брестская унія, затѣмъ общеніе съ Леваковичемъ, Холмскимъ епископомъ Терлецкимъ, воскрылили его, и онъ все Славянство видитъ уже у ногу папы". „Эти мысли, говоритъ новѣйшій Хорватскій изслѣдователь его жизни (Фрменджинъ), сдѣлались двигателемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ; ея ради онъ жертвуетъ всѣмъ, ей остается вѣренъ до конца своей жизни". Предварительно, на пробу, онъ искушаетъ себя въ Малороссіи (до 1650 г.), затѣмъ подкрѣпляется въ Римѣ и уже тогда рискуетъ въ Москву. Тобольскъ былъ естественной наградой за раннюю горячую проповѣдь провиденціальной миссіи Москвѣ въ исторіи Европы, за великія сладкія рѣчи; ибо за этой проповѣдью прикровена была работа—ad majorem Romae gloriam...

*) При этомъ Стефанъ считалъ нужнымъ разъяснить: „разумѣю о Грекахъ тѣхъ, которые суть добрые христіане; но суть нѣкоторые именемъ христіане, рѣчью—поганымъ пріятельніи, чему свидѣтельствуютъ такіе Греки, которые многіе убытки чинятъ вашему величеству и всему христіанству".

вытти ему изъ корѣты на рундукъ противъ Казенные палаты середняго быка и итти къ великому государю вверхъ Благовѣщенскою папертью и краснымъ крыльцомъ въ столовую избу. А дары владѣтелевы (крестъ золотъ съ алмазы, часы золоты съ алмазы, коверъ шитъ по бархату червчатому волоченымъ золотомъ) нести передъ нимъ». На пріемѣ Молдавскаго владѣтеля царь пожаловалъ его къ своей царской рукѣ и велѣлъ спросить его о здоровьѣ думному дьяку Алмазу Иванову. Желяя дать этому пріему совершенно частный характеръ, царь не высказалъ Стефану никакого отвѣта на его предложенія.

Но Стефанъ не имѣлъ возможности безцѣльно заживаться въ Москвѣ. 9 Іюня онъ писалъ по этому поводу къ думному дьяку Алмазу Иванову: «когда совершенно вѣдомо есть вашей честности, въ какомъ пребываніи суть мои дѣла, бью челомъ, чтобы скорѣе отъ велеможнѣйшаго его величества отвѣтъ воспріялъ еси. Понеже дѣла мои мѣшкоты терпѣти не могутъ, есмь бо уже и старый человѣкъ и добраго здоровья не имѣю, люди мои въ розности суть, животы мои по разнымъ мѣстамъ розрознены и оставлены, о которыхъ если во время разсмотрѣнія не учиню, въ убытокъ большой и въ поздливое убожество въ старости моей прійду. Естьли его величество на статьи, которыя смиренно чрезъ вашу честность подалъ есмь, отвѣту не изволитъ дать, то изволилъ бы дать единъ отвѣтъ, что не полюбилося и на мое жаданіе умилосердитися не хочетъ, а мнѣ бы отпускъ былъ, бью челомъ; понеже больше здѣсь мѣшкать не могу».

Просьба Стефана о скорѣйшемъ отпускѣ изъ Москвы была уважена: 15 Іюня царь вторично принималъ его, при чемъ «сказано было Молдавскому воеводѣ жалованье, въ стола мѣсто ѣства и питье». «А на отпускѣ», значится въ актахъ, «былъ у великаго государя Молдавской владѣтель въ столовой избѣ просто, въ тотъ день какъ былъ на пріѣздѣ Датскій гонецъ Яковъ Андреевъ, и рѣчей никакихъ не было».

Не безъ горькаго чувства въ душѣ возвратился воевода Стефанъ на Псковскую окраину, откуда предпринялъ обратный путь въ Вѣну. Пребываніе въ Москвѣ должно было окончательно убѣдить его въ томъ, что не суждено ему увидѣть осуществленія мечты о великой борьбѣ Креста съ Полумѣсяцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала для изгнанника и послѣдняя надежда возвращенія въ родную ему Молдавію.

Въ 1668 г. воевода Стефанъ, уже проживавшій въ то время въ Шведскихъ владѣніяхъ, въ Штетинѣ, еще разъ обращался къ тишайшему царю съ просьбою дозволить ему дожить свои дни въ православ-

ной Москвѣ. Эту просьбу поддержали предъ царемъ вселенскіе патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, а также Шведская королева Гедвига-Элеонора [1]). Царь разрѣшилъ Стефану съ его женою прибыть въ Москву на постоянное жительство. Стефанъ получилъ это разрѣшеніе поздней осенью 1668 г. и, обрадованный царскою грамотою, писалъ: «Зѣло желаю быти мнѣ подъ неизреченною твоею и превеликою царскою милостью, жительствовати купно съ православными христіаны, нежели между иновѣрцы, иже не суть нашея православныя вѣры. Милости прошу у тебя великаго государя, егда буду у твоего царского величества на Москвѣ, да имамъ свободу еже исходити въ церкви Божія и монастыри, по вѣрѣ молитися, и въ городъ ѣздити и у знаемыхъ бывати кромѣ всякаго возбраненія, а не въ единомъ мѣстѣ сидѣти точію».

Но желанію воеводы Стефана окончить дни свои въ православной Москвѣ не суждено было исполниться. Онъ умеръ въ началѣ 1669 г. въ то время, когда дѣятельно заканчивалъ свои сборы въ предстоявшій ему путь [2]).

Юрій Арсеньевъ.

Уфа, 31 Октября 1895.

---

[1]) Королева-регентша писала царю отъ имени своего малолѣтняго сына, короля Карла XI-го: „Князь Георгій-Стефанъ отъ Турскаго салтана, какъ отъ всѣхъ христіанъ непріятеля, изъ своего княжества Молдавскія земли отогнанъ и нынѣ въ большомъ принужденіи пребываетъ и принужденъ къ инымъ потестатамъ вспоможенія и прокормленія просить. А попеже онъ свое склоненіе имѣетъ къ вашему царскому величеству великія милости просить и притомъ надеженъ, что нашего королевскаго величества дружелюбная грамота объ немъ вспоможеніе учинить можетъ: и наше кор. величество инако о томъ не чаемъ, что ваше царское величество съ христіанскія любви вспоможеніе ему чинить будете не токмо для того, что онъ съ нашимъ княжескимъ величествомъ и съ вашимъ царскимъ величествомъ прежъ сего жилъ въ союзѣ и чрезъ то отъ Турскаго въ то принужденіе впалъ, и что онъ вашего царскаго величества единыя вѣры"... (Молд. дѣла, св. 5-я, 7177 Декабря 19). О ходатайствѣ за него предъ царемъ патріарховъ упоминаетъ самъ Стефанъ.

[2]) *Picot* въ своемъ біографическомъ очеркѣ о Спаѳаріѣ ошибочно предполагаетъ, что Стефанъ-Георгій умеръ въ 1668 году (въ Январѣ). Въ „Русск. Вѣстникѣ" Полеваго за 1841 г. № VI, въ числѣ историческихъ актовъ находится грамота царя Алексѣя Михайловича къ Александрійскому патріарху Паисію отъ 28 Октября 1669 г., въ которой царь извѣщаетъ патріарха, что согласно его ходатайству онъ повелѣлъ „бывшаго Волоскаго господаря Стефана вдову Домну, что нынѣ въ Кіевѣ въ Печерскомъ мѣстечкѣ стоитъ, изъ Кіева взять къ Москвѣ, и о томъ нашъ великій государь милостивый указъ Кіевопечерскія святыя обители къ богомольцу къ архимандриту Иппокентію Гизелю и воеводѣ и окольничему князя Григорью Аѳонасьевичу Козловскому съ товарищи послать и вдову Домну отпустить со всѣмъ помогательствомъ велѣли".

ДВА ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ О. Е. САТИНУ [1])

I.

Господинъ Сатинъ! Хотѣлось тебѣ полкъ твой притравливать, тепереча случай есть. Богъ да будетъ тебѣ помощникомъ. Прощай, желаю увидѣться въ добромъ здравіи. Екатерина.

Апрѣля 2 числа 1769 года.

Кн. Ал. Ал. Прозоровскому поклонись отъ меня.

Всеподданнѣйше получено въ тотъ самый день, какъ пришли изъ-подъ Хотина при мѣстечкѣ Калюсѣ, на Днѣстрѣ лежащемъ: 26 Апрѣля 1769 году, почта № 1.

II.

Господинъ полковникъ Сатинъ! Крестъ монастыря Волохскаго Радовозы, о которомъ объявили тамошнее духовенство, что опой весь изъ Животворящаго Креста, которой вы ко мнѣ прислали чрезъ генералъ-маіора Потемкина, онъ въ цѣлости довезъ, за что̀ много вамъ благодарствую. Я сей крестъ для достодолжнаго почитанія поставила въ придворной церкви, и письмо ваше отдала въ ризницу для сохраненія, и чтобъ память осталась, откуда сія святыня прислана [2]). Я весьма сожалѣла о приключившейся вамъ отъ раны болѣзни; дайте мнѣ знать, владѣете ли вы рукою. Я не хочу лишиться тѣхъ рукъ, а еще меньше тѣхъ людей, кои наполнены ревностію и честностію, и изъ коихъ устъ никогда ложь не выходила, за что̀ васъ премного люблю, и во всякомъ случаѣ весьма охотно желаю оказать, сколько я къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Дек. 1 ч. 1770 года.

Всеподданнѣйше получено 21 дня Февраля, въ 7-мъ часу, на квартирахъ въ Безорабіи, въ Татарской деревнѣ Епикіо, близъ мѣстечка Татаръ-Бунару, № 2.

---

[1]) Изъ книги: „Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ“. Кіевъ 1895 (стр. 108). Окончившій дни свои генералъ-маіоромъ Осипъ Емельяновичъ Сатинъ, очевидно пріятель Потемкина, впослѣдствіи Тамбовскій помѣщикъ, находился въ родствѣ съ однимъ изъ предковъ издателя этой любопытной книги, Кіевскаго профессора И. И. Рахманинова. П. Б.

[2]) Сохранился ли этотъ крестъ? П. Б.

ПИСЬМО Г. Р. ДЕРЖАВИНА КЪ КНЯЗЮ Н. Б. ЮСУПОВУ.

Я слышалъ по праздникамъ вездѣ хоры и все на пріѣздъ гостей. Будетъ ли отъ нихъ польза, еще не извѣстно; но на случай, я написалъ стихи для концерта, для положенія музыки г. Сартія, такъ какъ ваше сіятельство говорили мнѣ, чтобъ я присылалъ къ вамъ написанное когда что̀ мною. Они должны быть пѣты въ день помолвки; но какъ сіе еще при дворѣ глубокая тайна и не должно быть до времени публикѣ извѣстно, то ваше сіятельство, зная лучше меня обстоятельства двора и распоряжая его увеселеніями, можете сіе сочиненіе употребить когда и какъ вамъ заблагоразсудится, не сдѣлавъ хлопотъ себѣ и мнѣ преждевременною его извѣстностію.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вамъ, милостивому государю моему

покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

Пѣснь на случай помолвки.

Орлы и львы совокупились,
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ,
Съ громами громы подружились,
Поцѣловался съ Шведомъ Россъ!

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ!

Гряди, монархъ, на высоту,
Какъ солнце, въ брачный твой чертогъ;
Являй народамъ красоту
Въ лучахъ любви твоей, какъ богъ!

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ!

Младая, нѣжная царевна!
Красой твоей плѣнивъ царя,
Взаимно, вѣчно, будь имъ плѣнна,
Цвѣти какъ роза, какъ заря!

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Спмъ славнымъ рукъ твопхъ трудомъ!

Родители любезны, нѣжны,
Что ваши чувствуютъ сердца?
Въ усердьи льемъ мы токи слезны,
А ваша радость безъ конца.

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твопхъ трудомъ!

Да будетъ въ вѣкъ благословенна
Порфиропосная чета,
Въ Россіи, въ Швеціи насажденна
Премудрость, храбрость, красота.

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ.

Стихи эти, какъ и письмо, доселѣ неизданные, сохранились въ домашнемъ архивѣ княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой (Сумароковой-Эльстонъ), правнучки князя Николая Борисовича, къ которому они писаны, и любезно сообщены ею въ „Русскій Архивъ.“ Числа на нихъ не означено; они должны относиться къ Сентябрю мѣсяцу 1796 года, когда все въ Петербургѣ готовилось къ обрученію великой княжны Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ IV-мъ. П. Б.

ИЗЪ ПАРИЖСКИХЪ ПИСЕМЪ А. И. ТУРГЕНЕВА.

Парижъ, Генваря 8 1841 (27 Декабря 1840).

Вчера, запечатывая письмо къ другу Жуковскому, получилъ я чрезъ Лондонъ пакетъ съ вашимъ общимъ письмомъ и съ полдюжиною другихъ изъ Москвы и Петербурга. Я успѣлъ только заявить полученіе оныхъ и встрепенуться отъ радости! Vous vous êtes côtisés pour me faire du bien. J'accepte avec bien de la reconnaissance ce nouveau mode de charité [1]). Вчера же передалъ и ваши поклоны гр-нѣ Сиркуръ [2]) и князю М. Голицыну. Вотъ что первая отвѣчаетъ мнѣ: «Dites à m-me Yélaguine que son souvenir m'est cher; je pense à elle partout, car elle a une de ces ames d'élite avec les quelles des rapports établis ne peuvent plus s'interrompre. Dites aussi à m-me Pavloff que j'aime à la savoir heureuse et que je voudrais relire ses admirables reproductions de Mitzkewitz; elles auraient ici un grand et juste succès» [3]).

Когда Булгаковъ посылалъ ко мнѣ ваши письма, васъ уже не было въ Москвѣ, гдѣ были получены для васъ и новыя письма отъ меня, и книжки для дѣтей; теперь, вѣроятно, получены и другія, т. е. книги и письма. Я пересталъ писать къ вамъ съ недѣлю тому назадъ; но вчерашнее письмо къ Жуковскому просилъ также переслать къ вамъ: въ немъ любопытная статья изъ National о Русскихъ дамахъ-дипломатахъ: гр. Киселевой, гр. Бенкендорфъ и гр. Ливенъ.

---

[1]) Вы соединились, чтобы сдѣлать мнѣ добро. Съ большою благодарностью принимаю это новое изъявленіе милости.

[2]) Урожденная Хлюстина?

[3]) Скажите г-нѣ Елагиной, что ея воспоминаніе мнѣ дорого; я вездѣ о ней думаю, потому что это одна изъ тѣхъ избранныхъ душъ, сношенія съ которыми, разъ установившись, не могутъ прекратиться. Скажите также г-жѣ Павловой, что мнѣ радостно знать ея счастіе, и что мнѣ хотѣлось бы еще почитать чудесные переводы ея изъ Мицкевича; здѣсь они имѣли бы большой и заслуженный успѣхъ.

3 (15) Генваря 1841.

Поздравляю васъ съ нашимъ новымъ годомъ. Я началъ его съ вечера у графини Разумовской, пригласившей Русскую колонію въ Парижѣ на чай и на Шампанское въ полночь. Посолъ и два или три репрезентанта посольства, дамы: княгиня Разумовская, графиня Браницкая съ прелестной дочерью-невѣстою, графиня Нессельроде, князь Ливенъ, графиня Киселева, Чернышова, Пашкова, Ганъ, Бенкендорфъ съ дочерью Апони, Борхъ съ сестрою, Столыпина и пр. и пр. (Мухановъ). Я проводилъ съ ними старый годъ въ вѣчность, но почувствовалъ свое одиночество въ этомъ салонѣ Русскихъ и возвратился *къ своимъ* [1]) на вторичную вечеринку. На другой день 1 Генваря началъ еще разъ новый годъ на похоронахъ у Англичанина Гильхриста [2]), 88-лѣтняго оріенталиста, проведшаго 40 лѣтъ въ Индіи, откуда за нѣсколько дней получилъ онъ извѣстіе объ оказавшейся у него 6-ти милліонной собственности, коей сдѣлалъ онъ наслѣдницею милую жену, устроивъ прежде участь пяти или шести черненькихъ незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ, и отказалъ въ наслѣдствѣ нетерпѣливому племяннику, который, объявивъ его въ Индіи сумасшедшимъ, явился сюда наканунѣ кончины его и на другой день пригласилъ полицію къ опечатанію имущества. Но вдовушка останется наслѣдницею. Мы проводили гробъ съ крыльца, и я уѣхалъ на завтракъ къ графинѣ Киселевой съ княгиней Волконской и условился съ нею ѣхать сегодня на лекцію Мицкевича; ожидаю спутницъ моихъ.—Въ прошедшую Пятницу былъ на великолѣпномъ балѣ у Англійскаго посла. Красавицы-Англичанки ходили толпами и кружились въ вальсахъ; Русскія не уступали имъ. Молодая княжна Голицына пригожа и мила. Я любовался старичкомъ 80-ти лѣтъ съ морщинами, кои напоминали Римскія колеи на мостовской Помпеи, съ рыжими подкрашенными волосами; онъ танцовалъ во все время, съ зеленою Шотландскою лентою по кафтану. Я спросилъ Мильнея: кто это?—Единственный *перъ* Англіи, объявившій себя банкрутомъ. Онъ промотался, женилъ сына лорда Гордона на богатой и живетъ у него, если не припѣваючи, то по крайней мѣрѣ попрыгивая на всѣхъ балахъ здѣсь и въ Лондонѣ. По законамъ Англіи онъ, яко обанкрутившійся, воленъ летать подъ небесами, не имѣя никакого права на прежнее достояніе.

---

[1]) Т. е. къ брату Николаю Ивановичу. П. Б.

[2]) Въ Дебатахъ 23 Генваря найдете вы біографическую статью о семъ оріенталистѣ-медикѣ.

Завтра обѣдаю у гр. Киселевой, а съ кѣмъ? Скажу послѣ и на ушко...

Всего любопытнѣе было для меня знакомство съ *княземъ Власовичемъ*, начальникомъ Славянской независимой орды въ Верхней Албаніи, долго добивавшейся нашей защиты отъ Турокъ, съ коими впрочемъ, т. е. съ правительствомъ Турецкимъ, Верхняя Албанія въ офиціальномъ мирѣ, не смотря на кровопролитіе съ сосѣдними провинціями. Онъ заговорилъ по-русски, и мы въ минуту ознакомились. Англія взяла сначала сихъ Славянъ (NB. Греческаго исповѣданія) подъ свое покровительство, сдѣлала князя Власовича своимъ консуломъ, дала ему флагъ, но недавно, сдружившись съ Австріей, опять все отняла. Онъ мнѣ разсказалъ свою и земли своей исторію, описалъ Черногорскаго митрополита (25 лѣтъ), путешествія и сношенія съ Россіею и пр. и пр.; но все это не для пера, особливо по почтѣ. Теперь, оставленный Англіею и Россіею, народъ его, изъ нѣсколькихъ *кланов* или ордъ Славянскихъ составленный, въ дружбѣ съ сосѣдями - Черногорцами, ищетъ спасенія въ собственной защитѣ противъ сосѣднихъ Турокъ и, потерявъ недавно сто Славянскихъ головъ въ кровавой битвѣ съ Турками, народъ старается внутренно и душевно укрѣпить себя вѣрою и единодушіемъ народнымъ, а князь Власовичъ, проводивъ семейство и жену (Кіевлянку) въ Сербію, близъ Бѣлграда, на границу Австріи, поручивъ ихъ Богу, собираетъ здѣсь средства доставить народу своему первоначальное просвѣщеніе въ познаніи практической математики и инженернаго искусства, ему по инженерной службѣ въ Россіи извѣстнаго. Здѣсь Дежерандо и проч. обѣщаютъ ему книги и предлагали воспитывать на счетъ правительства или на счетъ любящихъ всеобщее просвѣщеніе частныхъ обществъ нѣсколько молодыхъ его соотчичей, дабы они послѣ могли служить съ пользою своему бѣдному, но доблестному отечеству. Князь Власовичъ не согласился на это предложеніе, утверждая съ горскою и Славянскою откровенностью, что юноши Славянскіе купятъ слишкомъ дорогою цѣною науку, если, пріобрѣтя въ Парижѣ знанія въ математикѣ и въ прочихъ наукахъ, лишатся здѣсь своей чистой нравственности и заразятъ развратомъ свою отчизну, гдѣ нравы предковъ сохраняются во всей первобытной Славянской чистотѣ своей. «Семейство, отечество и вѣра, сказалъ онъ: въ этихъ трехъ словахъ вся общественная и частная жизнь наша и вся наша нравственная и политическая сила». Нравы ихъ — оплотъ ихъ противъ Турокъ. Черногорскій митрополитъ въ семъ санѣ молодостію и Русскою пенсіею уже потерялъ довѣренность народа, продалъ Австрійцамъ для казармъ два монастыря, живетъ не по-монашески, и Черногорія ропщетъ. Англичане и Русскіе запрещаютъ ей возставать

противъ Турокъ, ими покровительствуемыхъ; но можетъ ли она поддаться сильнымъ въ сравненіи съ ея малолюдствомъ сосѣдямъ?

Возвратимся въ салонъ Дежерандо. Онъ продолжаетъ кормить и согрѣвать нищихъ своего квартала, и добрая его племянница, собирая милостыню для своихъ бѣдныхъ, сказала мнѣ, что въ ея кварталѣ, или въ околодкѣ ей ввѣренномъ, ни одно семейство въ эту зиму не нуждалось въ дровахъ. Общественная благотворительность въ Парижѣ не оскудѣла и въ этотъ годъ. Вы не можете явиться ни въ одинъ салонъ безъ *Наполеона* въ карманѣ. Одна красавица сбираетъ въ пользу чиновниковъ Карла X-го, лишенныхъ жалованья, la liste civile; другая въ пользу наводненныхъ, третья въ пользу сиротъ, четвертая въ пользу бѣдныхъ своего прихода; общества для бѣдныхъ и для воспитанія малолѣтныхъ составлены подъ разными наименованіями. Одна дама перебиваетъ у другой *доброхотныхъ дателей*; васъ приглашаютъ *на чай*, *на вечеринку*, но чашка чая обойдется вамъ въ 20 франковъ; васъ зовутъ на проповѣдь аббата *Керà*, Доминиканца Лакордера, но у входа въ церковь стережетъ васъ милое личико съ золотымъ кошелькомъ! Русскіе въ особенности обложены сею добровольною податью. Недавно читалъ я въ журналѣ, что и на лотереѣ въ *пользу Поляковъ* отличились они щедростію. «C'est du bon goût» *), замѣтилъ журналистъ. La Quotidienne, журналъ партіи лежитимистовъ, забывъ *святость и неприкосновенность несчастія*, укоряетъ Поляковъ въ нищенствѣ и въ безпрестанныхъ сборахъ. Одна дама высшаго круга, роскошная въ жизни и въ благотвореніяхъ, намѣрена брать съ собою № Квотидьены, въ коемъ порочатъ Поляковъ, и показывать его тѣмъ изъ лежитимистовъ, кои будутъ звать ее на балъ *de la liste civile* за 20 франковъ: bal en faveur des pensionnaires de l'ancienne liste civile, salle d'Opéra Comique, 26 Janvier. Въ каждомъ журналѣ читаете вы подписки въ пользу наводненныхъ, и между тѣмъ какъ журналисты ополчаются противъ ополченій *Зарейнскихъ*, ангелъ благости собираетъ и шлетъ дары свои съ Рейна и Мозеля и примиряетъ враждебныхъ, кои хотятъ быть *братьями* о Христѣ, но не согражданами Французовъ по милости Тьерса и комп.

18 (6) Генваря. На сихъ дняхъ навѣстилъ я хворую m-me Récamier. Она сидѣла у камина съ однимъ Шатобріаномъ и, поблагодаривъ за *ленту* съ надписью: «à la ville natale», она предложила мнѣ быть ея сотрудникомъ въ устройствѣ вечеринки, для которой она уступаетъ свои два салона. Всѣ лучшіе артисты Итальянской оперы согласились

*) Это очень прилично.

пѣть, а m-elle Rachel играть одинъ актъ изъ Аталіи; и все это въ пользу наводненныхъ *Ліона*, родины милой Рекамье. Въ обоихъ солонахъ врядъ ли удобно помѣстятся 150 слушателей; но мы хотимъ раздать 200 билетовъ по 10 франковъ каждый, въ надеждѣ, что не всѣ пріѣдутъ. Я предлагалъ назначить въ 20 франковъ, также какъ въ пользу de l' ancienne liste civile; но замѣтили, что для *семейныхъ* сумма сдѣлалась бы слишкомъ чувствительною. M-me Рекамье предоставила мнѣ нѣсколько билетовъ для Русскихъ дамъ, кои конечно не ограничатся назначаемою цѣною. Одно условіе: показать ей реестръ приглашаемымъ на этотъ вечеръ. Охотниковъ и охотницъ будетъ вѣроятно болѣе, нежели помѣщенія. Герцогъ Ноаль, одинъ изъ учредителей вечеринки, самъ былъ у m-elle Rachel съ предложеніемъ принести въ жертву на одинъ вечеръ талантъ свой въ пользу Ліонскихъ страдальцевъ. Она не только согласилась охотно, но и взялась сама выхлопотать для сего позволеніе театральной дирекціи. Она вѣроятно умолитъ на доброе дѣло и часто неумолимаго отца (Le feuilleton de la Presse, № сего года). Въ тотъ же день предложилъ я билеты Пашковой, гр. Разумовской; онѣ приняли и за себя, и за своихъ съ благодарностію. Вчера и третьяго дня разнеслись уже слухи о сей вечеринкѣ, и въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ салонъ Рекамье et la présence *de ses illustres amis*, presque invisibles ailleurs*) привлечетъ многихъ. Постараюсь доставить вамъ № *de la Presse* съ забавнымъ фельетономъ, подписаннымъ Vicomte Charles de Launay, т. е. m-me Émile Girardin (Gay). Она прелестно трунитъ надъ выборами академическими по случаю избранія Гюго и Сентъ-Олера. Наконецъ, по ея мнѣнію, талантъ торжествуетъ надъ предразсудками и надъ ожесточеніемъ партій.

Въ *rue Berry* ожидаетъ меня *святая вода*, родимые звуки нашей литургіи, напоминающіе мнѣ родимые берега Волги и Тургенево, гдѣ этотъ праздникъ *храмовой*. Сколько горькихъ и сладостныхъ воспоминаній тѣснится въ груди моей! Какъ все живо, какъ еще все нетлѣнно въ сердцѣ моемъ! Я вижу храмъ сельскій, вижу толпы добрыхъ крестьянъ нашихъ, вижу отца... ихъ и моего. Вижу хоругви и священнодѣйствіе надъ прудомъ села *Богоявленскаго* (Тургенево тожъ)... Можетъ быть, и тамъ вспоминаютъ объ насъ. Можетъ быть, щеголяютъ красныя дѣвицы и молодицы Тургеневскія въ моихъ Парижскихъ и Московскихъ гостинцахъ. Полетѣлъ бы туда! Невидимо припалъ бы къ праху праотцевъ, въ полу-истлѣвшей храминѣ покоящихся, умолилъ бы ихъ простить мнѣ мое тяжкое разстаніе съ ними, невольное и безутѣшное!... Но къ чему? Тамъ праотцы селà и мои, давно,

*) И присутствіе ея знаменитыхъ друзей, которыхъ иначе почти негдѣ увидѣть.

давно истлѣвшіе! Для нихъ «святое вмѣстѣ» въ землѣ родной. Тѣни ихъ давно успокоились; но отецъ, но мать, но братья, коихъ прахъ разсѣянъ по лицу земли... за Невскою оградою, подъ Москвою, надъ Парижемъ... вездѣ прахъ милыхъ и родныхъ! Къ кому пріютиться? Къ праху ли матери у подножія алтаря уединенной обители, или на берегу хладной и постылой для насъ Невы, или смѣшаться съ прахомъ милаго брата, младшаго по рожденію и по разлукѣ и вѣчно, вѣчно незабвеннаго, мнѣ вездѣ и всегда, всегда соприсутствующаго? Друзья мои! Гдѣ бы ни застала меня послѣдняя минута, положите сердце мое у сердца Сережи; пусть смѣшается прахъ нашъ до радостнаго утра, до *святаго и неразлучнаго вмѣстѣ* съ оставшимся и съ разсѣянными отъ Волги до Сены. Такъ, прижмите гробъ мой къ памятнику Сережи или поставьте его у ногъ его, ближе, ближе и исполните мое желаніе, часто повторяемое словами друга отца моего и бѣдныхъ, И. В. Лопухина: «Не тратьте иждивенія на покровъ земли землею» *).

19-е Января. Вчера въ нашу церковь собрались почти всѣ православные Парижанки и Парижане. Сиркуръ, мать ея, Бенкендорфъ съ дочерью, Обрѣскова, Краевская, Нессельроде съ дочерью и пр. и пр. Пѣніе простое, но сладкозвучное, возбудило въ душѣ воспоминанія старины, т. е. давно прошедшей молодости и настроило сердце къ какому-то благочестивому унынію: я вспоминалъ и молился. Княгиня Трубецкая, урожденная кн. Гика, привезла мнѣ стараго *Современника* изъ Бадена и сообщила вѣсти о княгинѣ Вяземской. Краевская дня три какъ оттуда. Княгиня получила письмо отъ мужа: онъ не хочетъ видѣть ни Бадена, ни Гугерта, впрочемъ готовъ встрѣтить ее вездѣ или ожидать въ Петербургѣ. Я надѣюсь, что княгиня предпочтетъ послѣднее предложеніе. Я зашелъ къ княгинѣ Трубецкой съ братьями Мухановыми.

—

22 Гвваря. Souvenirs d'une actrice, par m-me Louise Fusil (née Fleury), Paris 2 vol. 1841. Она жила въ Россіи, въ Москвѣ и Петербургѣ, отъ 1806 года до нашествія Французовъ, съ коими спаслась чудомъ и перешла Березину. Во второй части описываетъ она свою разгульную Московскую жизнь, и для насъ «много милыхъ тѣней возстаетъ» отъ Дмитріева до крошки Ефимовича, который сочинялъ и пѣлъ для m-me Fleury романсы. Познакомясь съ Дмитріевымъ у гр. Брогліо, о коей также много говоритъ разскащица своихъ похожденій, она приняла его предложеніе—показать ей Кремль. «Je voyais souvent chez ces dames m-r Dmitrieff, homme très instruit et très savant; je lui témoignais le désir que j'avais de voir le Kremlin, et il eut la

*) А. И. Тургеневъ похороненъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. П. Б.

complaisance d'être mon cicerone. Il entra dans tous les détails qui pouvaient m'intéresser sur les choses curieuses que renfermait *cet édifice*, palais des Czars, qui fut pris et brûlé par les Tartares et reconstruit peu de temps après. Je fis dès notes en rentrant chez moi»*). И сіи-то замѣчанія, съ помощью Ив. Ив. сдѣланныя, актриса сообщаетъ публикѣ. Право, много любопытнаго для насъ въ этой біографіи. Я означу вамъ содержаніе нѣкоторыхъ главъ, чтобы возбудить любопытство выписать и книгу. Портреты кн. Голиц. (полунощной), гр. Ростопчина, Фильда и жены его, кн. Куракина, Дивовой, Мезонфоръ и пр. сходны съ оригиналами. Какой-то запахъ старинной Москвы (я называю старинною все, что́ жило и цвѣло въ ней до 1812 года и погибло съ нимъ). Гр. Строганова — старуха Московская, супруга гр. Ал. Серг.; образъ жизни Цыганокъ, актрисъ Французскихъ, домовые театры, гр. Ѳеодора Головкина (съ краснымъ словцомъ), князь и княгиня Кутузовы, графиня Орлова, любимая ученица *Фильда* и добрый аббатъ *Сюрюгъ*, спаситель иностранцевъ и своихъ въ Москвѣ плѣненной и горящей. Бѣгство Французовъ описано живо, театръ Французской въ Москвѣ при Наполеонѣ, клобъ Московскій и біографія Ростопчина, вѣроятно изъ брошюры Полтарацкаго перепечатанная. Смерть *Надежды*, ея пріемыша, въ Дрезденѣ, съ эпитафіей des bords de Valmore, въ 1832 сочиненной; я перепишу ее, а для кого? (Ты угадаешь, другъ сердечный).

Вотъ еще книга, которую бы желалъ послать бывшему сотруднику моему, а нынѣ директору оберъ-прокурора Синодскаго, К. С. Сербиновичу: Histoire de l'Hérésie constitutionnelle, qui soumet la religion au magistrat, depuis Luther jusqu'à l'an 1840, par m. Boyer, directeur au séminaire de S-t Sulpice. 1840. Paris. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Les Catholiques persécutés de l'Allemagne, de la Russie, de la Pologne y verront avec intérêt le récit de leurs souffrances». Разсказы о Россіи подкрѣплены *актами*, кои я, кажется, гдѣ-то читалъ въ Германіи. «Il y a des faits inconnus, inédits et cachés; ceux-là, peut-être, connaissent seuls toute la grandeur de ces maux, qui les

*) У этихъ дамъ я часто видала г-на Дмитріева, человѣка очень образованнаго и очень ученаго. Я выразила ему желаніе посмотрѣть Кремль, и онъ любезно согласился быть моимъ путеводителемъ. Онъ входилъ во всѣ подробности относительно предметовъ занимавшихъ меня въ этомъ сооруженіи, въ царскихъ палатахъ, которыя были браты и сожигаемы Татарами, и черезъ нѣсколько времени потомъ возобновлялись. Возвращаясь домой, я записывала мои замѣчанія.

souffrent!» Отъ Лютера до *Симашки* всѣмъ досталось. Одна глава называется «L'hérésie constitutionnelle considérée en Russie depuis Catherine jusqu'à l'empereur Nicolas inclusivement». Митрополита Сестренцевича называетъ онъ «l'ange de Satan de cette contrée». Какая-то сцена митр. Булгака съ Блудовымъ, похороненнаго якобы въ Невскомъ монастырѣ по нашему. Приложено много любопытныхъ документовъ. Я полагаю, что не худо было бы перевести книжку Сербиновича на Французскій и напечатать особо, также съ документами.

24 Генваря. Я получилъ вчера письмо отъ Веймарскаго канцлера Мюллера; онъ допрашиваетъ меня о Жуковскомъ, о его невѣстѣ и пр. и хвалитъ сочиненіе *Иммермана «Memorabilia»* о Нѣмецкомъ характерѣ, особенно отъ 1806 до 1815 г. Вѣроятно онъ лучше судитъ его, нежели *Ленорманъ*, который, какъ слышу отъ его слушателей, получилъ еще письмо отъ *Анонима* съ сильными возраженіями, но только прочелъ начало онаго и задѣлъ въ своемъ оправданіи немного слушателей, кои по одной лекціи хотятъ судить обо всемъ курсѣ. Я вспомнилъ, что *Иммерманъ*—поэтъ и пріятель Жуковскаго, съ коимъ онъ сдружился, кажется, въ Дюссельдорфѣ, куда я пріѣхалъ прошлаго года вскорѣ послѣ его кончины; Жуковскій еще горевалъ по немъ.

25 Генваря. Обрѣскова убрала свои комнатки шелковыми занавѣсами; въ одной стоялъ чай съ прохладительными напитками. Къ 10-му часу почти всѣ гости съѣхались: Разумовская, Браницкая съ племянницами, Нарышкина, Киселева, Барантъ, Пашкова, Хребтовичъ, Бенкендорфъ, Апони, мать и невѣстка, маршалъ Себастіани съ женою эксъ-Давыдовой; всѣ въ щегольскихъ нарядахъ. Блестящій Парижскій свѣтъ выслалъ первоклассныхъ своихъ представительницъ. Кн. Ливенъ мелькнула точно не болѣе какъ на 5 минутъ: едва усѣлась, какъ и вспорхнула до начатія концерта; вотъ и «Цыганка—не младая»! Угадайте ее. Послы и мелкотравчатые дипломаты и едва-ли не полное собраніе Парижскихъ музыкантовъ, артистовъ сверхъ тѣхъ, кои означены въ афишкѣ напр. Chopin и пр.; всѣмъ достало мѣстъ, и всѣ восхищались пѣніемъ Рубини, Тамбурини, Лаблаша и его фарсами (какой колоссъ громогласный!), смычкомъ *Гомана*, аріей *Capenletro* (Неаполитанецъ, женатый на дочери знаменитаго *Camaldoli*, мин. внутр. дѣлъ при *Мюратѣ* и помѣщика прелестнѣйшей дачи монастырской близъ Неаполя) и нашимъ Русскимъ музыкальнымъ семействомъ, въ коемъ 14-ти лѣтній мальчикъ отличается игрою на фортепіано. Выборъ музыки также

удачный: никто не зѣвнулъ, никто не спѣшилъ уѣхать; почти всѣ дослушали съ живымъ наслажденіемъ прелестный *Trio* изъ Вильгельма Теля. Одинъ кн. Т. грустно сидѣлъ въ уголку съ своею подругою-подагрой. Сиркуръ возвратился къ полночи отъ Сенъ-Жерменскихъ вечеринокъ у *Брезе-Лепине*, куда я не могъ попасть. Кларй наша была на балѣ, гдѣ также встрѣтила трехъ *Русскихъ* дамъ, для нея безъименныхъ и неприступныхъ. Завтра балъ для *заштатныхъ чиновниковъ*; послѣ завтра у короля пиръ про весь здѣшній міръ; завтра же и у насъ *) поютъ и танцуютъ подъ клавесинъ и на коврѣ.

26 Генваря. Вчера былъ я у m-me Récamier и узналъ, что для всѣхъ моихъ Русскихъ дамъ и кавалеровъ (болѣе 30-ти) будутъ билеты; она даже показала мнѣ потаенную дверь въ амбразурѣ окна, въ которую изъ комнаты ея сосѣдки, уступающей ей на этотъ вечеръ кабинетъ свой, я могу провести тѣхъ изъ дамъ, въ коихъ принимаю особенное участіе, такъ что онѣ пройдутъ въ первый рядъ, миновавъ другіе. Я пожалъ ей руку за эту привилегію, а она назвала меня своимъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ»; я прибавилъ: «по части сѣверныхъ дворовъ». Мнѣ пришла мысль воспользоваться сею привилегіею въ пользу молодой невѣстки гр. Браницкой, которая все еще не можетъ слышать музыки и оттого не бываетъ ни въ театрѣ, ни въ концертахъ, ни на балахъ. Я могу провести ее въ салонъ-спектакль, когда *Рахель* и сестра ея будутъ играть *второй актъ* Аталіи, и увести ее въ сосѣдніе апартаменты отъ концерта. Со всѣхъ сторонъ требованія билетовъ, даже предложеніе удвоить и утроить цѣну оныхъ. M-me Récamier принуждена отказывать даже *знаменитостямъ* разнаго рода. И меня атакуютъ со всѣхъ сторонъ, а я важничаю и, какъ слѣдуетъ временщику

„Шагаю гордо по паркету
„И въ грошъ не ставлю никого!“

Четыре стола завалены у Жомара новыми книгами и брошюрами, дарами авторовъ, переводчиковъ, издателей. Болѣе всего путешествій. Я взялъ просмотрѣть новую для меня книжку о Россіи: Lettres sur la Russie à son excell. m-r de Struve, suivies de considérations géologiques sur les révolutions du globe, par le d-r *Eugène Robert*, Paris 1840. 8°. Авторъ пишетъ къ нашему Гамбургскому дипломату Струве, извѣстному своими познаніями въ минералогіи. Авторъ отправился изъ Петербурга въ Архангельскъ чрезъ Шлюссельбургъ, Новую Ладогу, Лодейное Поле, хвалитъ добродушіе крестьянъ нашихъ, но не красоту прекраснаго пола.... Въ Архангельскѣ любуется статуей Ломоносова;

*) Т. е. въ семействѣ Н. И. Тургенева? П. Б.

съ г. *Маковцовымъ* отправляется на берега Бѣлаго моря. «Архангельская губернія съ *Новою Землею* вдвое больше Франціи, но только съ 220.000 жителей; въ Колѣ и у Самоѣдовъ заведены школы». Осенью 1839 года былъ онъ уже въ Нижнемъ Новогородѣ, въ дорогѣ утолялъ онъ жажду *простоквашей*. «Mes compagnons préféraient le pivo, espèce de bière qui répond à la nôtre, etc...»; въ Вологдѣ представлялся губернатору Болговскому, и у купцовъ, родственниковъ своего спутника, *пилъ и ѣлъ*, отъ полудня до полуночи, и дивился благочестивому обычаю Русскихъ передъ разлукой съ милыми ближними—помолиться у образовъ. Далѣе: «Je traversai avec un certain sentiment de bonheur et de fiérté le Volga, l'un des plus grands fleuves du globe, la mère des fleuves (matouschka) de la Russie, ainsi que les Russes le désignent... И въ Ярославлѣ завтракаетъ осетриной! Изъ Ярославля въ Нижній Новгородъ водою. На палубѣ бурлаки передъ отъѣздомъ помолились Богу. «Je crus un instant que j'appareillais pour un voyage de circumnavigation!» На пути авторъ сбираетъ *белемниты* и *аммониты*, извѣстные у насъ подъ именемъ *чертовыхъ пальцевъ*. Изъ сего авторъ заключаетъ: «Bien des gens les regardent comme étant les doigts du diable (tschortof)». Въ началѣ Сентября 1839 года онъ въ Москвѣ. Здѣсь описываетъ онъ свое пребываніе въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ обѣдалъ у губернатора Бутурлина съ маркизомъ *Кюстиномъ*. Вотъ m-r Robert и въ Кремлѣ Нижегородскомъ, у памятника Минина и Пожарскаго, восхищается *Песчаною Дельтою*, сліяніемъ Оки и Волги; описываетъ ярмарку, et l'on n'apprendra peut-être pas sans étonnement qu'il se vend ici, pendant le cours de la foire, plus de 40.000 bouteilles de vin de Champagne mousseux de première qualité, à raison de 12 à 15 roubles! Въ балаганахъ Бухарцы, Армяне, Персіяне, Киргизы. Но вы все это знаете лучше путешественника. Мѣшки съ бирюзою. Китайская Сибирская ярмарка. Чай изъ Кяхты. «On y voit des murailles de longues caisses de cette substance». За двѣ версты отъ ярмарки цѣлая деревня, съ чѣмъ или съ кѣмъ—отгадайте..... Robert сообщаетъ таблицу произведеній Русскихъ фабрикъ и Азіатскихъ товаровъ 1838 года. Въ Москвѣ Кремль, Иванъ Великій, колоколъ... короны и скипетры Польскіе, Грузинскіе, носилки Карла XII при Полтавѣ, богатые оклады образовъ.... Воспитательный домъ, окрестности, обо всемъ слова два, и мои милыя Воробьевы горы.

Новаго въ этой книжкѣ только то, что въ ней не бранятъ Русскихъ. Изъ Петербурга авторъ отправился въ Ревель на пароходѣ: Fürst Menschikoff. Слова два о Финляндіи и о переворотахъ земнаго шара.

4 Февраля. Шатобріанъ разговорился со мною вчера о Поццо-ди-Борго. Онъ уже сошелъ со сцены міра, геній погасъ, одна матерія живетъ еще въ немъ и здравствуетъ; ибо онъ сохранилъ аппетитъ и всѣ свои матеріальныя привычки, къ числу коихъ причислено и регулярное чтеніе журналовъ. Память его ослабѣла, онъ часто не узнаетъ самыхъ короткихъ своихъ пріятелей; немногіе посѣщаютъ его; онъ окруженъ семействомъ племянника, но всегда выходитъ въ салонъ и къ столу во фракѣ и башмакахъ и по прежнему съ золотымъ руномъ на цѣпочкѣ. Иногда вдругъ блеснетъ въ немъ лучъ прежняго ума и здравой политики, къ удивленію слушателей. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ меня, что на сихъ дняхъ Поццо съ живостію и почти съ прежнею проницательностію начерталъ въ короткихъ словахъ картину Европы вѣрно и безпристрастно и потомъ опять замолкъ и какъ бы утомился отъ умственнаго напряженія. Шатобріанъ, отдавая справедливость *прежнему* Поццо, напомнилъ о *конгрессѣ Веронскомъ*; а я передалъ ему *отчасти* то, что̀ слышалъ отъ Поццо-де-Борго за три года предъ симъ въ Лондонѣ, вскорѣ по появленіи въ свѣтъ книги Шатобріана. Я не могъ, не оскорбивъ Шатобріана, высказать ему мнѣніе Поццо о книгѣ и объ участіи автора въ конгрессѣ Веронскомъ; но не скрылъ отъ него, что императоръ Александръ неохотно подавался на совѣтъ Поццо сблизиться съ Шатобріаномъ и употребить его орудіемъ политическихъ плановъ своихъ, что сближеніе сіе послѣдовало по убѣжденіямъ только Поццо; что Шатобріанъ сдѣлался совершенно орудіемъ Поццо и Александра, и пр. Шатобріанъ зналъ о холодности къ нему Александра, принесенной въ жертву его политикѣ. Орденъ св. Андрея, данный Шатобріану прежде *Вилеля*, тогдашняго перваго министра Франціи, довершилъ минутное сближеніе. Шатобріанъ смѣшалъ его съ Австрійскимъ орденомъ св. Стефана и раза три повторилъ, что императоръ Александръ далъ ему сей послѣдній (Шатобріанъ получилъ его отъ Австрійскаго императора). Эта черта, казалось бы, могла служить доказательствомъ равнодушія его къ почестямъ; но, забывъ названіе ордена, онъ не можетъ простить Поццо и его преемникамъ, что они не зовутъ его на обѣды дипломатическіе вмѣстѣ съ министрами и съ корпусомъ дипломатическимъ въ *табельные дни*! Будучи Андреевскимъ кавалеромъ, онъ полагаетъ, что Русскій посолъ долженъ приглашать его на эти офиціальныя пирушки. «Я бы конечно не затруднилъ посла моимъ присутствіемъ; но въ правѣ ли былъ Поццо-ди-Борго не включать меня въ число званыхъ?» О *Геній Христіанства*! Гдѣ твое смиреніе?...

9 Февраля. Чья бы рука ни заронила зерна на богатое поле древней Русской жизни, лишь бы не свѣялъ его вихрь времени, лишь бы возросло и созрѣло оно во время свое, лишь бы жила и цвѣла Россія, «по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой» (Карамзинъ).

Въ библіотекѣ познакомился и разговорился я съ *Капефигомъ*, авторомъ любопытныхъ историческихъ компиляцій и біографій, вамъ давно извѣстныхъ. Онъ собирается весною въ Россію и распрашивалъ меня о путяхъ, ведущихъ туда моремъ и сухимъ путемъ. Онъ конечно не оставитъ Французскихъ манускриптовъ *Дубровскаго* въ Императорской библіотекѣ безъ разсмотрѣнія. Шамполіонъ-Фижакъ увѣрялъ меня, что каталогъ онымъ печатается по предписанію здѣшняго Министерства Просвѣщенія, въ актахъ, имъ издаваемыхъ, кои по предписанію здѣшняго министра Сальванди присылаются ко мнѣ. Но неизвѣстно еще, кто доставилъ сюда сей каталогъ; увѣряютъ однакоже, что не Барантъ, коему также дозволено было разсмотрѣть и описать сіи драгоцѣнныя рукописи. Какъ скоро я получу квартантъ, заключающій сей каталогъ, доставлю его въ Петербургъ для облегченія библіотекарямъ почти полувѣковаго труда ихъ надъ рукописями, Дубровскимъ изъ Парижа въ самый пылъ революціи вывезенными.

Парижъ. 1841 Февраля 8 (20). Возвращусь къ *Мицкевичу*, когда онъ возвратится къ Русской и Польской новѣйшей словесности. Сербію знавалъ я въ ея историкахъ и поэтахъ и провелъ у мецената ихъ Ѳеофана Стратимировича шесть недѣль въ его метрополитальномъ градѣ Карловцѣ. Онъ былъ другъ *Шлецера*, посвятившаго ему часть своего *Нестора*. Миръ праху добродѣтельнаго православнаго старца! Онъ скончался года за два предъ симъ и былъ уже давно митрополитомъ всего *Словено-Сербскаго и Валахійскаго народа* и Австрійскимъ *дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ*, когда я, въ 1804 году, съ Андреемъ Кайсаровымъ, навѣщалъ его. Теперь на епископскихъ православныхъ престолахъ въ Венгріи, въ Сербіи и въ Славоніи сидятъ его воспитанники, нѣкогда мои пріятели и кореспонденты, въ числѣ ихъ и поэтъ *Мушицкій*. Я сбирался когда-то въ запискахъ о земляхъ Славянскихъ, мною посѣщенныхъ, издать нѣсколько пѣсенъ и гимновъ его; но *славянофильство* принадлежитъ къ забавамъ моей первой молодости.

Парижъ, 1841 Февраля 9 (21) Воскресенье.

Вы знаете, что въ здѣшней королевской библіотекѣ находится нѣсколько Славянскихъ и Русскихъ рукописей, мною отысканныхъ, отчасти

исчерпанныхъ и Строевымъ описанныхъ. Рукописи сіи долго смѣшаны были съ Восточными, и никто въ нихъ, до насъ, не заглядывалъ; теперь просматриваетъ ихъ П. А. Мухановъ и воспользуется ими для своего *Сборника*. Здѣшнее Министерство Просвѣщенія, кажется, при Кузенѣ или Вильменѣ, назначило 1000 фр. тому, кто приведетъ сіи рукописи въ порядокъ, сдѣлаетъ имъ подробную опись для начальства королевской библіотеки и для пользы и удовольствія всей публики. Вмѣстѣ съ сими Русскими рукописями находятся и Польскія и любопытные документы о Россійско-Польской исторіи, изъ коихъ я года за четыре предъ симъ многое выписалъ. Я давно желалъ, и эту мысль подала мнѣ милая и умная Русская дама, чтобы министерство поручило именно Мицкевичу сдѣлать сей каталогъ и подало бы ему тѣмъ случай не только разсмотрѣть и оцѣнить сіи рѣдкости Славянскія, но и выработать на-досугѣ и не съ большимъ пожертвованіемъ времени назначенные 1000 фр. Вчера у Ламартина *Вильмень*, министръ народнаго просвѣщенія, заговорилъ со мною, разспросилъ о предметахъ нынѣшней моей дѣятельности; а я упомянулъ объ архивѣ королевской библіотеки и о лекціяхъ *Мицкевича*, не имъ, а противникомъ и предмѣстникомъ его Кузеномъ на каѳедру Славянской литературы призваннаго. Я предложилъ ему поручить ему составленіе систематическаго каталога Славянскихъ рукописей. «Познакомьте меня съ нимъ, отвѣчалъ мнѣ Вильмень; увѣрьте его, что хотя не я призвалъ его къ сей каѳедрѣ, но что я не менѣе уважаю талантъ и знанія его и готовъ сдѣлать для него все, что́ будетъ отъ меня зависѣть. Привезите его ко мнѣ; мы переговоримъ съ нимъ о вашемъ предложеніи. Королевская библіотека не въ порядкѣ, рукописями болѣе пользуются иностранцы, чѣмъ Французскіе ученые. 1000 фр. будутъ наградою тому кто сдѣлаетъ каталогъ Славянскимъ». Я отвѣчалъ, что знаю Мицкевича болѣе по его поэзіи и по его лекціямъ, чѣмъ лично; но что дамъ знать ему о желаніи министра съ нимъ познакомиться и понавѣдаюсь самъ, впослѣдствіи, объ успѣхѣ моего ходатайства. Вильмень осыпалъ меня учтивостями и снова пригласилъ къ себѣ. Тутъ же передалъ я его порученіе Русской дамѣ, съ коей часто о Мицкевичѣ бесѣдую; она увидитъ его сегодня и уговоритъ нелюдима-профессора заглянуть въ кабинетъ своего министра и эксъ-профессора.

Я былъ на двухъ *утренникахъ*: у гр. С. и К. и прочелъ *Октябрское* письмо *изъ Басманной*, въ коемъ называютъ меня: le cher évaporé и поручаютъ мнѣ познакомить съ Парижемъ одного изъ новичковъ-соотечественниковъ, коего отецъ былъ долго моимъ сослуживцемъ. Передайте *Басманному философу* *) мою благодарность за порученіе;

*) Т. е: Петру Яковлевичу Чадаеву. Н. Б.

Гал....ъ *) возвратится *истымъ* Парижаниномъ, какъ нѣкогда Вас. Льв., узнаетъ всѣ тропки булевара, всѣ магазины новыхъ модъ, классическіе салоны Рекамье и Сиркуръ, литературныя знаменитости отъ кедра до иссопа, отъ Ламартина до Marmier, Академіи, Сорбону и вечеринки m-me Ancelot, гдѣ въ безпрерывной борьбѣ элементы юной Франціи съ лежитимистскимъ настоемъ, и классицизмъ съ романтизмомъ во второклассныхъ своихъ представителяхъ, гдѣ Польскіе и Гишпанскіе выходцы упиваются Русскимъ чаемъ и гдѣ я за полночь не засыпаю.

Парижъ, 1841 Марта 2.

Получаю толстый пакетъ изъ Петербурга съ книгой о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича Кошихина и съ Современникомъ Плетнева, при письмѣ его. Читаю предисловіе къ Кошихину. Я нашелъ эту рукопись въ 1839-мъ году лѣтомъ, въ Упсалѣ, когда еще малая часть оной была доставлена Археографической Комиссіи, просмотрѣлъ ее подробно, отмѣтилъ содержаніе оной и, узнавъ, что г. профессоръ Соловьевъ имѣетъ уже копію или большую часть главъ сей рукописи, немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ представилъ Государю чрезъ кн. А. Н. Голицына краткое содержаніе сей рукописи и біографическое извѣстіе объ авторѣ и просилъ о немедленной перепискѣ всего текста. Государю угодно было приказать напечатать его, и кн. Голицынъ сообщилъ о семъ высочайшее повелѣніе министру просвѣщенія; а я просилъ его наградить трудъ г. Соловьева. Рукопись напечатана; скоро будетъ она въ рукахъ всѣхъ любителей Русской исторіи; новый свѣтъ разольется на старину Россіи. Въ предисловіи описанъ трудъ г. Соловьева. Я первый отдалъ ему честь первой находки; я могъ не только списать, но и прежде издать ее. Узнаетъ ли Россія и о другихъ сокровищахъ, выведенныхъ мною на свѣтъ изъ подваловъ и тайниковъ почти всей Европы, отъ Мадрита до Стокгольма, отъ Лондона до Ватикана? Прощаю издателямъ за себя, но не прощаю за Кошихина. Они приводятъ причину, по коей Кошихинъ удалился изъ Россіи: онъ не хотѣлъ доносить на отставленныхъ воеводъ и «служить орудіемъ клеветы»; страшась мщенія за благородный поступокъ, покинулъ отечество. Горе ведетъ у насъ къ пьянству. «Въ нетрезвомъ видѣ» убилъ онъ своего хозяина, съ коимъ былъ въ ссорѣ по подозрѣнію любовной связи съ его женою.

Какъ часто въ бѣшенствѣ иль въ страсти
Несчастный, слабый человѣкъ
Проступкомъ омрачаетъ вѣкъ!
(Кн. Козловскій).

*) Вѣроятно Галаховъ. П. Б.

Кровь омыла преступленіе; порокъ пьянства—порокъ и несчастіе, но не безчестіе. Издателямъ Кошихина надлежало удержаться въ произвольныхъ предположеніяхъ о развратѣ Кошихина; но они прибавляютъ: «съ достовѣрностію можно полагать, что онъ не отличался приверженностію къ вѣрѣ, твердыми правилами и неукоризненнымъ поведеніемъ». Но какъ же снискалъ онъ дружбу нѣкоторыхъ знаменитыхъ современниковъ, Гербинія и Родбека; какъ же чужеземецъ Баркгузенъ говоритъ о Кошихинѣ: «Fuit profecto solers animo atque etiam ingenio scissimus inter suos coaequales et conterraneos, и далѣе величаетъ его— ingenio incomparabili!» *).

Въ замѣчаніи къ предисловію на стр. IX издатели говорятъ, что Кошихинъ «явно увлекается озлобленіемъ противъ своего отечества и повторяетъ непріязненные толки о Россіи иностранныхъ писателей» и въ доказательство своему жестокому обвиненію приводятъ слова Кошихина, на стр. 41-й приведенныя. Что же въ ихъ строкахъ? Кошихинъ объясняетъ, какимъ образомъ подъячіе записываютъ иногда не съ совершенною точностію переговоры пословъ на посольскихъ съѣздахъ, «*выславляючи свой разумъ на обманство*!»—«Для чего такъ творятъ?» (стр. 41) Отвѣтъ не въ пользу нравственнаго просвѣщенія тогдашнихъ Россіянъ; но Кошихинъ прибавляетъ: «*Благоразумный читателю! Чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ*» и пр. Гдѣ же тутъ озлобленіе противъ отечества? Опередившій вѣкъ свой Кошихинъ думалъ о Россіи также въ концѣ XVII-го столѣтія, какъ Петръ Великій въ началѣ XVIII-го. Ни тотъ, ни другой не хотѣли льстить соотечественникамъ; но одинъ перомъ, другой дубинкою, оба правдою кололи глаза. Въ числѣ *погрѣшностей* Кошихина издатели полагаютъ мнѣніе его, что Русскіе цари, послѣ Ивана Васильевича, коего льстецы назвали *Грознымъ*, давали записи «безъ вины никого не казнить ни за что̀ и безъ вѣдомости бояръ и думныхъ людей тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Юридическое выраженіе: «Царь указалъ и бояре приговорили» кажется имъ какою-то пустою фразою, потому что употреблялось даже и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, въ «самодержавіи котораго никто доселѣ не сомнѣвался». Вы правы, г.г. издатели: Уваровъ приказалъ, и вы приговорили Ивана Васильевича къ кровавой насмѣшкѣ надъ *юридическимъ* выраженіемъ

*) Былъ онъ по истинѣ дѣятельнаго духа и даже ума, ученѣйшій среди подобныхъ себѣ и соотечественниковъ.—Ума несравненнаго.

Кошихина—*къ озлобленію противъ отечества*! Закроемъ на время акты процесса.

Современникъ опять напечаталъ *Хронику Русскаго* *) со всѣми собственными именами, означеніе коихъ ему именно воспрещено было, и съ такими мелочными извѣщеніями, отъ коихъ краснѣлъ самъ *лѣтописецъ* при первомъ прочтеніи своей *хроники*. Онъ приметъ всѣ предосторожности, чтобы впредь *Современникъ* не приносилъ его въ жертву ни читателямъ, ни порицателямъ своимъ. Многое въ *Хроникѣ* не досказано. многое не приведено вполнѣ, напр. стихи всѣмъ извѣстные, кои надлежало бы привести сходно съ оригиналомъ, а не полстрокою. Иностранныя цитаты съ ошибками въ правописаніи и даже иногда безъ смысла. Всего досаднѣе, что то, что̀ всего любопытнѣе для читателей, не признано достойнымъ къ напечатанію; напр. письмо Французской Директоріи къ *Шиллеру*, письмо Виланда о первомъ свиданіи съ Гёте. И какъ переведены Нѣмецкія цитаты, напр. приведенныя слова Іоанна Мюллера на стр. 31-й! Переводчикъ не понялъ ихъ. Онъ сказалъ: «Это заставляло меня забывать большую часть моего собственнаго времени», вмѣсто: «Я могъ почти забывать *мое* время!» Кто отгадаетъ мысль Миллера! И зачѣмъ переводить въ другой разъ, когда я уже выразилъ ее въ текстѣ? Вся эта страница, до моихъ занятій въ Московскомъ Архивѣ относящаяся, непонятна, ибо многое выпущено. Но *Современникъ* думаетъ только забавить своихъ читателей, хотя бы и на счетъ добродушнаго Лѣтописца...

Напечатано съ современнаго списка, сохранившагося въ бумагахъ А. Я. Булгакова, пріобрѣтенныхъ въ 1865 году Н. С. Киселевымъ и сообщенныхъ имъ въ „Русскій Архивъ“. П. Б.

*) Сочиненіе самаго А. И. Тургенева. П. Б.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА.

I.

РОСТОВСКАЯ „САТИРА“ 1800 ГОДА.

Вскорѣ по восшествіи своемъ на Русскій престолъ, императоръ Павелъ I строжайше повелѣлъ, чтобы губернаторы доносили ему, „отнюдь не рѣже, какъ два раза въ мѣсяцъ“, самымъ обстоятельнымъ образомъ о всѣхъ наиболѣе „замѣчательныхъ происшествіяхъ“. Губернаторы исполняли этотъ высочайшій приказъ на основаніи донесеній исправниковъ и городничихъ; но послѣдніе часто затруднялись различать крупное отъ мелкаго, важное отъ пустого. Случались курьезныя исторіи. Къ числу ихъ относится *„Дѣло о сочиненной Ростовскимъ купеческимъ сыномъ Милютинъ сатирѣ“*. Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ.

31 Іюля 1800 г. Ростовская городская полиція донесла Ярославскому губернатору, тайному совѣтнику Николаю Ивановичу Аксакову, что „съ 13-го по 30-е Іюля въ городѣ Ростовѣ пожаровъ и скотскихъ падежей не имѣлось, а равно и никакихъ важныхъ и заслуживающихъ вниманія происшествіевъ (sic) не происходило, и противныхъ узаконеніямъ поступокъ не усмотрѣно, и жалобъ ни отъ кого не было, кромѣ того, что оказался виновнымъ въ сочиненіи сатирической пѣсни Ростовскій купеческій сынъ Андрей Милютинъ, о коемъ и слѣдствіе производится“.

Злополучнаго „сатирика“ засадили въ тюрьму, изъ которой, въ Сентябрѣ того-же года, онъ послалъ къ Аксакову слѣдующее прошеніе:

„Небезъизвѣстно вашему высокопревосходительству, по докладу къ вамъ дошедшему отъ здѣшняго города г-на городничаго Горбунова, о выданной (sic) моей руки сего-жъ города купеческому сыну Василію Разсыльщикову сатирическаго сочиненія. По чистой совѣсти и по долгу присяги я сіе и объяснилъ минувшаго Іюля 23 числа въ градской полиціи; но онъ, господинъ городничій, меня содержитъ, яко закону преступника, съ прочими тому подобными въ тюремномъ сидѣніи и тѣмъ хочетъ причинить мнѣ, по комерціи нашей купеческой, раззореніе, отчего я уже чрезъ столь долгое содержаніе въ тюремномъ сидѣніи получаю немалое раззореніе“.

„Воззрите, нашъ щедрый отецъ, и не лишите законнаго вашего покровительства, которымъ я и вся Ярославская губернія обязаны пользоваться, повинуясь истиннымъ и закона исполнительнымъ (sic) вашимъ повелѣніямъ.

Но я, и по насланному въ означенную полицію отъ вашего высокопревосходительства предложенію, вторично былъ спрашиванъ прошедшаго Августа 31 числа, что точно-ль та сатирическая бумага отъ меня была выдана умышленно; но я тоже утверждалъ, что истинно она выдана безъ всякого злого умысла, которая тоже нигдѣ мною въ настоящее дѣйствіе произведена не была. Все сіе я, по долгу присяги, и объяснилъ той полиціи справедливо; но оная полиція, принявъ отъ меня объясненіе, рѣшенія своего не оказываетъ, почему и прошу у вашего высокопревосходительства, милостиваго и законнаго покровителя, дабы я чрезъ сіе долгое сидѣніе въ тюрьмѣ уже не могъ и совсѣмъ лишиться купеческой комерціи и прійти тѣмъ въ крайнее раззореніе и убожество, а тѣмъ-бы чрезъ то и постороннимъ не доставить вящшаго убытку.

„Воззри, щедрый отецъ, на дѣланное мнѣ отъ г-на Ростовскаго городничаго столь великое притѣсненіе и не лиши пользоваться вашего высокопревосходительства щедрою защитою, которой съ нетерпѣливостью ожидать буду. Къ сему прошенію Ростовскій купеческій сынъ *Андрей Петровъ Милютинъ* руку приложилъ“.

Ярославское Губернское Правленіе потребовало отъ Ростовской городской полиціи вѣрную копію съ означенной „сатиры“ вмѣстѣ съ объясненіемъ: кто именно пострадалъ отъ сего произведенія, на кого были устремлены „сатирическія стрѣлы?“ Въ отвѣтѣ значилось, что, по словамъ самого сочинителя, онъ „написалъ сію сатирическую пѣсню на купеческую жену Анисью Кузнецову, на канцеляриста Дмитрія Романова, на маіоровъ Внукова, Кудрявцева и на коллежскаго ассесора Озерова“. Далѣе Милютинъ показалъ, что „сочиненная имъ пѣсня писана на вышеименованныхъ людей безъ всякаго умысла, и что оное сочиненіе отъ него послѣдовало единственно въ пьянствѣ, а для любопытства отдано было купеческому сыну Василью Разсыльщикову“.

Въ чемъ-же, спрашивается, состояли вирши, взволновавшіе чиновный людъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ, начиная съ маленькихъ приказныхъ и кончая крупною персоною, губернаторомъ? Увы! Мы не можемъ удовлетворить любознательности современнаго читателя. Вся „сатира“, состоящая лишь изъ 13-ти строчекъ, содержитъ въ себѣ столько-же, если не болѣе, крѣпкихъ словцовъ. Отъ нихъ не отказался-бы и знаменитый эротическій (тогда уже покойный) поэтъ Иванъ Семеновичъ Барковъ; да и тотъ, конечно, внушилъ-бы своему подражателю Ростовскому сатирику, что, описывая похожденія туземныхъ гетеръ съ ихъ поклонниками, все-таки нужно владѣть стихомъ и покоряться риѳмѣ...

Какъ-бы то ни было, копіи „сатиры“ были приложены къ дѣламъ, производившимся о Милютинѣ въ Ростовской полиціи, въ тамошнемъ Магистратѣ и въ Ярославскомъ Губернскомъ Правленіи. Сіе послѣднее сдѣлало

полиціи выговоръ за то, что она, въ противность указа 10 Февраля 1763 года, содержала его слишкомъ два мѣсяца въ острогѣ, не передавая дѣла о немъ въ Магистратъ, на его рѣшеніе.

Магистратъ рѣшилъ (донесеніе Губернскому Правленію отъ 28 Ноября 1800 г., № 1114) такъ: „Хотя объявленный купеческій сынъ Милютинъ, за сочиненіе сатирической пѣсни, и подлежалъ-бы изображенному въ Воинскомъ 149 Артикулѣ взысканію; но какъ онъ сіе сдѣлалъ безъ всякаго намѣренія, единственно въ пьянствѣ, которое (т. е. сочиненіе), въ тоже время, самъ онъ, не сказывая никому, чрезъ отсылку къ надзирателю Лупандину обнаружилъ, а потому и помянутые въ немъ люди ничего къ обидѣ ихъ относящагося не ищутъ. Въ разсужденіе чего и уважая долговременное его по сему дѣлу подъ карауломъ содержаніе, вмѣнивъ оное въ чувствительное ему наказаніе, освободить отъ сего дѣла (и освобожденъ); а при томъ внушено ему, съ должною подпискою, чтобъ онъ впредъ таковыя пѣсни сочинять не отваживался, иначе подвергнетъ себя неминуемому, по законамъ, наказанію, т. е. будетъ бить батогами нещадно“. Объ этомъ рѣшеніи чрезъ Ярославскаго губернатора доведено было до свѣдѣнія высочайшей власти. Вѣроятно, императоръ Павелъ I милостиво разсудилъ, что „сатирикъ“ Милютинъ, просидѣвшій въ острогѣ 13 недѣль, ровно по недѣлѣ за каждую строчку, подсказанную ему легкомысленною Музою, наказанъ вполнѣ достаточно.

II.

АРАКЧЕЕВСКІЕ ПЛОТНИКИ.

(Два письма графа А. А. Аракчеева къ А. М. Безобразову).

Въ нашихъ бумагахъ нашлись два письма графа Алексѣя Аракчеева, касающіяся до его домохозяйства въ селѣ Грузинѣ. Въ концѣ 1823 г. понадобились Аракчееву плотники. Ярославскій губернаторъ А. М. Безобразовъ, желая сдѣлать услугу всесильному временщику, доложилъ ему (совершенно справедливо), что самые лучшіе плотники живутъ въ Николокормской волости, Рыбинскаго уѣзда. Аракчеевъ согласился имѣть у себя, въ Грузинѣ, артель этихъ рабочихъ и, по его приказанію, губернаторъ предписалъ Рыбинскому исправнику (5 Января 1824 г., № 40) нанять 50 плотниковъ. „Оставя всѣ дѣла“, исправникъ обязанъ былъ исполнить это „самое важнѣйшее дѣло“. „Поставляю о семъ вамъ на видъ (строго писалъ Безобразовъ). Поручаю вамъ отправиться въ означенную волость и наблюсти: 1) дабы плотники избраны были знающіе свое мастерство и благонадежные, а малолѣтнихъ отнюдь-бы не было; 2) дабы непремѣнно отправлены были плотники въ свое время, такъ чтобы къ 1-му числу Апрѣля были уже въ селѣ Грузинѣ“, и т. д.

Аракчеевъ прислалъ, для выдачи рабочимъ, въ задатокъ 1,300 р., а губернаторъ „почтительно“ сообщилъ графу, что сихъ денегъ получено съ избыткомъ. „Ваше сіятельство доставить изволили 1,300 рубл. безъ вычета *лажа*, который въ Ярославской губерніи существуетъ по 8 коп. на рубль; а потому излишне-доставленные 104 рубля имѣю честь обратно у сего вашему сіятельству представить, съ глубокимъ чувствомъ уваженія...“ и т. д. Такимъ-то, вотъ, образомъ Ярославскій губернаторъ и сберегъ для обильной графской казны слишкомъ сто рублей. Оказывается, что въ доброе старое время рублевая ассигнація стоила, при размѣнѣ ея на серебро, 92 коп. Курсъ, какъ читатель видитъ, не совсѣмъ „современный.“

Предусмотрительность губернатора, а еще болѣе безукоризненные труды плотниковъ вполнѣ заслужили одобреніе Аракчеева, и онъ удостоилъ Безобразова слѣдующимъ письмомъ.

„Милостивый государь мой Александръ Михайловичъ!

Въ надеждѣ на собственное обѣщаніе вашего превосходительства, я вновь адресуюсь къ вамъ съ моею просьбою о наймѣ мнѣ на будущее лѣто опять хорошихъ плотниковъ 50 человѣкъ, такъ чтобы они прибыли въ Грузино, если можно, къ 1-му, но не позже уже 15-го Апрѣля, чѣмъ обяжете меня новою вамъ благодарностію; на задатки-же симъ людямъ я препровождаю при семъ къ вашему превосходительству 2000 рубл. ассигнаціями, прося покорно о полученіи оныхъ меня увѣдомить. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, *графъ Аракчеевъ*“.

И эти рабочіе отлично трудились въ с. Грузинѣ; тамъ они заработали хорошія деньги. Подтвержденіемъ сему служитъ нѣсколько безграмотное (какъ автографъ) письмо Аракчеева отъ 8 Октября 1825 года.

„Милостивый государь Александръ Михаиловичъ!

По окончаніи работъ нанятые посредствомъ вашего превосходительства плотники отпущены обратно, и я почелъ обязанностію моею принести вамъ, милостивый государь, мою благодарность и увѣдомить васъ при томъ, что расчетъ съ ними въ работахъ сдѣланъ, который у сего къ вамъ прилагается; вы увидите изъ онаго, что они въ теченіи лѣта заработали всего денегъ 9366 руб. 98 к., которые имъ и выданы сполна.

Работою какъ сихъ мастеровыхъ, такъ и поведеніемъ самого подрядчика, остаюсь *весьма доволенъ*, за что повторяя вамъ мою благодарность, прошу позволенія, дабы я могъ и для будущаго лѣта опять безпокоить васъ моею просьбою о наймѣ мнѣ нужныхъ мастеровыхъ, чѣмъ одолжите пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнаго слугу. *Графъ Аракчеевъ*“.

Въ слѣдующемъ 1826 году обстоятельства совершенно измѣнились: Аракчеевъ, лишившись Александра I, уже не смѣлъ потребовать въ свое Грузино отъ Ярославскаго губернатора рабочихъ, и вотъ тотъ-же самый А. М. Безобразовъ увидалъ въ немъ лишь богатаго помѣщика, а не государственнаго дѣятеля: рабочіе изъ Рыбинскаго уѣзда не были отправлены въ село Грузино.

III.

О ВНЕЗАПНО-СГОРАЕМЫХЪ ТѢЛАХЪ ЖИВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Подъ такимъ курьезнымъ названіемъ имѣется въ одномъ изъ Ярославскихъ архивовъ дѣло, начавшееся въ 1829 г. Извлекаемъ изъ него слѣдующій, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не бывшій въ печати циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (управленіе гражданскаго генералъ-штабъ-доктора, столъ 2, отъ 21 Іюня 1829 г., № 2099).

„Господину Ярославскому гражданскому губернатору.

По приказанію г. управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, честь имѣю препроводить при семъ къ вашему превосходительству, для надлежащаго исполненія, экземпляръ предписанія, даннаго гг. гражданскимъ губернаторамъ отъ 11-го текущаго Іюня, по предмету доставленія въ Академію Наукъ свѣдѣній о событіяхъ внезапнаго сгоранія тѣлъ живыхъ людей.

Исправляющій должность генералъ-штабъ-доктора *С. Громовъ.*

Генералъ-штабъ-лекарь *Д. Тарасовъ*“ *).

Циркуляръ (за № 359) имѣетъ слѣдующее содержаніе.

„Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ Петровъ представилъ конференціи сей Академіи двѣ первыя главы предполагаемаго имъ къ изданію сочиненія подъ названіемъ: „*О многихъ событіяхъ внезапнаго загоранія и дѣйствительнаго сгоранія тѣла живыхъ людей, а особливо пристрастныхъ винопійцъ, съ положеніемъ вѣроятнѣйшихъ причинъ сего достопримѣчательнѣйшаго и купно плачевнаго явленія*“, проситъ о доставленіи ему оффиціальныхъ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ приключеніяхъ сего рода, кои въ государствѣ нашемъ происходили, дабы чрезъ то онъ могъ получить нѣкоторыя поясненія по сему предмету, и чтобы врачебныя управы и градскія полиціи въ донесеніяхъ своихъ о событіи внезапнаго сгоранія тѣлъ излагали: годъ, мѣсяцъ, день, самое мѣсто событія, образъ прошедшей жизни человѣка, его званіе, лѣта отъ роду, поврежденіе горючихъ веществъ, находившихся въ одномъ мѣстѣ съ сгорѣвшимъ тѣломъ, остатки онаго, очевидныхъ свидѣтелей при самомъ началѣ событія и проч.; а также, чтобы таковыя свѣдѣнія свидѣтельствуемы были, по объявленіи, членами врачебныхъ

*) Авторъ любопытныхъ „Записокъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“. Л. Т.

управъ и полицейскими чиновниками, и письменными донесеніями доводимы были до свѣдѣнія высшаго своего начальства, въ архивѣ котораго оныя могутъ надежнѣе сохраняться для какого-нибудь полезнаго употребленія въ свое время.

Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, по уваженію ходатайства о семъ Академіи Наукъ, отношеніемъ отъ 31 минувшаго Маія, проситъ содѣйствія моего въ предписаніи кому слѣдуетъ, дабы свѣдѣнія о приключеніяхъ сказаннаго рода были доставляемы въ Академію Наукъ со всѣми выше изъясненными поясненіями и удостовѣреніями и ежели гдѣ-либо имѣются уже таковыя, то сообщить ихъ немедленно.

Вслѣдствіе таковаго ходатайства г. министра народнаго просвѣщенія, я поручаю вашему превосходительству предложить къ точному и непремѣнному выполненію всего вышеизложеннаго врачебной управѣ высочайше ввѣренной управленію вашему губерніи, а равно и другимъ мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе относится будетъ.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ *Ф. Енгель.*

Исправляющій должность генералъ-штабъ-доктора *С. Громовъ.*

Генералъ-штабъ-лекарь *Д. Тарасовъ*“.

Хотя Ярославцы (наши дѣды и отцы) никогда не создавали обществъ трезвости, но, къ счастію, и не доходили до самовозгоранія, „сего достопримѣчательнаго и купно плачевнаго явленія“. По крайней мѣрѣ, отъ Ярославскаго губернскаго начальства послѣдовалъ въ Академію Наукъ отрицательный отвѣтъ.

IV.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И БАРЫНЯ-КРѢПОСТНИЦА.

До какой степени императоръ Николай Первый строго соблюдалъ законность, даже по отношенію къ крѣпостному праву, это видно изъ слѣдующаго случая, происшедшаго въ Мартѣ 1849 года.

Государь прогуливался по Невскому. Вдругъ передъ нимъ упалъ на колѣни молодой, очень высокаго роста человѣкъ, одѣтый „по городскому“. Государь нахмурился, не любя уличныхъ, „единичныхъ“ челобитій.

— Кто ты? О чемъ просишь? спросилъ онъ строго.

— Крестьянинъ я, Ваше Императорское Величество. Прошу, чтобъ меня взяли, хоть сейчасъ-же, въ солдаты.

— Встань! милостиво сказалъ Государь, которому приглянулся Русскій молодецъ („добровольцевъ“ тогда было немного; всѣ, какъ огня, боялись „красной шапки“).

— Желаю служить въ гвардіи! продолжалъ „доброволецъ“, опять припадая къ царскимъ стопамъ.

— Встань-же, тебѣ говорятъ! Ты государственный, или „мой“ (то-есть „удѣльный“)?

— Крѣпостной, Ваше Императорское Величество, изъ Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, г-жѣ Петровой принадлежу.

— Жаль, что ты не „мой“, а барскій: нужно испросить спачала согласіе твоей госпожи. Дожидайся ея рѣшенія. Иди съ Богомъ! Я справлюсь о тебѣ.

Справка была сдѣлана чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, который (21-го Марта 1849 г., за № 296) сообщилъ Ярославскому губернатору Бутурлину слѣдующее:

„Крестьянинъ Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда, дер. Посошниковъ, помѣщицы Петровой, Яковъ Кондратьевъ лично утруждалъ Государя Императора просьбою объ опредѣленіи его въ военную службу. Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: объявить, что если г-жа Петрова пожелаетъ отдать въ военную службу вышеупомянутаго крестьянина Кондратьева, то за него будетъ выдана зачетная квитанція. О таковой монаршей волѣ увѣдомляя ваше превосходительство для объявленія объ оной помѣщицѣ Петровой, прошу о послѣдующемъ мнѣ донести. *Перовскій*“.

Началась, какъ водится, долгая переписка, безъ чего не шли дѣла, возбуждаемыя даже по высочайшимъ повѣленіямъ. Произошла путаница; оказалось, что въ Мологскомъ уѣздѣ имѣлись двѣ госпожи Петровы: Настасья Якимовна и Ольга Павловна. Обратились къ первой. Она отвѣчала, что, хотя и желала-бы исполнить августѣйшую волю, да не можетъ, по той вполнѣ уважительной причинѣ, что крестьянинъ Яковъ Кондратьевъ принадлежитъ не ей, а другой госпожѣ Петровой“. Такъ объяснила Настасья Якимовна, по безграмотности, за рукоприкладствомъ своего сына.

Между тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій сдѣлалъ выговоръ губернатору Бутурлину (4 Августа 1849 г., № 3,968), какъ онъ можетъ быть до такой степени безпеченъ, что и высочайшія повелѣнія не исполняются быстро и въ точности. Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ нѣсколько струхнулъ и принесъ Перовскому оправданіе (20 Августа 1849 г., № 5,914). Наконецъ, нашли въ Москвѣ „дѣйствительную собственницу“, титулярную совѣтницу Ольгу Павловну Петрову (по мужѣ Розонову), и она, въ Декабрѣ 1849 г., чрезъ посредство квартальнаго надзирателя, написала героически такъ: „Крестьянина Ярославской губерніи Мологскаго уѣзда, деревни Посошниковой, Якова Кондратьева по малому семейству, отдать въ военную службу *желанія вовсе не имѣю*, и тѣмъ болѣе, что явился ко мнѣ лично крестьянинъ мой Кондратій Ѳедоровъ (а его отецъ), съ просьбою о томъ, что, за старостію его лѣтъ, сыномъ его Яковомъ Кондратьевымъ только и можетъ быть поддерживаема сельская хозяйственная жизнь“.

На докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о таковомъ рѣшеніи Мологской барыни Государь написалъ: „*Быть по сему*“.

Такимъ-то образомъ, въ силу законовъ о крѣпостномъ правѣ, гвардія всемогущаго Императора Николая Перваго лишилась одного тѣлохранителя: Царь не рѣшился взять его у барыни-крѣпостницы.

V.

„ЯКОБЫ ЯВЛЕННАЯ ИКОНА“.

(Историческій случай).

Названіе настоящей исторіи придумано не нами. Оно взято съ заголовка архивнаго дѣла, въ которомъ главными дѣйствующими лицами были: народное невѣжество, зависть и сребролюбіе, олицетворенныя бабами-кликушами и другими особами, а кѣмъ именно, сейчасъ узнаемъ.

Мѣсто, гдѣ происходила эта исторія, деревня Дѣдилово, Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, время—1830 годъ. Тогда въ названномъ селеніи, принадлежавшемъ помѣщику Бѣдареву, проживала крестьянка Елена Михайлова, одна изъ тѣхъ несчастныхъ страдалицъ, у которыхъ нервы разстроены до послѣдней степени, почему онѣ и психопатками оказываются и разныя чудесныя явленія, недоступныя взору обыкновенныхъ здоровыхъ людей, видятъ, ни мало не сомнѣваясь въ ихъ дѣйствительности.

Повинуясь гласу нѣкоей таинственной личности, эта женщина-кликуша нашла въ полѣ, близъ своей деревни, образъ Казанской Божіей Матери, помолилась съ вѣрою и выздоровѣла. Слухъ о томъ достигъ мѣстнаго священника, который служилъ у нея въ домѣ благодарственныя молебствія, получая отъ нея за свой трудъ лепты въ надлежащемъ количествѣ, но потомъ вознегодовалъ на „женку“ Елену: ибо до его свѣдѣнія дошло, что она скупится, мало за молебны платитъ; отъ народа, стекавшагося къ ней на поклоненіе „якобы явленной иконѣ“, сама взимаетъ серебряные рубли, а ему, священнику съ причтомъ, удѣляетъ только мѣдныя гривны...

Вскорѣ послѣдовалъ доносъ архіепископу Ярославскому и Ростовскому Авраамію, а сей владыка обратился къ губернатору К. М. Полторацкому съ требованіемъ произвести надлежащее слѣдствіе чрезъ земскаго исправника; причемъ, основываясь на рапортѣ отца благочиннаго, священника Филиппа, архіерей особливо настойчиво указывалъ, что владѣлецъ дома (гдѣ обрѣтается сія, якобы явленная или чудотворная икона), крестьянинъ Ѳедоръ Ивановъ получаетъ отъ оной иконы мзду великую: ибо „съ послѣднихъ чиселъ Іюля мѣсяца сего (1830) года стекается къ нему, Ѳедору Иванову, народъ въ немаломъ количествѣ, и не изъ ближнихъ уже мѣстъ, для поклоненія вышеърѣченной

мѣдной небольшой иконѣ Казанскія Божіей Матери, отъ чего, *полагать можно*, получается въ томъ домѣ немалый прибытокъ отъ свѣчъ, холста и прочаго" [1]).

Къ сему документу, кажется, нечего прибавлять: ясно, что въ описываемомъ здѣсь архивномъ дѣлѣ, сверхъ невѣдомыхъ таинственныхъ силъ, обнаружилась и другая, вещественная сила, въ видѣ свѣчей, холста и тому подобныхъ предметовъ, жертвуемыхъ народнымъ благочестіемъ въ пользу владѣльцевъ какъ дѣйствительно, такъ и „якобы" чудотворныхъ иконъ. Для „задержанія" одной изъ таковыхъ „во исполненіе губернаторскаго предписанія" [2]), и прилетѣлъ господинъ Даниловскій исправникъ Пазухинъ [3]).

Не медля ни минуты, онъ направилъ свои стопы въ избу крестьянина Ѳедора Иванова и „тамъ въ особенной горенкѣ нашелъ, вмѣстѣ съ прочими образами, небольшой мѣдный образъ Казанскія Божіей Матери, на космъ еще сверху (изображены) лики Живоначальныя Троицы и Господа Саваоѳа. И повѣшенъ на томъ же образѣ серебряный крестъ, предъ коимъ горѣли двѣ небольшія свѣчи и лампада". Исправникъ спросилъ домашнихъ:—Что̀ это за образъ? Откуда онъ взялся? Показывайте по сущей правдѣ, памятуя, что за ложное показаніе всѣ будутъ строго наказаны.

Допросъ начался съ „женки" Елены Михайловой. „Допросные и отвѣтные пункты" гласятъ, между прочимъ, слѣдующее:

— Была-де я лѣтъ десять одержима припадочною болѣзнію, а отъ нечистаго-ли духа, или по наговору злыхъ людей та болѣзнь произошла, доподлинно не знаю.

— Во время припадковъ ты кликала?

— Случалось, что и кликала.

— Гдѣ? У себя дома, или въ церкви, во время богослуженія?

— Чаще кликала у себя въ избѣ, по праздникамъ; въ церкви-же этотъ грѣхъ рѣдко со мной случался. Развѣ ужъ больно разнеможешься: къ сердцу тоска приступитъ, какъ змѣя сосетъ. Тогда и въ селѣ Богородскомъ (что̀ въ Торчищевѣ) я кликала, по бѣсовскому навожденію.

— Въ твоихъ словахъ видится явное противорѣчіе. Сначала ты отозвалась невѣдѣніемъ, кто причинилъ тебѣ оную болѣзнь: врагъ-ли рода человѣческаго діаволъ, или злые люди? А теперь прямо ссылаешься на діавола. Укажи, если можешь, на „заговорщицъ". Кто онѣ?

Вопросъ остался юридически-неразрѣшеннымъ, ибо „женка" Елена Михайлова отозвалась „запамятованіемъ". Нервозная „женка" не пожелала обвинить въ нанесеніи ей жестокихъ физическихъ и нравственныхъ мукъ ни своихъ сосѣдокъ, ни духа тьмы, котораго, по его словамъ, хотя и старался изгнать приходскій священникъ, но безъ особеннаго успѣха: у боль-

[1]) Оффиціальное письмо отъ 3 Сентября 1830 г., за № 538.

[2]) Отъ 8 Сентября 1830 г., № 2614.

[3]) Лице историческое, сдѣлавшееся *лично-извѣстнымъ* императору Николаю Павловичу въ 1831 году, во время путешествія его по Ярославской губерніи.

ной, послѣ заклинаній, сердце замирало по прежнему, а случалось, что и облегченіе наступало... Наконецъ недѣли за двѣ до праздника „Казанской“ („бывшаго 8-го Іюля сего 1830 года“, обстоятельно занесъ въ „допросные пункты“ слѣдователь-исправникъ), „женка Елена Михайлова сдѣлалась больна страшною изжогою и тошнотой въ сердцѣ (sic). И лежала она однажды въ сѣняхъ на постелѣ одна, по утру, еще до восхода солнца. И вдругъ видитъ: является къ ней, Богъ вѣсть откуда, неизвѣстная дѣвица въ бѣлой повязкѣ“...

— Припомни точно число, когда случилось сіе сновидѣніе? допросилъ исправникъ.

— Числа не помню, не знаю... Будетъ такъ, полагаю, что ровно за три дня до „Казанской“. Только я видѣла эту самую неизвѣстную дѣвицу никакъ не во снѣ, а на-яву.

— Въ твоихъ показаніяхъ усматривается вновь явное противорѣчіе: сейчасъ сама-же ты говорила, что дѣло происходило до солнечнаго восхода, слѣдовательно въ темнотѣ. Какимъ-же образомъ ты могла видѣть, что къ тебѣ явилась дѣвка? Почему не баба?

На сей допросный пунктъ Елена Михайлова отвѣчала, что „разсудилось ей такъ *на основаніи одежды* оной неизвѣстной личности, внезапно подошедшей къ ея постели: бабы такъ не одѣваются“. Разглядѣть-же ее она легко могла, потому что лѣтомъ „заря съ зарей сходится“, и въ томъ особеннаго чуда она не усматриваетъ. Далѣе, допрашиваемая „женка“ показала, что въ избѣ (а не въ сѣняхъ) находилась только ея невѣстка Ирина Степанова; остальныхъ-же домашнихъ никого не было, ни мужиковъ, ни бабъ: всѣ ушли въ поле на работу.

— Какой-же разговоръ ты вела съ оной (допустимъ по твоему) дѣвкой?

— Я испугалась и ни о чемъ съ ней не говорила; она-же мнѣ сказала только: „Иди въ поле прогуляться и послѣ будешь здорова“.... Сказавъ это, она скрылась, неизвѣстно куда.

Выписываемъ, далѣе, показаніе Елены Михайловой во всей его наивной точности, соединенной съ канцелярскимъ языкомъ, со словъ полицейскаго дознанія:

„Вскорѣ послѣ сего я (Михайлова), пошедъ въ ржаное поле, за овины и остановясь за однимъ изъ оныхъ, принадлежащимъ сосѣду нашему, крестьянину Василью Денисову, на пролегающей тутъ дорогѣ стала усердно, со слезами, молиться на церковь села Богородскаго и нечаянно увидала въ правой сторонѣ отъ дороги, на травѣ, называемой „метелка“, вышиною отъ земли четверти двѣ, стоявшимъ означенный маленькій мѣдный образъ, и въ то самое время почувствовала себя отъ болѣзни совсѣмъ здоровою“.

Вопросъ. Какъ ты поступила далѣе съ сей „якобы“ чудотворною иконою: сама-ли собственноручно отнесла оную къ себѣ въ избу, или инымъ образомъ сей переносъ учинила? И кому ты разгласила касательно явленія иконы?

Отвѣтъ. Сама по себѣ взять я не осмѣлилась, а сходила за помянутой невѣсткой моей Ириной Степановой и съ ней, не объявивъ прежде никому, возвратилась въ домъ. Несла-же икону невѣстка Степанова. Потомъ уже я объявила прочимъ домашнимъ и сосѣдямъ, а на другой день объявила приходскому села Богородскаго, что̀ въ Торчищевѣ, священнику Дмитрію. Больше никому я разглашеній не учиняла.

Вопросъ. Какъ-же отецъ Дмитрій отнесся къ твоему заявленію, то-есть, повѣрилъ-ли онъ тебѣ, что дѣйствительно все такъ происходило, какъ ты показываешь, или принялъ твое показаніе за выдумку?

Отвѣтъ. По просьбѣ моей, а равно и моихъ домашнихъ, отецъ Дмитрій въ домѣ нашемъ служилъ со всѣмъ причтомъ молебенъ благодарственный за исцѣленіе меня отъ кличанія.

Вопросъ. „Кликали“, кромѣ тебя, и другія? Если „кликали“, то что̀ на на самомъ дѣлѣ произошло съ бѣсновавшимися? И какъ народъ о томъ узналъ?

Отвѣтъ. Послѣ того чрезъ два дня, или чрезъ три дня (не запомню въ точности), бывшая, какъ и я больною и какъ-бы бѣснующеюся, нашей же деревни крестьянская женка Прасковья Елисѣева, помолившись показанному найденному образу Казанскія Божіей Матери, отъ одержимой ея болѣзни выздоровѣла. По таковому исцѣленію обѣихъ насъ якобы *) отъ онаго образа и по странному, сверхъ травы, его найденію, по слухамъ начали приходить въ домъ ихъ для поклоненія тому образу изъ сосѣднихъ деревень и изъ мѣстъ, разстояніемъ верстъ на пятьдесятъ и болѣе, но однѣ лишь женщины, изъ коихъ иныя одержимы были также какими-либо болѣзнями“.

Къ чести исправника слѣдуетъ замѣтить, что онъ не дозволилъ себѣ пускаться въ медицинскіе вопросы о сущности „какихъ-либо“ болѣзней. Онъ былъ, во 1-хъ, не медикъ; во 2-хъ, что̀ ему за дѣло было обвинять въ притворствѣ бабъ-кликушъ? Наконецъ, самъ мѣстный батюшка, отецъ Димитрій, не отрицалъ, что бабы дѣйствительно болѣли отъ „злаго духа“, для изгнанія коего и чинились имъ, священникомъ Дмитріемъ, неоднократныя „отчитыванія“. О стоимости сихъ послѣднихъ въ нашихъ документахъ никакихъ точныхъ свѣдѣній не сохранилось: какъ отецъ Дмитрій, такъ и весь церковный причтъ с. Богородскаго, что̀ въ Торчищевѣ, конечно, уклонились дать прямой отвѣтъ на сей деликатный вопросъ.

Исправникъ Пазухинъ обратился къ Еленѣ Михайловой съ дополнительнымъ вопросомъ въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) Исправникъ, конечно, прибавилъ это словцо („якобы“) отъ себя: не могла-же такъ выражаться бѣдная безграмотная баба-психопатка. Но мы, подобно древнимъ лѣтописцамъ, излагаемъ „дѣло сіе“, „не мудрствуя лукаво“, дѣлая исключеніе только относительно Русской грамотности. Л. Т.

— Не получала-ли ты, вмѣстѣ съ твоими домашними, какой-либо выгоды отъ „вышеозначенной“ иконы, вслѣдствіе желанія получить что-либо на бѣдность?

Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный: „наша-де семья живетъ въ довольствѣ, чужимъ хлѣбомъ не питается, своими полотнами и новиной одѣвается, а если, ради явленной и чудотворной иконы, мнѣ и подносили новину, то не цѣльную, а кусками, лоскутьями, коихъ и продано мною всего рублей на пять, не болѣе, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи времени, по усердію, и на мои собственныя деньги, сдѣлать на образъ сей кіоту“.

— Въ заключеніе сихъ показаній, безъ малѣйшей утайки истины, долженствуешь ты, Елена Михайлова, отвѣчать на мой послѣдній вопросный пунктъ: кто принесъ тебѣ тотъ серебряный крестъ, который имѣется на „якобы“ чудотворномъ образѣ?

— Доподлинно мнѣ неизвѣстно, кѣмъ именно тотъ святой крестъ на ту святую и чудотворную икону-образъ повѣшенъ изъ числа приходившихъ для поклоненія. Болѣе же никто ничего не приносилъ, и я, равно мои домашніе, отъ того никакого прибытка не имѣли, и свѣчъ не продавали; а если священникъ нашего села Богородскаго, или его высокоблагословеніе отецъ благочинный Филиппъ изъ села Новаго, что́ въ Полевѣ, показываютъ на меня, то все ложно. Виновною себя въ церковной татьбѣ не признаю.

Быть можетъ, исцѣленная кликуша произнесла рѣчь болѣе строгую, болѣе живую, чѣмъ та рѣчь, которая приведена нами, согласно съ архивными документами, не знаемъ... Исправникъ Лазухинъ, человѣкъ правдивый, благодушный и вѣрующій, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ (какъ говорится) „не храбраго десятка“, засвидѣтельствовалъ предъ нами—архивными дѣльцами—въ своемъ дальнѣйшемъ сказаніи, т. е. въ рапортѣ Ярославскому губернатору, что „съ таковымъ показаніемъ ея (Елены Михайловой) относительно объявленія ею, Михайловою, о являвшейся къ ней дѣвицѣ и найденіи образа, равно выздоровленіи ея и еще женки Прасковьи Елисѣевой, вскорѣ по найденіи онаго (образа), согласно показали и домашніе ея, какъ-то свекоръ Ѳедоръ Ивановъ, мужъ Денисъ Ѳедоровъ и невѣстка Ирина Степанова“. Всѣ они подтвердили дословно, что икона чудотворная, явленная, что въ нее увѣровали не токмо одни простолюдины, но и два попа Филиппъ и Дмитрій изъ сёлъ Новаго и Богородскаго; что Елена Михайлова „подлинно была больна припадками годовъ десять и предъ праздникомъ Казанской Божіей Матери не выходила уже изъ дома, по случаю сильной боли въ сердцѣ“. Затѣмъ Ирина Степанова припомнила подлинно: „По объявленію невѣстки моей Михайловой о видѣніи ею дѣвицы и найденіи, послѣ того вскорѣ, за овиномъ крестьянина Василья Денисова онаго образа, ходила она на то мѣсто съ нею (Еленою) и взяла образъ сама; а тотъ образъ подлинно стоялъ на непогнувшейся травѣ, называемой „метелка“, вышиною четверти въ двѣ; а по сему случаю и по скорому выздоровленію Елены Михайловой отъ болѣзни всѣ мужики, бабы и дѣвки и почитали оный образъ

явленнымъ и чудотворнымъ"... „О каковыхъ обстоятельствахъ мною и отобраны отъ всѣхъ допросы".

Затѣмъ въ умѣ исправника явилась мысль: какъ поступить съ „якобы" явленною и чудотворною иконою? Арестовать ее, или не арестовать? Для совѣщанія по сему вопросу Пазухинъ обратился къ „другому уму", т. е. къ священнику с. Богородскаго, Дмитрію. Послѣдній сказалъ исправнику:

— Отдайте мнѣ сей образъ.

— Но въ предписаніи господина Ярославскаго губернатора, а также и въ архипастырскомъ сообщеніи къ его превосходительству, сего прямо не значится, поколебался исправникъ: я боюсь въ отвѣтѣ предъ начальствомъ быть.

— Отдайте, прошу васъ, мнѣ подъ росписку, для помѣщенія того образка въ нашу церковь, настаивалъ священникъ: поклоненіе должно быть производимо не въ крестьянской избѣ, а въ святомъ храмѣ.

Исправникъ склонился на этотъ доводъ и приступилъ къ сдачѣ образа подъ росписку священника, думая, что таковая сдача произойдетъ миролюбиво. Однако случилось нѣчто въ родѣ бабьяго бунта, о которомъ исправникъ донесъ губернатору такъ: „Когда священникъ взялъ подъ свою росписку показанный образъ, для перенесенія въ церковь, то женки Михайлова и Степанова, по невѣжеству своему, сдѣлали необыкновенный крикъ и плачъ, болѣе притворный, говоря: „Богородицу описываютъ! Грабители пріѣхали!" Затѣмъ всѣ жители, находившіеся въ то время въ селеніи, *пришли въ волненіе*; а потому, при всѣхъ монхъ убѣжденіяхъ, и не могъ я сдѣлать окончательнаго изслѣдованія о чудесахъ... Впрочемъ, какъ мнѣ уже сдѣлалось, по многому изслѣдованію, извѣстнымъ, никакихъ болѣе чудотвореній отъ оной, якобы явленной, иконы не было. Стеченіе-же народа въ томъ ихъ домѣ бывало не многочисленное и состоящее изъ однѣхъ почти женщинъ также непросвѣщенныхъ"... [1]) Такъ повѣствовалъ „просвѣщенный" господинъ Пазухинъ, скрывшій, къ сожалѣнію, отъ потомства фактъ своего отступленія изъ деревни Дѣдилова передъ грознымъ полчищемъ бабъ и дѣвокъ; ретировался-же онъ, вмѣстѣ со священникомъ, въ село Богородское, если вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, не особенно храбро... Какъ бы то ни было, от. Дмитрій

[1]) Рапортъ исправника оканчивается словами: „Что имѣетъ открыться по дальнѣйшему изслѣдованію, вслѣдъ за симъ вашему превосходительству донести не замедлю, а окончательное изслѣдованіе представлено будетъ на разсмотрѣніе куда слѣдуетъ", т. е. вѣроятно въ Ярославскій Совѣстный Судъ, рѣшавшій тогда дѣла, подобныя описанному, ужасно строго. Въ нашихъ рукахъ есть нѣсколько старыхъ процессовъ о „кликушахъ": онѣ были наказываемы плетьми, отъ 1-го до 5-ти ударовъ, а затѣмъ ссылались въ Сибирь на поселеніе. Къ сожалѣнію, за неотысканіемъ до сихъ поръ дѣла о героиняхъ настоящаго разсказа, мы не знаемъ, какому наказанію онѣ были подвергнуты по рѣшенію Совѣстнаго Суда. О дѣятельности этого Екатерининскаго учрежденія (конечно, не въ узкихъ предѣлахъ одной Ярославской губерніи, а по всей Россіи) пора-бы нашимъ юристамъ-историкамъ составить обстоятельное изслѣдованіе. Богатый матеріалъ, въ этомъ случаѣ, дадутъ губернскіе архивы. Л. Т.

отвезъ въ свою церковь свою добычу, чая имѣть отъ нея великія милости, и... ошибся въ разсчетѣ, ибо получилъ отъ Ярославской духовной консисторіи указъ съ упрекомъ за несоблюденіе одного повелѣнія Петра Великаго, касавшагося „якобы чудотворныхъ иконъ“. Это видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго письма къ Ярославскому губернатору [1]).

„Ваше превосходительство, милостивый государь!

Получивъ отношеніе в—го п—ства отъ 15-го сего мѣсяца, № 7540, съ приложеніемъ копіи съ рапорта Даниловскаго земскаго исправника, о иконѣ Казанскія Божіей Матери, имѣвшейся въ домѣ деревни Дѣдилова у крестьянина Ѳедора Иванова, для поклоненія коей стекался народъ въ домъ того крестьянина, и которая нынѣ поставлена въ приходскую села Богородскаго, что́ въ Торчищѣ, церковь, я приказалъ консисторіи объ отобраніи той иконы, при посредствѣ исправника, *для предупрежденія могущаго произойти волненія въ народѣ* и представленіи ея, для храненія, въ архіерейскую ризницу, по силѣ указа 1722 года Февраля 27 дня, предписать мѣстному благочинному. Сообщая о семъ в—му п—ству, покорнѣйше прошу объ откомандированіи г. исправника учинить надлежащее распоряженіе и меня о послѣдствіи увѣдомить.

Авраамъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій“.

Это было писано 18-го Октября, а икона почему-то удерживалась въ церкви еще два мѣсяца слишкомъ, и только въ началѣ Января слѣдующаго 1831 года губернаторъ Полторацкій увѣдомилъ архіепископа Авраама, что „Даниловской округи изъ церкви села Богородскаго, что́ въ Торчищевѣ, икона Казанскія Божіей Матери священникомъ Филиппомъ, при посредствѣ земскаго исправника, какъ сей послѣдній доноситъ мнѣ (губернатору), для представленія въ архіерейскую ризницу, взята“ [2]).

Гдѣ находится въ настоящее время эта икона, не знаемъ. Вѣроятно тамъ, гдѣ указалъ ей быть Петръ I, преслѣдовавшій мнимыя чудотворенія, отъ кого-бы таковыя ни происходили... И еще вопросъ: древняя-ли эта „якобы“ чудотворная икона, или она принадлежитъ къ новѣйшей, послѣ-никоновской церковной живописи? Вопросъ нашъ не праздный, не суесловный, а только археологическій. Для мѣстной-же (Ярославской) археологіи никто изъ „владыкъ“ не учинилъ столько вреда, сколько архіепископъ Авраамъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ священной церковной старины и разрушитель ея архитектурныхъ и живописныхъ памятниковъ.

Л. Трефолевъ.

---

[1]) Отъ 18 Октября 1830 г., за № 636.

[2]) Отношеніе отъ 2-го Января 1831 г., № 26.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Е. И. РАЕВСКОЙ.

I.

Бурны были дворянскіе выборы и комитетъ въ г. Тулѣ въ зиму съ 1858-го на 1859-й годъ.

Вслѣдствіе рескрипта императора Александра II «*для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ*», созывались во всѣхъ губернскихъ городахъ комитеты. Въ тоже время дано дворянамъ *секретное* дозволеніе обсуждать въ комитетахъ условія, по которымъ возможно было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ *каждомъ* уѣздномъ городѣ были избраны *два члена*, уполномоченные отъ дворянъ для засѣданія въ губернскомъ комитетѣ, предсѣдателемъ котораго былъ *губернскій предводитель дворянства*. Кромѣ того въ комитетѣ назначались *изъ мѣстныхъ дворянъ два члена* отъ *правительства*. Въ Тулѣ членами отъ правительства были князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій и Петръ Ѳеодоровичъ Самаринъ [1]).

Этотъ губернскій комитетъ долженъ былъ продолжаться *не болѣе шести* мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ члены его обязывались обсудить и составить проэктъ «улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ», на основаніи данной на этотъ предметъ, высочайше утвержденной программы. Другихъ вопросовъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, не было. По закрытіи комитетовъ, проэкты всѣхъ губерній велѣно представить въ Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи образовалась Редакціонная Коммиссія, которая должна была принять въ соображеніе

[1]) Сначала назначенъ былъ князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій (Ваисаl). Онъ принялъ назначеніе, явился въ Тулу къ губернатору для переговоровъ и потребовалъ, чтобы прежде всего *непремѣнно* сообщили ему *бюджетъ* прихода и расхода всей Россійской имперіи; такъ какъ, по мнѣнію его, князя П. Долгорукаго, нельзя было приступить къ такой важной мѣрѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, не имѣя яснаго понятія о томъ, въ какомъ положеніи находятся финансы государства; кромѣ того, онъ требовалъ еще разныхъ свѣдѣній, которыхъ правительство не намѣрено было публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Ему отказали въ его просьбѣ; тогда онъ отказался отъ предлагаемой ему должности. На его мѣсто назначили П. Ѳ. Самарина.

проэкты, выработанные въ губернскихъ городахъ и частью руководствоваться ими при составленіи законовъ и правилъ для освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею.

Тульскій комитетъ, съ самаго начала, раздѣлился на двѣ партіи, изъ коихъ одна, *мéньшая*, стояла *за освобожденіе крестьянъ съ землею*, а другая, *бóльшая*, всѣми силами тому противилась.

Въ числѣ членовъ комитета выбранъ былъ въ своемъ Богородицкомъ уѣздѣ зять мой, баронъ Владиміръ Михайловичъ Менгденъ*); въ Епифани избраны родственникъ моего отца, Михаилъ Дмитріевичъ Бибиковъ и г-нъ Карбоньс; въ Бѣлевѣ предводитель дворянства баронъ Иванъ Ивановичъ Черкасовъ и Николай Алексѣевичъ Елагинъ; въ Веневѣ Иванъ Алексѣевичъ Пушкинъ; въ Одоевѣ Михаилъ Алексѣевичъ Тихменевъ. Они всѣ были мнѣ знакомы, также какъ и оба члена отъ правительства. Эти лица и составляли *меньшинство* комитета.

Мужъ мой, И. А. Раевскій въ 1858-мъ г. былъ предводителемъ дворянства нашего Епифанскаго уѣзда; но здоровье начинало уже измѣнять ему. Работы Комитета были выше силъ его; онъ готовился даже выдти въ отставку изъ предводителей, потому что не находилъ возможнымъ продолжать службу, но всей душою сочувствовалъ избранному меньшинству.

Въ 1858-мъ году дворянскіе выборы совпадали съ работами комитета, вслѣдствіе чего всѣ ожидали этихъ выборовъ въ трепетномъ волненіи, понимая, что и на нихъ отзовется расколъ, существовавшій въ комитетѣ. Партія меньшинства желала, чтобъ уѣздные предводители, а въ особенности губернскій, избраны были изъ числа личностей, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ; крѣпостники же напрягали всѣ силы, чтобъ противодѣйствовать имъ, а имя имъ было—легіонъ. Къ тому же между ними были многія личности изъ такихъ, кому всѣ средства были съ руки для достиженія цѣлей. Глухо ковали они свои орудія.....

Домъ барона В. М. Менгдена сдѣлался центромъ, куда собирались мужественные борцы за благо родины. Зять мой пригласилъ мужа моего и меня остановиться у него и пробыть у нихъ въ домѣ все время выборовъ. Я поспѣшила воспользоваться дружескимъ приглашеніемъ и привезла съ собою семнадцатилѣтнюю дочь и маленькаго сына, ровестника сестриныхъ дѣтей. Старшая дочь, недавно вышедшая замужъ за Епифанскаго помѣщика нашей партіи, пріѣхала съ мужемъ, имѣвшимъ голосъ на выборахъ, и заняла особую квартиру.

---

*) Мужъ моей сестры, въ 1885-мъ году предсѣдатель Земскаго Кредитнаго Общества въ г. Варшавѣ, съ 1889 членъ Государственнаго Совѣта.

Каждый день собиралось въ домѣ моего зятя комитетное меньшинство, все люди умные, благонамѣренные, любезные и веселые. Я предложила нарисовать акварелью группу этихъ дѣятелей. Моя незатѣйливая мастерская помѣщалась въ гостиной; рисованіе портретовъ не только не мѣшало оживленію общества, но способствовало ему. Я рисовала съ увлеченіемъ, а модели сидѣли сколько сами хотѣли, смѣняя одинъ другаго и ничѣмъ не стѣсняясь. Разговоры, шутки, смѣхъ, остроты сыпались, не умолкая. Вечеромъ снова являлись, и не одни наши Туляки, а также пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга. Тутъ познакомилась я съ А. С. Хомяковымъ.

Въ кабинетѣ зятя обсуждались часто дѣла и происходили совѣщанія на счетъ будущихъ дѣйствій противъ крѣпостниковъ [1]). Душою же всѣхъ борцевъ освобожденія крестьянъ былъ князь Владимиръ Александровичъ Черкаскій.

Много писано о немъ, особенно въ Германской, а частью и во Французской литературѣ; но тамъ говорили о немъ лишь какъ о гражданскомъ и политическомъ дѣятелѣ, не касаясь его частной, малоизвѣстной многимъ жизни. Много слышала я о немъ совершенно ошибочныхъ сужденій; поэтому постараюсь, на сколько съумѣю, очертить его свѣтлый образъ, какимъ его знала въ продолженіи столькихъ лѣтъ.

Едва вышедши изъ Московскаго университета, куда онъ вступилъ пятнадцати лѣтъ отъ роду на юридическій факультетъ [2]), онъ познакомился съ нашимъ семействомъ и подружился съ моимъ мужемъ [3]). Мы часто видались, и дружба кн. Владимира Александровича осталась вѣрною и неизмѣнною до самой кончины моего супруга, а послѣ ея онъ не переставалъ дружелюбно относиться къ моимъ сыновьямъ (меньшой изъ нихъ, Дмитрій, его крестникъ).

Въ своей семьѣ кн. Черкаскій былъ нѣжнымъ сыномъ, любящимъ братомъ; престарѣлую мать свою, братьевъ, сестру онъ искренно лю-

---

[1]) Если когда либо появятся въ печати „Воспоминанія“ покойнаго Александра Владимировича Новосильцова, то вѣроятно найдется въ нихъ болѣе пространное и подробное описаніе выборовъ 1858-го года, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ дѣятель, принадлежавшій къ меньшинству. Онъ былъ помѣщикомъ Епифанскаго уѣзда.

[2]) Въ послѣдствіи князь В. А. Черкаскій сдалъ экзаменъ на магистра, подавъ замѣчательную свою диссертацію „о Юрьевомъ днѣ“, позднѣе напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ“. Бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ запретилъ князю Черкаскому печатать эту диссертацію, вообще запретили ему *писать* что бы то ни было.

[3]) Вообще и со всѣмъ нашимъ кружкомъ: зятемъ моимъ барономъ В. М. Фонъ-Менгденъ, А. В. Новосильцевымъ и кн. Валерьяномъ Михайловичемъ Голицынымъ. Когда въ 1863 г., кн. В. А. Черкаскій былъ назначенъ въ Варшаву предсѣдателемъ Главной Коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ звалъ съ собою въ Польшу мужа моего и старшаго сына; но мужъ уже страдалъ тогда той болѣзнею, отъ которой скончался въ 1869-мъ г., а сынъ не могъ покинуть больнаго отца и семейныхъ дѣлъ

билъ, но тщательно скрывалъ онъ постороннихъ то, что для нихъ дѣлалъ. Не отъ него, а совершенно случайно узналъ мужъ мой о томъ, чѣмъ семья была ему обязана. Съ слугами своими и крестьянами былъ онъ справедливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердъ; никого не обижалъ, но и самъ въ обиду не давался. Въ своемъ Веневскомъ уѣздѣ горячо онъ преслѣдовалъ неправду, лихоимство и притѣсненіе крѣпостныхъ людей; за то помѣщики-крѣпостники его ненавидѣли и взваливали на него всякую небылицу.

Въ великосвѣтскомъ обществѣ, гдѣ съ юныхъ лѣтъ вращался онъ, чѣмъ выше его цѣнили, тѣмъ болѣе боялись, какъ боятся люди дюжинные ума, изъ ряда вонъ выходящаго. Признаться, князь не щадилъ чванливой, напыщенной бездарности; языкъ его рѣзалъ какъ бритвой; однимъ мѣткимъ словомъ онъ навсегда клеймилъ невзлюбленную имъ личность. Охотникъ онъ былъ подъ часъ и подразнить.

«Мнѣ противны женщины, которыя изъ ума своего дѣлаютъ что-то въ родѣ ремесла, какъ наприм. графиня Растопчина и Каролина Павлова» говаривалъ онъ. Простодушныхъ же и скромныхъ людей, къ какому полу они ни принадлежали, онъ не только щадилъ, но когда кто либо при немъ съ высокомѣрною безсердечностью на нихъ нападалъ, то онъ мягко, но настойчиво принималъ сторону несправедливо обиженнаго и заставлялъ умолкнуть его противника; въ эти минуты умные глаза его свѣтились безпредѣльной добротою. Я не разъ была тому свидѣтельницею и думала про себя: «какъ *мало* знаютъ его тѣ люди, которые *считаютъ его злымъ*!» Туже самую характерную черту подмѣтил я и въ другомъ дѣятелѣ, въ Юріи Ѳедоровичѣ Самаринѣ.

Свѣтскимъ барынямъ доставалось немало отъ князя Владимира. Я слыхала отъ молоденькихъ и красивыхъ свѣтскихъ женщинъ, что, въ присутствіи его, онѣ теряютъ способность говорить и, глазъ на глазъ съ нимъ, не знаютъ съ чего начать, какъ продолжать разговоръ. «Хоть бы курилъ онъ!» жаловались онѣ. «А онъ даже не куритъ!»

Ничего подобнаго не ощущала я въ его присутствіи; напротивъ, разговоръ съ нимъ лился безостановочно. Въ обществѣ женщинъ онъ отличался изысканной учтивостью, напоминавшей преданія прошлаго вѣка въ придворномъ Парижскомъ кругѣ. Подобной учтивости я не встрѣчала ни у одного современнаго ему молодаго человѣка, даже самаго образованнаго, исключая впрочемъ старшаго брата князя Владимира, князя Константина*). Часто пріѣзжалъ Владимиръ Алексан-

*) Кн. Константинъ Черкаскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; кромѣ блестящаго ума и образованности, онъ отличался красивой наружностью и мягкимъ, уживчивымъ

дровичъ къ намъ въ деревню, въ село Никитское Епифанскаго уѣзда и гостилъ у насъ по нѣсколько дней; казалось, онъ отдыхалъ душой въ нашемъ семейномъ кружкѣ. Мужа моего онъ очень любилъ за общія имъ убѣжденія и за веселый умъ; отъ души смѣялся его оригинальнымъ выходкамъ. Простота обращенія, отсутствіе всякихъ претензій, радушіе и веселость князя Владимира одушевляли нашъ кружекъ. Князь былъ остроуменъ безъ злости и весело разговорчивъ. Часто, послѣ обѣда, онъ игрывалъ съ моими дѣтьми, валялся съ ними по ковру гостиной, радуясь ихъ восторженнымъ крикамъ. Онъ всегда былъ ласковъ съ дѣтьми и очень любилъ ихъ. Очень жаль, что счастливое супружество его осталось бездѣтнымъ.

Въ одно изъ его посѣщеній, онъ, смѣясь, держалъ со мной пари, что я не успѣю срисовать съ него портретъ, пока онъ вслухъ прочтетъ Символъ вѣры. Я взяла клочекъ бумаги и карандашъ, князь откинулся передо мной на кресло и хотя онъ плутовски перескакивалъ съ одного члена Символа на другой, но очеркъ былъ готовъ при послѣднемъ словѣ, и вышелъ замѣчательно схожъ.

Долгія прогулки затѣвали мы всѣмъ обществомъ по окрестнымъ полямъ и пригоркамъ, карабкаясь по крутымъ берегамъ нашего тихаго Дона, пролѣзая по чащамъ лѣсковъ. Ревнивый и строгій общественный дѣятель превращался тогда въ рѣзваго школьника, изобрѣтателя разныхъ шалостей, а смѣху его вторили хоромъ наши молодые, веселые голоса. Мы всей душей ему сочувствовали и часто удивлялись, почему его такъ боятся въ великосвѣтскомъ обществѣ.

II.

Лишь только начались выборы, сестра, дочери мои и я стали проводить утренніе часы на хорахъ дворянскаго собранія. Дворянская зала въ Тулѣ замѣчательно хороша. Она очень напоминаетъ Московскую, только размѣрами меньше. Она очень пропорціональна, вся бѣлая мраморная; хоры поддерживаются бѣлыми же мраморными колонами, отдѣляющими наши двѣнадцать уѣздовъ: Тульскій, Веневскій, Епифанскій, Каширскій, Одоевскій, Алексинскій, Бѣлевскій, Богородицкій, Новосильскій, Ефремовскій, Крапивенскій и Чернскій. Надъ каждою парою колонъ красуется гербъ одного изъ этихъ уѣздовъ; тутъ, подъ гербомъ своего уѣзда, собираются помѣщики-дворяне, *избиратели*,

---

характеромъ; къ тому же онъ обладалъ музыкальнымъ тембромъ голоса, поражавшимъ въ простомъ разговорѣ. Не знаю, пѣвалъ ли онъ когда. Онъ долго былъ *львомъ* въ Московскомъ обществѣ, гдѣ его прозвали тогда „Chou-fleur-Черкаскій“ по поводу курчавыхъ его бѣлокурыхъ волосъ.

для совѣщаній и выборовъ; тутъ стоитъ столъ, на верхней сторонѣ котораго, лицомъ къ залѣ, засѣдаетъ предводитель уѣзднаго дворянства. На этомъ столѣ—особенный для каждаго уѣзда избирательный ящикъ, покрытый сукномъ; въ ящикѣ два отдѣленія: *направо* кладутъ шары избирательные, *бѣлые*, *налѣво*—неизбирательные, *черные*. Каждый дворянинъ, владѣющій [1]) двумя стами десятинами земли въ своемъ уѣздѣ, имѣетъ право на *одинъ свой* избирательный шаръ; но онъ можетъ еще имѣть другой по *довѣренности*, т. е. мы, женщины [2]) помѣщицы-дворянки, обладающія количествомъ земли согласно цензу, имѣемъ право довѣрить свой избирательный шаръ тому, кому пожелаемъ; опекунъ малолѣтнихъ дѣтей, кромѣ своего шара, имѣетъ право на шаръ опекаемыхъ дѣтей. *Болѣе одного* шара *по довѣренности* никто не имѣетъ права предъявить. Мелкопомѣстные дворяне соединяются, чтобъ избрать себѣ одного представителя на выборахъ. Все это рѣшается на *предварительныхъ* выборахъ въ *своемъ уѣздномъ городѣ*; но правильность довѣренностей провѣряется также и въ началѣ губернскихъ выборовъ.

Напротивъ входной двери залы собранія, на верху, красуется губернскій гербъ города Тулы. Подъ нимъ, въ самой залѣ, а *не* за колонами, стоитъ поперекъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на столѣ—избирательный *губернскій* ящикъ, а за столомъ возсѣдаетъ губернскій предводитель дворянства. Близъ него, направо, за отдѣльнымъ столомъ, сидитъ его секретарь съ бумагами и списками. Мужчины, не имѣющіе права голоса на выборахъ, и женщины помѣщаются на хорахъ. *Открываетъ* выборы губернаторъ, но потомъ удаляется изъ залы собранія и не имѣетъ болѣе права ни присутствовать въ ней во время выборовъ, ни вмѣшиваться въ дворянскія прѣнія.

Боже мой, какихъ, какихъ мундировъ тамъ ни видала я! Тутъ были помѣщики, отставленные отъ службы съ мундиромъ *двадцатыхъ* годовъ, надѣвавшіе его безъ перешивки по одному разу каждые три года. Эти допотопные мундиры на иныхъ сидѣли какъ мѣшки, на дру-

---

[1]) До освобожденія крестьянъ избирательный цензъ былъ—3000 десятинъ земли *или сто* душъ крестьянъ.

[2]) Не могу не замѣтить здѣсь, что данное намъ, женщинамъ, право передавать *голосъ свой* кому намъ заблагоразсудится и такимъ образомъ примыкать, по убѣжденіямъ своимъ, къ той или другой партіи, есть особенность *Русскаго* законодательства, также какъ и право намъ женщинамъ пользоваться земельною своею собственностью и управлять ею безконтрольно, независимо отъ родныхъ и отъ мужа (конечно по достиженіи совершеннолѣтія). Этими законами Россія опередила остальную Европу, и мы, Русскія женщины, пользуемся правами, которыхъ не имѣютъ онѣ нигдѣ на такъ называемомъ *образованномъ* Западѣ, столь краснорѣчиво толкующемъ о равноправности и свободѣ женщинъ.

гихъ еле-еле сходились: того гляди, вотъ-вотъ лопнетъ по швамъ, и пуговицы всѣ отлетятъ. На иныхъ мундиръ сильно подъѣденъ былъ молью. Въ 1858 году я видѣла въ залѣ собранія сѣдовласаго старца въ мундирѣ ополченца 1807 года. То былъ Каширскій помѣщикъ Никаноръ Ивановичъ Челищевъ. Тутъ были мундиры флотскіе, мундиры всѣхъ возможныхъ министерствъ, блестящіе, новѣйшіе гвардейскіе мундиры и съ иголочки сшитые дворянскіе на плечахъ у молоденькихъ новичковъ.

Съ самаго начала выборовъ обнаружился заговоръ противъ князя В. А. Черкаскаго *). Какъ я уже сказала, онъ былъ руководителемъ меньшинства членовъ комитета. Большинство же, видя, что съ княземъ бороться трудно, рѣшило во что́ бы ни стало удалить его. Но какимъ образомъ достигнуть этого? Надобно было найти благовидный предлогъ. Долго совѣщались они въ тихомолку, наконецъ придумали слѣдующее.

Въ началѣ открытія Тульскаго комитета появилась въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», которое издавалось въ Москвѣ, при «Русской Бесѣдѣ», статья князя В. А. Черкаскаго о тѣлесномъ наказаніи. Смыслъ статьи былъ тотъ, что, хотя онъ, Черкаскій, *противникъ* тѣлеснаго наказанія, но предлагалъ для крестьянскихъ обществъ **) оставить еще на время этотъ способъ наказанія, ограничивъ его небольшимъ числомъ ударовъ (кажется, пятнадцать). Князь Черкаскій, живя въ деревнѣ, близко изучилъ бытъ, обычаи и духъ Русскаго мужика, о которыхъ не имѣютъ понятія живущіе постоянно въ столицахъ. Грубость нравовъ степнаго крестьянина, освобожденнаго уже двадцать три года отъ крѣпостной зависимости, до сихъ поръ изумляетъ насъ, *деревенскихъ* жителей; какимъ образомъ можетъ она быть понятною *столичнымъ*?

---

*) Предвидя всѣ готовившіяся ему непріятности, князь В. А. Черкаскій уговорилъ супругу свою еще передъ выборами уѣхать въ Тверь къ сестрѣ ея графинѣ Барановой, сердечно заботясь о томъ, чтобъ не подвергать ее вреднымъ для ея здоровья волненіямъ.

**) Когда 19-го Февраля 1861 года объявленъ былъ манифестъ освобожденія, мужъ мой, собравъ всѣхъ крестьянъ своихъ, съ *восторгомъ* прочелъ имъ его, а потомъ сказалъ имъ рѣчь, отъ которой *мы* всѣ проливали радостныя слезы; сходка же слушала его молча, видимо недоумѣвая и удивляясь: *почему* баринъ ихъ и властелинъ *такъ радуется* тому, что они, мужики, выходятъ изъ подъ его власти? На другой же день крестьяне опять собрались передъ террасой нашего дома и попросили моего мужа къ нимъ выдти; я послѣдовала за нимъ. „Что́ вамъ нужно?“ спросилъ мужъ. Крестьяне стояли безъ шапокъ, почесывая затылокъ. „Да вотъ, батюшка, что́... Мы пришли спросить твоей милости: *кто жъ насъ теперь съчь будетъ? А безъ этова нельзя*“. Мой мужъ пришелъ въ отчаянье. Того ли онъ ожидалъ отъ любимой мечты всей своей жизни?

Журналистика 1858 года, освобожденная отъ цензурнаго гнета прошедшаго царствованія, считала тогда долгомъ своимъ по всѣмъ вопросамъ писать въ самомъ либеральномъ духѣ. Многіе журналы, не понявъ или не желая понять практическаго смысла статьи князя Черкаскаго, обрадовались ей, чтобъ выказать свои псевдолиберальныя стремленія. Со всѣхъ сторонъ посыпалась на князя пошлая брань. какъ на крѣпостника, стоявшаго за тѣлесное наказаніе. Князь, мало обращавшій вниманія на газетныя нападки и къ тому же обремененный комитетскими работами, не счелъ нужнымъ печатно отвѣчать на ругательства журналистовъ. Но И. С. Аксаковъ, знавшій князя Черкаскаго близко, написалъ въ одномъ журналѣ статью, въ которой принялъ сторону его, доказывая всю неосновательность газетныхъ нападокъ и, между прочимъ, выразился, что «князь Черкаскій, который нынѣ *борется съ невѣжествомъ и корыстью*, не имѣетъ времени отвѣчать на ни на чемъ не основанныя нападки».

Большинство дворянъ Тульской губерніи въ этой-то статьѣ и нашли предлогъ, чтобъ обвинить князя въ томъ, что, не отзываясь печатно на статью И. С. Аксакова, онъ доказываетъ, что съ нимъ согласенъ, т. е., что противники его дѣйствуютъ движимые *невѣжествомъ и корыстію*; а слѣдовательно, человѣкъ, признающій большинство дворянъ таковыми, не имѣетъ права оставаться въ ихъ средѣ. Тутъ же руководители большинства Комитета сдѣлали въ дворянскомъ собраніи предложеніе исключить князя Черкаскаго изъ состава дворянъ Тульской губерніи, какъ недостойнаго оставаться въ обществѣ ихъ.

Сторонники князя случайно узнали о готовившемся письменномъ предложеніи, которое приготовлялось къ обсужденію губернскимъ собраніемъ. Большинство захватило нѣсколько уѣздовъ; изъ нихъ три почти всѣ составлены были изъ приверженцевъ крѣпостнаго права. Въ числѣ тогдашнихъ помѣщиковъ былъ нѣкто г-нъ L... Но онъ честный и благомыслящій человѣкъ, былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ остановить другихъ. Въ отчаяніи пришелъ онъ къ намъ.

«Старикъ Н. собираетъ по всей губерніи подписи, сказалъ онъ, пишетъ заявленіе, которое хотятъ подать на губернскій столъ, чтобъ изгнать князя Черкаскаго изъ залы собранія».

Насталъ роковой день. Насъ предупредили, что въ то утро будетъ подаваться эта бумага. Наши друзья не дозволили намъ, женщинамъ, ѣхать въ тотъ день на хоры, боясь, чтобъ не вышло скандала въ залѣ собранія.

Сидимъ мы съ сестрой въ кабинетѣ у зятя вдвоемъ, ни живы, ни мертвы. «Что *тамъ* теперь дѣлается? говоримъ.

— Одно только можно сказать навѣрное; сегодня *утромъ* никто къ намъ не придетъ», сказала я.

— «Да, придется сидѣть въ одиночествѣ, ждать до вечера нашихъ!» прибавила сестра.

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. «Боже мой, что такое?» Мы даже испугались. Слышимъ, кто-то вошелъ, но не изъ нашихъ. «Это вѣрно одинъ изъ большинства!» засмѣялась сестра. «Узналъ, что мы однѣ дома, пришелъ насъ зарѣзать!» Смѣемся, а все же съ ускореннымъ біеніемъ сердца ожидаемъ появленія незваннаго гостя.

Дверь отворяется. L... блѣдный какъ полотно! Мы обѣ расхохотались. «Что это вы?» говоримъ. «Почему вы не въ собраніи?»

Онъ только рукой махнулъ:—«Убѣжалъ отъ срама!» сказалъ онъ.

— «А мы съ сестрой думали, что вы пришли насъ убить!»

— *Не* васъ слѣдовало бы убить! Сегодня подаютъ *они* свое заявленіе! Я и ушелъ: не хочу быть свидѣтелемъ этого позора. Вотъ и пришелъ къ вамъ посидѣть.

Мы посмѣялись надъ нимъ дружески и, признаться, очень рады были, что онъ пришелъ съ нами коротать время до разъѣзда изъ собранія: въ тотъ день время казалось намъ безконечнымъ.

Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ тогда г-нъ А...ъ, добрый и честный человѣкъ, благонамѣренный, но слишкомъ мягкаго характера. Онъ самъ понималъ, что не въ силахъ укротить бурю, которая подымалась со всѣхъ сторонъ губернскаго горизонта. Онъ объявилъ заранѣе, что отказывается баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе; но все же, въ 1858 году, онъ обязанъ былъ предсѣдательствовать на предстоявшихъ выборахъ и въ комитетѣ. Положеніе его было крайне непріятное.

Наконецъ вернулись наши мужья. Разсказамъ не было конца.

— «А...ъ нашъ поступилъ молодцомъ! Отказался принять *заявленіе*! Ну, а что ужъ тамъ было!...

— Какъ я радъ, что *меня*-то тамъ не было!» вздохнулъ L...

— «Ну ужъ, батюшка, отличилась нынче Тульская *Чернь*!» сказалъ мужъ мой.

Когда противники князя Черкаскаго подали свое заявленіе со множествомъ подписей и губернскій предводитель А. отказался принять его, поднялся такой шумъ и гамъ, что А. закрылъ собраніе и удалился. При выходѣ его изъ залы, крѣпостники окружили его, дѣлали ему угрозы. Вслѣдствіе этого потрясенія, г-нъ А. заболѣлъ и болѣе не могъ присутствовать въ собраніи; мѣсто его замѣнилъ Тульскій уѣздный предводитель г-нъ К., человѣкъ совершенно необразованный и душою преданный большинству крѣпостниковъ. На слѣдую-

щій день собраніе открылось подъ предсѣдательствомъ К...а. Большинство опять подняло шумъ и требовало прочитать ихъ заявленіе. Тогда баронъ Владимиръ Михайловичъ Менгденъ подошелъ къ губернскому столу и обратился къ правящему должность губернскаго предводителя.

— «Ваше высокоблагородіе, я требую *слова*».

К. обидѣлся, что его не назвали *превосходительствомъ*, по невѣжеству не понявъ даже, о чемъ идетъ рѣчь.

— Я не могу вамъ обѣщать *дать честнаго слова*, отвѣчалъ онъ, потому что не знаю, о чемъ вы, баронъ, меня хотите просить».

Другіе уѣздные предводители объяснили К-у, въ чемъ дѣло: слово было предоставлено барону Менгдену, который заявилъ, что считаетъ совершенно незаконнымъ читать въ залѣ собранія заявленіе противъ князя Черкаскаго, что оно вовсе не относится къ выборамъ и, не желяя участвовать въ незаконномъ дѣйствіи, онъ заявляетъ, что оставитъ залу Собранія, если бумага противъ Черкаскаго будетъ читана.

При этихъ словахъ, поднялся со всѣхъ сторонъ шумъ; стали кричать: «Читать, читать!»

К. приказалъ секретарю дворянства прочитать заявленіе. Но лишь только началось чтеніе, какъ нѣсколько уѣздовъ, а именно Богородицкій, Епифанскій, Бѣлевскій, почти въ полномъ составѣ, а изъ другихъ уѣздовъ многіе дворяне, оставили залу Собранія. Не смотря на это, бумага была прочитана; но *постановленія* никакого не могло быть сдѣлано, такъ какъ большое количество дворянъ не присутствовали въ залѣ. Эпизодъ этотъ не имѣлъ послѣдствій; вѣроятно большинство поняло всю безполезность и безобразіе своей выходки.

III.

На слѣдующее утро поѣхали мы съ сестрой въ собраніе. Входимъ на лѣстницу. Что же видимъ? Старикъ Н..., въ шитомъ золотомъ генеральскомъ мундирѣ, бѣлыхъ панталонахъ съ золотымъ галуномъ, шляпа съ плюмажемъ подъ мышкой, бѣжитъ съ лѣстницы къ намъ навстрѣчу.

— Куда вы? спрашиваемъ его, зачѣмъ уходите?»

Онъ, весь растерянный, что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и опрометью бросился внизъ. Мы очень удивились и отправились на хоры.

— «Встрѣтили вы Н.?» спросилъ насъ одинъ изъ друзей нашихъ.

— Встрѣтили, спрашивали у него, куда онъ спѣшитъ? Онъ намъ ничего толкомъ не сказалъ. Куда онъ бѣжалъ?

— «Ха! ха! ха! Выгнали мы его превосходительство! До того его стыдили съ его клеветничьимъ заявленіемъ, что онъ обратился въ бѣгство. Ужъ не покажется больше сюда —шалишь!»

И точно, Н... не только исчезъ изъ дворянскаго Собранія, но изъ самой Тулы. Мы его больше не видали.

Началась баллотировка уѣздныхъ предводителей. Въ иныхъ уѣздахъ все шло тихо и мирно, въ другихъ не обошлось безъ шума и споровъ. Видѣли мы, какъ все Каширское дворянство пошло черезъ всю залу въ нашъ, Епифанскій уѣздъ просить мужа моего согласиться быть ихъ предводителемъ. Затѣмъ секретарь сталъ посреди залы и началъ громко читать имена дворянъ, которыхъ желали балотировать въ предводители Каширскаго уѣзда.

— «Титулярный совѣтникъ Иванъ Артемьевичъ Раевскій!» провозгласилъ секретарь и замолчалъ, выжидая отвѣта вызваннаго.

Мужъ моей вышелъ изъ своего уѣзда на средину залы и, обратясь къ секретарю, громко и внятно сказалъ: «*Коллежскій ассессоръ* Иванъ Артемьевичъ Раевскій—*отказывается*!»

Секретарь разинулъ ротъ и уставился выпученными глазами на моего мужа, который успѣлъ уже воротиться въ свой уѣздъ, а секретарь все стоялъ посреди залы съ раскрытомъ ртомъ. По всѣмъ угламъ внизу и наверху раздался смѣхъ, еще болѣе сконфузившій злополучнаго секретаря, ошибшагося въ чинѣ вызванной имъ личности.

Мой мужъ часто забавно острилъ въ отдѣленіи, гдѣ собирался нашъ уѣздъ; посреди серьезныхъ дѣлъ, раздавался и смѣхъ. Прибѣгали къ намъ на хоры разсказывать мужнины выходки.

Послѣ многихъ прѣній избраны были всѣ уѣздные предводители. Въ г. Веневѣ избранъ былъ братъ князя В. Черкаскаго, князь Евгеній, въ г. Епифани Бибиковъ, членъ меньшинства комитета, и т. д. Оставалось избрать одного *губернскаго* предводителя.

Между тѣмъ друзья князя Черкаскаго захотѣли дать ему обѣдъ по подпискѣ. Это было нѣсколько дней послѣ неудачной попытки крѣпостниковъ выгнать его изъ залы собранія. Оказалось девяносто подписчиковъ дворянъ, служившихъ въ Тулѣ чиновниковъ, также нарочно для этого пріѣзжихъ изъ Москвы и изъ Петербурга. Обѣдъ данъ былъ на квартирѣ барона Менгдена: онъ, какъ хозяинъ, встрѣтилъ князя Владимира Александровича на лѣстницѣ и привѣтствовалъ его небольшой рѣчью.

Въ продолженіе обѣда по временамъ игралъ оркестръ музыкантовъ. На обѣдѣ присутствовали одни мущины; но мы, женщины (насъ было шесть), сидѣли рядомъ, въ гостиной: хотя дверь въ столовую была заперта, но мы могли слышать провозглашаемые тосты и отвѣтственныя рѣчи. Помню только, что кто-то сравнилъ князя Черкаскаго съ Юріемъ Венелинымъ.

— «Плохое предзнаменованіе, сказалъ князь своему сосѣду. Не хотѣлъ бы я, какъ онъ, умереть въ тюрьмѣ!»

Когда Епифанскіе дворяне пили за здоровье моего мужа и благодарили его за полезную и трудолюбивую его девятилѣтнюю службу, «Одинъ въ полѣ не воинъ», отвѣчалъ онъ; «благодарю васъ за дорогое для меня содѣйствіе и за высокоцѣнимую мною дружбу!»

IV.

Какъ я говорила выше, оставалось только избраніе *губернскаго* предводителя. Всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ желательно было, чтобъ остался г-нъ А..., честный и хорошій человѣкъ. Онъ, еслибъ и не сталъ помогать въ борьбѣ съ крѣпостниками, то, по крайней мѣрѣ, не поддерживалъ бы ихъ. Защитники же крѣпостнаго права настаивали на избраніи В. П. М., своего собрата.

Насъ женщинъ, опять уговорили остаться дома, и мы съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія кого либо изъ нашихъ. Звонокъ. Сестра и я бросаемся въ переднюю.

— Менгденъ.

«Ну что́?»

— М....ъ.....

«Ахъ!»

— *Не* выбранъ! продолжаетъ Менгденъ.

— «Вѣчно школьничаешь!» съ досадой говоритъ сестра.

— А что́ было! продолжаетъ зять. «Кричали, стучали саблями, ломали стулья. Содо́мъ настоящій. Кончилось тѣмъ, что отложили выборы до завтрашняго дня».

На слѣдующій день М... былъ избранъ: большинство восторжествовало.

Въ промежуткахъ между дѣломъ занимались и бездѣльемъ: давались балы въ собраніи и у губернатора; были и благородные спектакли, гдѣ отличался сценическимъ талантомъ и теноровымъ, пріятнымъ голосомъ молодой, красивый, морской офицеръ Унковскій*), племянникъ знаменитаго адмирала того же имени.

На балы я ѣздила съ двумя дочерьми, замужней и дѣвицей, которыя много танцовали и веселились. Тогда еще живъ былъ вотчимъ моего мужа, г-нъ З. Онъ краснлъ волоса и усы и танцовалъ какъ молодой человѣкъ.

---

*) Въ 1884-мъ году комендантъ цитадели въ Варшавѣ.

Утромъ, въ свободные дни, наши друзья затѣвали катанье въ саняхъ, на тройкахъ, чтобъ повеселить молодыхъ барышенъ и барынь. Но болѣе всего занимало этихъ послѣднихъ посѣщеніе хоровъ дворянскаго собранія.

Въ 1858-мъ году губернаторомъ въ Тулѣ былъ генералъ Дараганъ. Онъ былъ очень представительной наружности, къ тому же хорошій человѣкъ, въ дворянскія сплетни не вмѣшивался, и всѣ въ губерніи имъ были очень довольны. Жена его была очень умна и любезна, сынъ красивый кавалергардъ [1]), три дочери—красавицы. Обѣ старшія были тогда уже замужемъ за командирами двухъ полковъ, стоявшихъ въ Тулѣ. Старшая—за полковникомъ Веревкинымъ, вторая—за Арбузовымъ.

«Жаль, что въ Тулѣ стоятъ только два полка, а не три; тогда и Евочка была бы также замужемъ», говорили Туляки.

Евочка или Евгенія, третья, меньшая дочь генерала Дарагана, была тоненькая, стройная, миловидная блондинка, тогда какъ старшія ея сестры обѣ брюнетки. Въ сущности г-жа Веревкина была лучше всѣхъ, чисто классическая красота, съ античными чертами лица, пышными плечами, умными, большими, черными глазами, высокаго роста, стройная и, какъ говорятъ Французы, un port de reine [2]). Она была образованнѣе и серьознѣе меньшихъ сестеръ; г-жа Арбузова была, такъ же какъ и она, высокаго роста, но худощавѣе и рѣзвѣе, черты лица ея были красивы, но неправильны, un minois chiffonné [3]). Евочка была ростомъ нижа сестеръ, своеобразно хороша: длинныя, свѣтлорусыя кóсы ея падали до колѣнъ. Она была миловидна и любезна. Иные находили, что она была бы еще лучше, если бы не ломалась крошечку. Видно было, что ее, какъ меньшую, родители баловали; отецъ въ ней души не чаялъ. Она часто била на эффектъ, но *мнѣ* собственно она очень нравилась, не смотря на эти небольшіе недостатки. Я ею искренно любовалась и вызвалась срисовать съ нея акварельный портретъ. Къ сожалѣнію, я сильно заболѣла, и портретъ остался недоконченнымъ. Первый эскизъ оставила у себя сестра моя, которая Евочку также полюбила, какъ и я.

Портреты комитетнаго меньшинства были окончены, и всѣ лица очень схожи; но собственно группа нехороша, потому что безобразіе современныхъ сюртуковъ и пальтó мѣшаетъ всякой артистической по-

---

[1]) Впослѣдствіи губернаторъ въ Вологдѣ, Черниговѣ, а въ 1884-мъ году въ Калишѣ.

[2]) Царская осанка.

[3]) Это выраженіе непереводимо.

становкѣ. Всѣ девять дѣятелей подписали свои имена подъ портретами. Эту картину я отдала зятю моему барону Менгдену.

Запишу здѣсь одинъ *случай*, не относящійся къ выборамъ, но происшедшій въ Тулѣ въ 1859-мъ году во время моего тамъ пребыванія.

Сестра моего зятя, молодая баронесса М. М. Менгденъ, была замужемъ за графомъ Дмитріемъ Януарьевичемъ Толстымъ. Графъ былъ добрѣйшей души человѣкъ; мужъ мой и мы всѣ его очень любили. У нихъ было два сына: старшему два года, меньшому нѣсколько мѣсяцевъ, когда отецъ ихъ заболѣлъ унаслѣдованной отъ матери чахоткою. Врачи его отправили на Іерскіе острова, на Югъ Франціи. Осенью 1858-го года молодая графиня проводила мужа до границы и принуждена была возвратиться въ свое имѣніе къ малюткамъ дѣтямъ, которыхъ немыслимо было подвергнуть такому дальнему путешествію. Съ острововъ получались отъ графа довольно успокоительныя извѣстія.

Чтобъ понять, что̀ ниже слѣдуетъ, я должна сдѣлать небольшое отступленіе и описать кабинетъ моего зятя въ Тулѣ. Къ нему вела дверь изъ передней: направо отъ этой двери, вдоль стѣны стоялъ длинный, широкій обитый темнозеленымъ сафьяномъ, покойный диванъ, на которомъ сестра и я всегда помѣщались послѣ обѣда, пока мужское общество тутъ же курило, разговаривало, иногда расхаживая по просторной комнатѣ или сидя на разставленныхъ въ ней покойныхъ креслахъ. Противъ окна стоялъ большой письменный столъ барона, длиной поперекъ комнаты, а налѣво небольшая, огороженная перилами лѣстница вела внизъ въ просторную же комнату, уборную барона, гдѣ ночевалъ мужъ мой (эта комната нижняго этажа находилась подъ самымъ кабинетомъ).

8-го Ноября 1858-го года, баронъ Менгденъ и мужъ мой провели вечеръ у князя В. А. Черкаскаго. Много они тамъ вмѣстѣ шутили, смѣялись и возвратились домой въ двѣнадцатомъ часу въ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа. Мужъ мой сошелъ къ себѣ, внизъ, но еще не раздѣвался, а баронъ Владимиръ Михайловичъ, напѣвая какую-то пѣсню, подошелъ къ письменному столу, гдѣ горѣли двѣ свѣчи и сталъ заводить свои карманные часы. Вдругъ, по какому-то непреодолимому чувству, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на сафьянный диванъ, стоявшій у стѣны напротивъ стола. Чтожъ онъ видитъ? Зять его, графъ Толстой, блѣдный и худой, лежитъ на диванѣ и полными грусти глазами на него смотритъ.....

«Jean!» вскрикнулъ баронъ такимъ тревожнымъ голосомъ, что мужъ мой, на зовъ его, стремглавъ бросился къ нему вверхъ по лѣстницѣ.....

Но образъ графа, мгновенно блѣднѣя, уже испарялся и, когда мужъ мой вбѣжалъ въ кабинетъ, отъ него оставалось лишь легкое, прозрачное облако, которое исчезало, поднимаясь къ потолку.....

Мужъ мой любилъ Толстаго. Проплакавъ всю ночь, онъ рано утромъ пришелъ наверхъ, гдѣ я съ дѣтьми помѣщалась.

— «Толстого ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ!» сказалъ онъ мнѣ со слезами и разсказалъ мнѣ про видѣніе.

— Ни слова сестрѣ! воскликнула я. Вы знаете, до чего она нервна? У нея у самой были видѣнія, и она ихъ ужасно боится. А въ *теперешнемъ* ея положеніи всякое потрясеніе опасно. Къ тому же мы съ ней каждый день отдыхаемъ на этомъ самомъ диванѣ, который для нея самый покойный въ домѣ. Чтожъ будетъ съ ней, если она узнаетъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ».....

— «Правда, отвѣчалъ мужъ, мы съ Менгденомъ уже объ этомъ говорили»..

На этомъ и порѣшили. Сестрѣ не сказали ни слова. Но то что *я* перечувствовала, когда въ тотъ же день, мы, по обыкновенію, послѣ обѣда усѣлись на ужасное мѣсто, и я должна была, ради сестры, поддерживать веселый разговоръ—того выразить не могу.

Только *три мѣсяца* спустя, получена была съ Іерскихъ острововъ телеграмма, «извѣщающая о внезапной кончинѣ графа Д. Я. Толстого. И такъ онъ былъ еще живъ, когда зять мой видѣлъ въ Тулѣ его печальный обликъ....

V.

Дворянскіе выборы кончились. Комитетъ продолжалъ свои работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ все усиливался расколъ между *меньшинствомъ* и *большинствомъ* членовъ его. Сіи послѣдніе рѣшились скомпрометировать князя Черкаскаго, вызвавъ его на дуэль. Вотъ какъ это было. Вскорѣ по окончаніи выборовъ, въ засѣданіи комитета, одинъ изъ членовъ большинства предложилъ на обсужденіе вопросъ: *сколько слѣдуетъ правительству заплатить помѣщикамъ за каждую освобожденную душу, кромѣ выкупа за землю?* Послѣ довольно продолжительныхъ прѣній, конечно ни къ чему не приведшихъ, князь Черкаскій заявилъ, что, согласно высочайше учрежденной программѣ, никакого выкупа за личность *не* предполагается и, наконецъ, было бы весьма трудно опредѣлить для *этого* какую либо цѣну; по крайней мѣрѣ онъ, князь Черкаскій, не беретъ на себя сдѣлать этому оцѣнку, потому что «*онъ самъ никогда крѣпостнымъ мясомъ не торговалъ*».

Эта послѣдняя фраза, конечно, подняла бурю и, какъ только засѣданіе было прервано, то членъ комитета В. и кандидатъ въ депу-

таты С. подошли къ князю и громкимъ, дерзкимъ голосомъ закричали: «Какъ смѣете вы говорить такія вещи? Вы оскорбляете дворянство комитета! А В... прибавилъ: «и тебя лично, В.....го!»

В.... же былъ взбѣшенъ тѣмъ, что̀ Черкаскій отвѣчалъ на его прежнюю рѣчь и на всѣхъ пунктахъ побилъ его.

Испуганный, поднявшимся шумомъ, предсѣдатель А... зазвонилъ и вновь открылъ засѣданіе, по окончаніи котораго В.... заявилъ Черкаскому, что онъ пришлетъ секундантовъ. Дѣйствительно на другой же день князю Черкаскому былъ посланъ вызовъ. Онъ отъ себя просилъ быть его секундантами г-на*** и брата своего кн. Евгенія.

Секунданты г-на В... *требовали*, чтобъ ему предоставленъ былъ *первый* выстрѣлъ и чтобъ стрѣлялись противники на разстояніи *трехъ шаговъ*. Они объявили, что, если эти условія княземъ Черкаскимъ не будутъ приняты, то В... публично его оскорбитъ. Секунданты кн. Черкаскаго на подобныя условія не могли согласиться, потому что они противны *всѣмъ* установленнымъ *правиламъ* дуэли, которыя *вызванному* предоставляютъ *первый* выстрѣлъ. Они отвѣчали, что князь Черкаскій готовъ съ В... стрѣляться на какое разстояніе ему угодно, но съ тѣмъ, чтобъ дуэль была *правильная*, т. е. чтобъ первый выстрѣлъ былъ предоставленъ ему, Черкаскому. На это В.... не соглашался.

Князь Владиміръ Александровичъ въ тотъ же день написалъ свое духовное завѣщаніе: онъ былъ готовъ согласиться на всѣ условія противника, во избѣжаніе публичнаго оскорбленія. Секунданты же его заявили В....у, что, если князь Черкаскій согласится на предложенныя ему неправильныя условія, то они при дуэли присутствовать *не* будутъ, и что, по окончаніи оной, они представятъ правительству все дѣло, какъ оно было и, такъ какъ князь Черкаскій вѣроятно будетъ убитъ, то они обвинятъ В.... въ преднамѣренномъ убійствѣ.

В.... и его партія струхнули. Сначала они хотѣли, чтобъ кн. Черкаскій извинился *письменно*, потомъ *хотя бы словесно*, въ комитетѣ. Ни кн. Черкаскій, ни его секунданты ни на что̀ подобное не согласились. Наконецъ, послѣ двухдневныхъ переговоровъ, было рѣшено, что кн. Черкаскій и г-нъ В. представятъ оба письменно предсѣдателю комитета, что ни тотъ, ни другой, въ своихъ рѣчахъ никого *лично* оскорблять не желали. Эти записки и были переданы предсѣдателю, который записку В..... передалъ князю Черкаскому, а записку князя Черкаскаго передалъ В....у. Затѣмъ все пошло обыденнымъ порядкомъ. Но, послѣ этого происшествія, меньшинство членовъ комитета рѣшило, что присутствовать будетъ при засѣданіяхъ, но станетъ впредь простымъ только отрицаніемъ *не* соглашаться съ мнѣніемъ большинства и ни въ какія пренія вступать съ нимъ не будетъ. Между собою

же они стали разработывать цѣлый *отдѣльный* проектъ, что́ и было ими исполнено, и таковымъ *отдѣльнымъ* и представленъ онъ въ Редакціонную Коммиссію въ Петербургѣ.

VI.

Для полноты этого очерка надобно разсказать одно обстоятельство, имѣющее прямую связь съ освобожденіемъ крестьянъ. Вопросомъ о томъ князь Черкаскій занимался почти со школьной скамьи, вездѣ и всегда громко заявляя о необходимости этой реформы для Россіи. Были, конечно, кромѣ князя и другія лица, сознававшія всю необходимость ея, но о ней говорили лишь въ тѣсномъ, дружескомъ кружкѣ, такъ какъ прямое заявленіе объ освобожденіи крестьянъ считалось въ то время революціоннымъ, чуть ли не равносильнымъ желанію ниспровергнуть законное правительство. Эти понятія общества были тѣмъ болѣе странны, что не безъизвѣстно было, что императоръ Николай Павловичъ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ. Но въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и въ дворянствѣ всей Россіи освобожденіе крестьянъ считалось рѣшительно невозможнымъ; одна мысль о немъ наводила ужасъ *): Поэтому и трудъ Черкаскаго «о Юрьевомъ днѣ», гдѣ *слегка* намекалось о возможности измѣненія и облегченія крѣпостнаго права, былъ запрещенъ въ печати.

Въ Тульской губерніи, по почину князя Черкаскаго, составился маленькій кружокъ людей, которые рѣшили въ тихомолку заняться этимъ вопросомъ и, по возможности, изложить письменно основныя правила, которыя облегчили бы *постепенное* осуществленіе этой мысли. Лица, вошедшія въ этотъ кружокъ, были, кромѣ князя Черкаскаго, Раевскій, Владиміръ Андреевичъ Норовъ, графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій, Дмитрій Дмитріевичъ Ошанинъ, Павелъ Николаевичъ Мясновъ и Михаилъ Павловичъ Болотовъ. Тогда въ Тулѣ губернаторомъ былъ умный и просвѣщенный Николай Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій. Князь Черкаскій сообщилъ ему о занятіяхъ своего кружка, добавивъ, что весьма желательно, чтобъ правительство, если прямо и не желаетъ покровительствовать ихъ трудамъ, то по крайней мѣрѣ, ихъ не игнорировало.

---

*) Жена одного высокопоставленнаго лица въ Москвѣ, княгиня Л., серьезно у мени спрашивала зимой 1861 го года: „Неужели вы не боитесь вернуться въ деревню лѣтомъ? Вѣдь, говорятъ, скоро будетъ *эманципація*?“—Нисколько не́ боюсь, отвѣчала я.—„Чтожъ вы въ домѣ сдѣлали желѣзныя ставни?“—Не только никакихъ ставень нѣтъ въ нашихъ большихъ окнахъ и стеклянныхъ дверяхъ, ведущихъ на террассы, но онѣ даже на ночь никогда не запираются, засмѣялась я.—„Боже мой, какіе вы храбрые! Нѣтъ, мы остаемся все лѣто въ Москвѣ; въ деревню не поѣдемъ ни за что̀“.

Н. Н. Муравьевъ отнесся сочувственно къ этой мысли и обѣщалъ при предстоявшей ему поѣздкѣ въ С.-Петербургъ, развѣдать тамъ о томъ, что̀ можно по этому дѣлу устроить. Муравьевъ въ Петербургѣ, чрезъ посредство графа Киселева, который, какъ извѣстно, былъ поборникомъ освобожденія крестьянъ, получилъ разрѣшеніе Государя не препятствовать вышеименованнымъ лицамъ съѣзжаться въ Тулѣ и заниматься задуманнымъ ими дѣломъ; но вмѣстѣ Муравьеву было поручено слѣдить за этими лицами и въ случаѣ надобности, по усмотрѣнію Муравьева, немедленно прекратить всякія дальнія разсужденія по этому вопросу. Подумаешь, какіе *опасные* были эти люди! Вотъ ужъ именно свѣжо́ преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Тотчасъ же начались занятія, и тотчасъ оказалось, что и эти немногія лица не могли придти къ одному результату. В. А. желалъ изъ этого вопроса сдѣлать выгодную финансовую операцію и тѣмъ поправить свои запутанныя дѣла. Гр. Бобринскій проповѣдывалъ какія-то отвлеченныя теоріи и увѣрялъ, что онъ давно изучаетъ вопросъ о рабствѣ и освобожденіи *негровъ*. И это говорилъ онъ, не шутя, а былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ воззрѣній.

Не смотря на эту разногласицу, работа шла и дошла уже до составленія свода выработанныхъ вопросовъ. Но тутъ наступилъ 1848-й годъ и Февральская Французская революція [1]). Изъ Петербурга прискакалъ нарочный курьеръ съ секретнымъ пакетомъ къ Тульскому губернатору. Приказано было немедленно закрыть «секретную коммиссію» и отобрать у всѣхъ лицъ подписки, что они освобожденіемъ крестьянъ болѣе заниматься не будутъ. Проектъ однакожъ былъ написанъ, но подписали его только: кн. В. А. Черкаскій, И. А Раевскій, П. Н. Мясновъ, М. П. Болотовъ и Д. Д. Ошанинъ. Гр. В. А. Бобринскій и В. А. Норовъ находили его неполнымъ, не цѣлесообразнымъ, а безъ содѣйствія правительства невозможнымъ къ исполненію.

Въ проектѣ предполагалось *постепенное* увольненіе крестьянъ и дворовыхъ отъ крѣпостной зависимости, обусловленное внесеніемъ крѣпостными людьми извѣстной суммы за освобожденіе. Сумма эта зависѣла отъ величины семейства, такъ что одинокій платилъ болѣе чѣмъ семейный, малосемейный болѣе многосемейнаго и т. д. Высшая сумма была 100 руб. для одинокаго *), а низшая 30 рублей сер. для большаго семейства, состоящаго изъ 6 и болѣе крестьянъ мужескаго пола; за женскій полъ не полагалось *никакой платы*: женщины освобождались съ мужьями, сыновьями, отцами и братьями. Дворовые осво-

*) Къ этому же времени относится и исторія Петрашевскаго; она еще болѣе Февральской революціи подѣйствовала на закрытіе коммиссіи освобожденія крестьянъ.

бождались съ землею или безъ земли, *по ихъ собственному усмотрѣнію*, но во всякомъ случаѣ обязательный для помѣщика *maximum* выкупной цѣны остается тотъ же — сто рублей сер.» (§ 4 проекта 1847-го года; когда кн. Черкасскій вводилъ этотъ проектъ въ своихъ имѣніяхъ, то уменьшилъ этотъ maximum до 80 р. с.) Крестьяне-хозяева освобождались съ одной десятиной на человѣка (мужескаго пола). Если къ выкупу приступала цѣлая деревня или по крайней мѣрѣ зажиточная часть, то крестьяне оставались на мѣстахъ, но, по требованію владѣльца, должны были переселиться къ одному мѣсту. Одинокіе и малосемейные, не пользовавшіеся землей, таковой не получили.

---

[2]) Нельзя не замѣтить, что подписавшіеся подъ проектомъ добровольно опредѣлили *высшую* обязательную цѣну крестьянъ по сту рублей сер., *ниже* всѣхъ *оффиціальныхъ* оцѣнокъ ревизской души, принятыхъ закономъ: въ 1072-й статьѣ IX-го тома постановлено было „выдавать изъ казны въ удовлетвореніе помѣщику за крѣпостныхъ людей, записавшихся въ какое либо податное состояніе отпускнымъ актомъ, впослѣдствіи опороченнымъ или уничтоженнымъ судебнымъ приговоромъ, по 114 руб. 28 коп. сер. за каждую ревизскую душу мужескаго пола и по 57 руб. 14$^{3}/_{4}$ коп. сер. за женскій полъ.“ Статья 1079-ая того же тома гласитъ: „Когда лица, воспользовавшіяся свободою, по послѣдующемъ пересмотрѣ дѣла, признаны будутъ окончательнымъ судебнымъ приговоромъ подлежащими къ возврату помѣщику, а между тѣмъ по закону въ крѣпостное состояніе они возвращены уже быть не могутъ, то въ вознагражденіе выдается владѣльцу изъ казны по 100 руб. сер. за каждую мужескаго пола душу и по 50 руб. сер. за женскую.“ Статья 1086 того же тома: „За людей духовнаго, однодворческаго и солдатскаго происхожденія, оказавшихся во всемилостивѣйше пожалованныхъ имѣніяхъ и выходящихъ по сему происхожденію изъ помѣщичьяго владѣнія, удовлетвореніе владѣльцу дѣлается по доходу, исчисляя опый съ каждой ревизской души безъ земли по 5 руб. 41$^{3}/_{4}$ коп. сер. и выдавая помѣщику капитальной отъ сихъ процентовъ сумму, т. е. по 114 руб. 28$^{4}/_{7}$ коп. сер. за каждую ревизскую душу мужескаго пола. Статьею 1091-й того тома установлено: „вознагражденіе 285 руб. 71$^{3}/_{7}$ коп. сер. за взрослыхъ дѣтей мужескаго пола, военными поселянами или пахатными солдатами, поступившими изъ помѣщичьихъ крестьянъ въ первобытномъ ихъ состояніи прижитыхъ и по требованію начальства для присоединенія къ отцамъ представляемыхъ за 10-ти лѣтнихъ мальчиковъ по 85 руб. 71$^{3}/_{4}$ коп. сер., за женскій полъ—въ половину противъ мужескаго“. Статьею 1036 того же тома: „по казеннымъ взысканіямъ отъ помѣщиковъ, кои имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, наличные изъ нихъ, безъ раздробленія семействъ, причисляются въ казенное вѣдомство, съ зачетомъ, въ число лежащаго на помѣщикахъ взысканія, за каждую наличную душу мужескаго пола по 85 руб. 71$^{3}/_{4}$ коп. сер. „Если прибавить къ сей оцѣнкѣ самую низкую среднюю торговую цѣну земель Тульской губерніи, по 30 руб. (въ нынѣшнее время цѣна эта возвысилась отъ 150—до 200 руб. сер. и болѣе) за десятину, мы получимъ 115 руб. сер. По статьямъ 225 и 226 того же тома: „за крѣпостныхъ дворовыхъ людей, достающихся по наслѣдству *личному дворянину*, не имѣвшему права владѣть крестьянами и поступающихъ въ казенное вѣдомство, наслѣднику уплачивается отъ казны за каждую ревизскую душу мужскаго пола сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной

Какъ ни странны намъ *теперь* покажутся эти условія, *тогда* они были еще возможны и даже цѣлесообразны. Но и этотъ скромный проектъ трудно было ввести въ жизнь безъ содѣйствія правительства. Тогда подушная подать платилась по количеству *душъ*, т. е. крестьянъ мужескаго по́ла, состоящихъ по послѣдней ревизіи въ сельскомъ обществѣ; ни умершіе, ни на волю отпущенные, ни бѣжавшіе, ни въ военную службу отданные крестьяне изъ ревизіи *не* исключались, и не только вся тяжесть денежной подати, но и рекрутской ложилась на общество до слѣдующей ревизіи, хотя бы оно уменьшилось на половину и болѣе. Кромѣ того, почти всѣ имѣнія помѣщиковъ были тогда заложены, и за каждаго отпущеннаго на волю человѣка обязательно было внести въ Сохранную Казну Опекунскаго Совѣта соотвѣтственную сумму. Слѣдов. еслибы кто захотѣлъ вводить въ своемъ имѣніи вышеозначенный проектъ, *безъ* содѣйствія правительства, то дѣло это сопряжено было бы съ большими трудностями и издержками со стороны помѣщика. Однако же эти почти неодолимыя преграды не остановили князя Черкаскаго. Онъ тогда былъ холостъ и имѣлъ, если не богатое, то достаточное состояніе: по *тогдашнему*, отъ 500 до 600 заложенныхъ душъ въ Тульской губерніи.

Возвратясь въ свое имѣніе, онъ тотчасъ началъ приводить свой проектъ въ исполненіе, объявивъ его своимъ крестьянамъ. Сначала немногіе изъ нихъ имъ воспользовались. Было ли это свойственное Русскому крестьянину недовѣріе къ своимъ *господамъ*, или недостатокъ у крестьянъ денегъ для внесенія требуемой съ нихъ суммы, не знаю. Первый, явившійся съ просьбой объ освобожденіи, былъ молодой, отличный поваръ, изъ дворовыхъ, только что прибывшій изъ Москвы, гдѣ ученіе его сто́ило князю Черкаскому 250 рубл. сер. Внеся 80 рубл., поваръ получилъ вольную и немедля укатилъ обратно въ Москву. Затѣмъ явились два изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ

для писанія купчихъ крѣпостей на населенныя въ той губерніи имѣнія, а за одинокія лица женскаго пола по 50 руб. сер.“ Статья же 363 Устава о пошлинахъ V-го тома Свода Законовъ „опредѣляетъ цѣну сію, для письма крѣпостей въ Тульской губерніи, *сто двадцать* руб. серебромъ.“ „Въ заключеніе (такъ значится въ вышеупомянутомъ проектѣ) нижеподписавшіеся долгомъ считаютъ объяснить, что, по искреннему желанію своему содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и крайнему разумѣнію, благимъ видамъ правительства, испрашивая для собственныхъ своихъ имѣній установленія весьма умѣреннаго maximum'a во сто рублей сер., ни мало не имѣли въ виду опредѣленія такой цѣны, которая бы могла быть приложена ко всѣмъ разнообразнымъ краямъ обширнаго отечества; и даже обязательное для всѣхъ владѣльцевъ установленіе сего низкаго maximum'a они почли бы крайне обременительнымъ для нихъ не только въ богатыхъ губерніяхъ Приволжскихъ, но даже во многихъ мѣстностяхъ Тульской губерніи.“ (Проектъ коммиссіи 1847-го года примѣчаніе § 3, I-й главы).

одной деревни; какъ многосемейные, они внесли выкупа сравнительно немного и также получили вольную. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе; такимъ образомъ, мало-по-малу, къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, значительная часть крестьянъ князя Черкаскаго вышла изъ крѣпостной зависимости. Но какихъ жертвъ это стоило владѣльцу! Онъ, за вышедшихъ на волю крестьянъ, платилъ изъ своего кармана слѣдуемые въ казну подушные сборы и соотвѣтственную сумму вносилъ въ Опекунскій Совѣтъ; доходы его уменьшились, такъ какъ запашку въ имѣніи онъ принужденъ былъ почти всю уничтожить; а болѣе бѣдные крестьяне, оставшіеся крѣпостными, плохо платили оброки.

Тогда, не только сосѣдніе помѣщики, но и дворянство другихъ губерній возненавидѣло князя Черкаскаго. Говорили, что правительство (сущая клевета!) его тайно поддерживало деньгами и будто обѣщаны ему чины, отличіе и мѣста, если привьется его мѣра освобожденія. Помѣщики кричали, что онъ волнуетъ весь край, что будто бы въ крестьянахъ, а въ особенности въ дворовыхъ людяхъ, глядя на примѣръ людей Черкаскаго, проявляется непослушаніе, строптивость и т. п. Но когда, наконецъ, появился высочайшій рескриптъ, образовались крестьянскія коммиссіи, и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ рѣшенъ, тогда пошли совершенно иные толки. Стали говорить, что кн. Черкаскій, какъ весьма умный и хитрый человѣкъ, все предвидѣлъ и отпустилъ болѣе половины своихъ крестьянъ безъ надѣла земли и этимъ, во время всеобщаго освобожденія, пріобрѣлъ бо́льшія выгоды. То была вторая и усугубленная ложь, такъ какъ дворяне Тульской губерніи и въ особенности того же уѣзда или сосѣднихъ съ кн. Черкаскимъ уѣздовъ очень хорошо знали, что онъ не только выгодъ не получилъ, но разстроилъ свое состояніе преждевременнымъ отпускомъ на волю большей части своихъ крестьянъ. Многіе, сочувствующіе освобожденію крестьянъ, и въ томъ числѣ почтенная личность, доставившая мнѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія по этому дѣлу, пріѣзжали къ князю Черкаскому, чтобы ознакомиться въ подробности со всѣми правилами, по которымъ онъ дѣйствовалъ при отпускѣ своихъ крестьянъ на волю, дабы у себя, въ своихъ имѣніяхъ, осуществить туже мысль. Но всѣ они, послѣ подробнаго изученія этого вопроса, должны были отказаться отъ благого намѣренія, такъ какъ матеріальныя траты на это дѣло были для нихъ слишкомъ обременительны.

Грустно и больно, что до сихъ поръ, когда говорятъ о кн. В. А. Черкаскомъ, есть люди, которые утверждаютъ, что, освободивъ часть своихъ крестьянъ до 1861 года, онъ сдѣлалъ выгодную аферу. Нѣкоторые говорятъ это изъ злобы и зависти; бо́льшая же часть, какъ къ сожалѣнію это всегда бываетъ, повторяетъ слышанное, не сознавая даже хорошенько, въ чемъ дѣло и о чемъ идетъ рѣчь.

ИЗЪ ДЕПЕШЕЙ БАРОНА БАРАНТА.

1836 годъ [1]).

Къ Тьеру.

С.-Петербургъ, 16 Іюля 1836.

Вчера, въ Четвергъ, посланники были приглашены на балъ, данный Императрицей въ одномъ изъ садовыхъ павильоновъ. Въ этотъ вечеръ Императоръ, отведя меня къ сторону, говорилъ съ живостью и подобающимъ чувствомъ о преступленіи, которое угрожало жизни короля [2]). Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ перешелъ къ политическимъ размышленіямъ, внушеннымъ ему этимъ печальнымъ событіемъ и вновь сказалъ мнѣ, что король прекратитъ все это лишь 18-мъ Брюмёромъ [3]). Я попытался объяснить, что это преступленіе, если даже и не представляетъ совсѣмъ исключительнаго явленія, вовсе не является симптомомъ опаснаго, ненадежнаго, угрожающаго политическаго положенія; что партіи побѣждены и нравственно уничтожены, что палаты служатъ могучимъ средствомъ для правительства и всегда являлись расположенными сдѣлать все, что̀ нужно для сохраненія монархіи. Разговоръ обратился затѣмъ на нравственное состояніе Франціи, и ваше превосходительство хорошо понимаете безъ моихъ объясненій, что̀ могъ и долженъ былъ говорить Императоръ. Я старался опровергать все то, что̀ было преувеличеннаго и невѣрнаго въ его сужденіяхъ. Онъ настаивалъ особенно на народномъ воспитаніи (такъ какъ оно въ настоящее время составляетъ предметъ его занятій и намѣреній). Мнѣнія его о томъ, что̀ происходитъ во Франціи, совсѣмъ ошибочны; онъ вовсе не цѣнитъ общественныхъ школъ, гдѣ ученики получаютъ и воспитаніе

---

[1]) См. выше, стр. 120—140.

[2]) Въ 1836 году на жизнь короля Людовика-Филиппа было два покушенія, Алибо̀ и Мёнье. За годъ передъ тѣмъ, на войсковомъ смотру онъ едва не погибъ отъ взрыва такъ-называемой адской машины Фіески, при чемъ убитъ былъ знаменитый маршалъ Мортье. Послѣдствіемъ этихъ покушеній были между прочимъ новыя стѣснительныя мѣры противъ печати, отразившіяся и у насъ, что̀ дало Пушкину поводъ сказать, что за шалости принца сѣкутъ пажа. Тогда же Французское правительство ослабило свое покровительство Полякамъ, бѣжавшимъ во множествѣ отъ насъ въ единовѣрную Францію послѣ Польскаго мятежа. П. Б.

[3]) Т. е. уничтоженіемъ представительныхъ учрежденій. П. Б.

и образованіе, гдѣ они находятся подъ полнѣйшимъ надзоромъ, отъ университетскихъ училищъ, гдѣ молодые люди, достигшіе извѣстнаго возраста, продолжаютъ свободно свое ученіе, слушая лекціи. Разговоръ былъ очень продолжителенъ и велся въ надлежащемъ тонѣ. Императоръ нѣсколько разъ мнѣ говорилъ: «Я не люблю говорить о томъ, что происходитъ у другихъ. Всякій долженъ знать, что для него хорошо и дурно; объ этомъ не говорятъ съ посланниками». Когда я сдѣлалъ намекъ, что это покушеніе могло имѣть связь съ Швейцарскими комитетами, онъ замѣтилъ быстро: «и съ Англійскими, безъ сомнѣнія; тамъ они еще хуже!» Я отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаю. Затѣмъ онъ добавилъ: «Простите, если я буду говорить о прошломъ, хотя уже безполезно; но вы слишкомъ долго щадили этихъ Швейцарцевъ. Вы не помогли имъ два года тому назадъ войти въ разумъ». Мой отвѣтъ былъ, какъ онъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что слѣдуетъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и общественному мнѣнію, что, опережая ихъ и совѣтуя осторожность, не раздѣляемую обществомъ, не найдешь никакой поддержки. «Но есть обязанности, которыя надлежитъ выполнять независимо отъ общественнаго мнѣнія; таково правило моего образа дѣйствій. Я дѣлаю то, что́ считаю своимъ долгомъ, а тамъ пусть думаютъ, что́ хотятъ». — «Ваше Величество, отвѣчалъ я ему, безъ сомнѣнія не слѣдуетъ удаляться въ мысляхъ и намѣреніяхъ отъ того, что́ справедливо и хорошо; но преуспѣвать есть также долгъ для Государя, и было бы виною съ его стороны мѣшать успѣху, особенно если цѣль внушена ему его совѣстію».

Во время этого разговора я прилагалъ всякое стараніе настаивать на безусловной достовѣрности того, что ужасное несчастіе, горестный успѣхъ убійцы, нисколько бы не смутилъ будущности Франціи, что престолонаслѣдіе было бы упрочено и спокойно принято, что герцогъ Орлеанскій пользуется все болѣе и болѣе довѣріемъ и что во Франціи объ немъ того же мнѣнія, какъ теперь въ Вѣнѣ и Берлинѣ.

Въ продолженіе вечера Государыня также разговаривала со мною искренно и просто объ опасности, которой подвергался король, и выразила большую симпатію къ безпрестанному страданію и тревогамъ, смущающимъ жизнь королевы.

Вообще можно только вторить отзывамъ разсудительныхъ людей и Петербургскаго общества по поводу этого покушенія. Наше политическое положеніе въ настоящее время достаточно хорошо извѣстно. Преступленія не приписываютъ обширному заговору и даже не вспышкѣ духа партіи, но отсутствію нравственныхъ чувствъ у низ-

шихъ классовъ, опасному сочетанію нищеты, безпорядка и гордости, испорченности неопредѣленныхъ и страстныхъ стремленій, вліянію журналовъ и драмъ. Словомъ, все, что́ говорится по этому печальному поводу въ Парижѣ, повторяется въ Петербургѣ, или потому что раздѣляютъ это мнѣніе или потому что принимаютъ его, такъ какъ оно кажется основательнымъ.

15-го числа Императоръ со всей своей семьею отправился на пароходѣ въ Кронштадтъ, чтобы сдѣлать смотръ своему флоту. Линія состояла изъ 26 трехпалубныхъ кораблей. День былъ прекрасный. Это было великолѣпное зрѣлище, и Императоръ очень любовался выставленнымъ на видъ могуществомъ своего флота. Онъ любитъ величавыя и пышныя зрѣлища; они одушевляютъ его своей показностью и говорятъ его воображенію своимъ блескомъ и возбуждаемою молвою. Онъ имѣлъ къ этому параду совсѣмъ особый интересъ, который весьма подходитъ къ его характеру. Петръ Великій, начавъ создавать флотъ въ Петербургѣ и послѣ своихъ морскихъ побѣдъ надъ Шведами, вспомнилъ, что, будучи еще ребенкомъ, часто плавалъ по рѣкѣ возлѣ Москвы на парусномъ ботикѣ, сдѣланномъ въ Англіи и что тамъ ему пришла первая мысль создать изъ Россіи могущественную морскую державу. Онъ привезъ изъ Москвы эту лодку и велѣлъ своему флоту воздать ей величайшія почести. Въ послѣдующее время лодку стали съ благоговѣйнымъ почетомъ сохранять. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я ѣздилъ смотрѣть ее; она находится въ крѣпости подъ навѣсомъ. Императоръ велѣлъ ее поправить и выкрасить; черезъ нѣсколько времени ее спустили при пушечной пальбѣ на Неву, она доплыла до Кронштадта и была взята на палубу парохода «Геркулесъ». Тамъ ее поставили на разукрашенномъ помостѣ, окруженномъ старыми гренадерами - гвардейцами. «Геркулесъ», неся эту святыню основателя могущества и величія Россіи, шелъ впереди парохода, на которомъ находился Императоръ со своей семьей и свитой. Весь флотъ воздалъ почести своему «дѣдушкѣ», какъ называлъ Петръ Великій этотъ ботикъ. Объѣхавъ всю линію, Императоръ съ Императрицей, всею царскою фамиліей и тремя посланниками на лодкѣ, рулемъ коей онъ самъ управлялъ, распоряжаясь маневрами, направился къ «Геркулесу» и взошелъ на него, чтобы самому воздать честь ладьѣ Петра Великаго. Этотъ парадъ, благопріятствуемый прекрасной погодой, былъ дѣйствительно внушителенъ.

Присоединяю къ моему письму списокъ судовъ, участвовавшихъ на смотру *). Ваше превосходительство усмотрите, что большинство судовъ носитъ названіе побѣдъ, одержанныхъ надъ Французами. Мнѣ дали

*) Этого списка при депешѣ не напечатано. П. Б.

этотъ списокъ. Императоръ, видя, что я его читаю, дружески подошелъ ко мнѣ со словами: «Я увѣренъ, что вы еще не можете читать бѣгло по-русски; я вамъ помогу». Первый корабль былъ «Березина». «Въ вашей экскадрѣ есть «Аустерлицъ» и «Фридландъ»; всякій чтитъ свои славныя воспоминанія. Вамъ должно это казаться вполнѣ естественнымъ».—«Они есть у каждаго народа, Ваше Величество, и мы также умѣемъ прославлять свои», отвѣчалъ я. Въ его словахъ нельзя было замѣтить ничего оскорбительнаго. Онъ всегда охотно вспоминаетъ о войнѣ Россіи съ Франціей. Вчера, говоря со мной о Горасѣ Верне, которому онъ выказываетъ по истинѣ трогательную доброту, онъ сказалъ: «Онъ мнѣ пишетъ двухъ гренадеръ старой гвардіи; эта картина захватываетъ сердце».

Тьеру.

С.-Петербургъ, 1-е Августа 1836.

Императоръ еще до сихъ поръ въ Красно-сельскомъ лагерѣ; часть дипломатическаго корпуса присутствуетъ на маневрахъ. Всѣ носящіе форму считаютъ долгомъ находиться тамъ. Петербургское общество находится или на дачѣ или въ путешествіи, и у насъ нѣкоторое время отдыхъ: не занимаются никакимъ дѣломъ, едва найдешь случай для политическаго разговора.

Я не нашелъ удобнымъ находиться въ лагерѣ; я могъ бы надѣть мундиръ національной гвардіи подобно тому, какъ лордъ Дургамъ надѣлъ форму милиціонную; но кромѣ того, что я всегда считалъ признакомъ дурнаго вкуса изображать изъ себя военнаго, не будучи таковымъ, мнѣ казалось, что, изображая въ данномъ случаѣ Французскаго маршала, я займу положеніе совсѣмъ мнѣ не подходящее. Если король счелъ удобнымъ выбрать посланника не изъ среды военныхъ, то, конечно, для того, чтобъ избѣгать подобныхъ случаевъ, когда Императоръ, при болѣе или менѣе радушномъ и благосклонномъ пріемѣ, который оказывается дипломатическимъ агентамъ, при обращеніи съ ними съ намѣреніемъ ли или по первому впечатлѣнію, выражаетъ свое расположеніе къ государямъ и державамъ, которыхъ они представляютъ. Я боялся, что будетъ несообразно намѣреніямъ короля и полученнымъ мною инструкціямъ, если я съ явной радостью ухвачусь за случай приблизиться къ Императору. Впрочемъ, со дня на день я все больше убѣждаюсь, на сколько приличествуетъ здѣсь сохранять сдержанность и не подражать куртизанскимъ привычкамъ, которыя слишкомъ усвоены дипломатическимъ корпусомъ. Такой образъ дѣйствій указанъ мнѣ характеромъ отношеній Императора къ королю, нашему августѣйшему повелителю. Кромѣ того, онъ позволяетъ оставлять не замѣ-

ченными случайныя и преходящія сужденія, пустыя обвиненія, которыя могутъ быть выражены относительно Франціи, ея правительства и ея положенія. Когда мнѣ ихъ сообщаютъ, я выказываю мало вниманія, чаще только усмѣхаюсь, не входя въ опроверженія, что́ весьма хорошо удается и что́ создало мнѣ, если не ошибаюсь, очень хорошее положеніе не только среди добраго Русскаго общества и правительственныхъ лицъ, но и въ глазахъ самого Императора. Онъ говоритъ мнѣ лишь то, что̀ я долженъ слышать. Ко всему тому, что́ касается Франціи, онъ обыкновенно показываетъ большую сдержанность; лишь въ самомъ тѣсномъ кругу своихъ близкихъ онъ выражаетъ свои мысли. Всѣ его окружающіе сообразуются съ этимъ. Въ тоже время, когда я имѣю случай его видѣть, онъ выражаетъ мнѣ обычную ему изящную благосклонность.

Виконтъ де-Кинмонъ (Quinemont), причисленный къ Французской миссіи въ Копенгагенѣ, пріѣхалъ сюда въ качествѣ путешественника. Представленный Императору, онъ, какъ недавно находящійся на службѣ, былъ милостиво понужденъ имъ отправиться въ лагерь; тамъ онъ нашелъ самый любезный пріемъ и былъ предметомъ большаго вниманія.

Однажды исполняли прекрасный маневръ: девяносто пушекъ прискакали галопомъ на возвышеніе, гдѣ и размѣстились побатарейно; колонны пѣхоты въ тоже время заполняли промежутки между ними; движеніе было исполнено съ необычайною точностью. День былъ прекрасный, солнце освѣщало это величавое и внушительное зрѣлище. Императоръ былъ въ восхищеніи и (повторяю слышанное отъ очевидцевъ) упоенный удовлетвореніемъ и гордостью, онъ, обыкновенно сохранящій большую важность, сталъ напѣвать солдатскую пѣсню. Подойдя къ де-Кинмону, онъ сказалъ:

— Ну, товарищъ, какъ это по вашему? Надѣюсь, что эти пушки никогда не будутъ стрѣлять противъ Французовъ. Боже упаси насъ отъ войны; но если будетъ такое несчастіе, слѣдуетъ, чтобы Русскіе и Французы были вмѣстѣ. Никто не будетъ въ состояніи идти противъ этихъ двухъ армій.

Не слѣдуетъ придавать особаго значенія этимъ словамъ, вызваннымъ впечатлѣніемъ минуты. По моему они вовсе не выражаютъ измѣненія въ расположеніи Императора. Это живое изліяніе относится не къ дѣйствительной Франціи, но къ Франціи прежней или даже воображаемой, къ Франціи всецѣло монархической и военной, о которой онъ сожалѣетъ, не отдавая себѣ отчета, возможна ли она теперь. Этимъ

объясняется такой удивительно нѣжный пріемъ, оказанный Горасу Верне, такая интимность его жизни среди царской семьи, все то, чего иначе не поймешь, и что́ даже здѣсь нѣсколько удивляетъ. Я долженъ сказать, что трудно пользоваться этою милостью съ бо́льшимъ тактомъ и умѣренностью чѣмъ Горасъ Верне. Онъ скоро уѣдетъ во Францію, но вернется сюда на будущій годъ, чтобъ остаться подольше и предпринять больше работы.

Я всегда сожалѣю, что не могу доставлять вашему превосходительству точныя и опредѣленныя статистическія свѣдѣнія; ихъ очень трудно достать, и я объяснилъ вамъ причину этого. Я вижу, что и другіе члены дипломатическаго корпуса, также какъ и я, мало успѣваютъ въ розысканіи этихъ свѣдѣній. Много времени тому назадъ я могъ послать нѣсколько цифръ изъ бюджета 1835 года въ копіи, купленной мною очень дорого; но чѣмъ болѣе я узнаю дѣла, тѣмъ менѣе вѣрю подлинности этого документа. Изъ него выходитъ, что расходы равнялись лишь 543, а доходы 528 милліонамъ, расходы на армію были въ 181 милліонъ, на флотъ 40, долговъ же всего на 55 милліоновъ.

Списокъ расходовъ на флотъ похожъ на правду; я слышалъ, какъ всѣ повторяли эту цифру; такъ какъ вообще этотъ расходъ считается безполезно увеличеннымъ, и его очень порицаютъ, то вѣроятно, его лучше знаютъ, чѣмъ другой.

Люди свѣдующіе полагаютъ, что войско сто́итъ много больше 181 милліона, особенно если принять во вниманіе крѣпостныя работы; нѣкоторыя изъ нихъ очень значительны. Императоръ хочетъ имѣть значительную крѣпость со стороны Кіева; на Модлинъ (Новогеоргіевская крѣпость) назначены большія суммы, но расходъ относится къ Польскому бюджету.

Расходы по уплатѣ долговъ, какъ мнѣ кажется, почти достовѣрны. Я надѣюсь узнать съ достовѣрностью подробности по этой части, т. е. полны ли оффиціально оглашаемыя каждый годъ свѣдѣнія, всѣ ли долги и суммы, употребленныя на уплату, выкупъ, погашеніе и на проценты, туда входятъ. Но что́ крайне сомнительно, я это могу доказать: это балансъ расходовъ съ доходами. Я долженъ вѣрить, полагаясь на общее мнѣніе и на то, что́ слышалъ отъ людей благо и зложелательныхъ, что́ дефицита нѣтъ или онъ очень малъ. Въ чемъ я болѣе увѣренъ, это то, что общіе налоги довольно быстро увеличиваются. Таможня и налогъ на водку постоянно и быстро ростутъ (sont dans une progression dont on se félicite souvent). Доходъ питейный, кажется,

достигаетъ 120 милліоновъ. Государственныя земли необозримы, и управленіе ими становится все болѣе правильнымъ и тщательнымъ.

Вообще, при бѣгломъ обозрѣніи Россіи и ея правительства, администрація ея не кажется обремененною долгами и затрудненною. Министръ финансовъ человѣкъ бо́льшаго порядка; князь Волконскій, министръ удѣловъ и слѣдовательно большей части коронныхъ земель, бережливый и строгій администраторъ. Несомнѣнно, что среди второстепенныхъ и низшихъ чиновниковъ мало честности и царитъ явный безпорядокъ. Расходы на нихъ очень увеличились. Многіе откупа очень скандальны, часто работы плохо исполняются, и поставленное бываетъ дурнаго качества; но я склоненъ думать, что вообще администрація въ довольно большомъ порядкѣ.

Во всякомъ случаѣ Польскій заемъ, о которомъ я говорилъ вашему превосходительству, долженъ погасить или уменьшить дефицитъ. Турецкая контрибуція за очищеніе Силистріи пойдетъ также конечно на пополненіе обыкновенныхъ расходовъ; необходимость въ этомъ пополненіи, по моему мнѣнію, способствовала той легкости, съ которою Русское правительство заключило этотъ договоръ. Иногда министры поговариваютъ о новыхъ налогахъ, толкуютъ объ ихъ удобствахъ и неудобствахъ, о трудности установить и собирать ихъ. Время отъ времени возникаетъ вопросъ о налогѣ на табакъ; если свекловичный сахаръ будетъ вырабатываться въ изобиліи, можетъ быть и его обложатъ. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не считается настоятельно нужнымъ, но объ нихъ думаютъ.

При моемъ отъѣздѣ изъ Парижа герцогъ де-Броли выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я, сообразно съ обстоятельствами и досугомъ, объѣхалъ немного внутренность Россіи; ему казалось полезнымъ ее узнать и получше изучить, чего нельзя сдѣлать въ Петербургѣ, потому что онъ, собственно говоря, не Русскій городъ.

Полагая, что и ваше превосходительство раздѣляете эти мысли, я считаю сообразнымъ съ вашими намѣреніями воспользоваться этимъ временемъ, чтобы побывать въ Москвѣ и на ярмаркѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Императоръ хочетъ предпринять это путешествіе, и еще зимой онъ меня подговаривалъ быть въ Нижнемъ въ одно съ нимъ время; затѣмъ онъ нѣсколько разъ изволилъ напоминать мнѣ «о нашемъ свиданіи въ Нижнемъ», какъ ему угодно было выражаться. Поэтому мой отъѣздъ, мнѣ кажется, вызванъ скорѣе исполненіемъ долга, чѣмъ любопытствомъ путешественника.

Графу Гудето (Houdetot)

Москва, 15 Августа 1836.

Москва совсѣмъ не то, чего я ждалъ: ея видъ не имѣетъ ничего готическаго, восточнаго, ни даже Греческаго. Какъ для Россіи, такъ и для этого города не было среднихъ вѣковъ. Въ XV столѣтіи начали строить дворцы, церкви, заимствуя какъ попало отовсюду, нагромождая всевозможные стили. Это какая-то невѣроятная, но мощная и эффектная смѣсь. Москва городъ колоколень, внѣшнія и внутреннія украшенія ея четырехъ или пятисотъ церквей, всегда причудливаго стиля, часто заставляютъ вспоминать объ Индійскихъ, Тибетскихъ или Китайскихъ пагодахъ. И христіанство среди простаго народа приняло отчасти этотъ характеръ. Прибавьте, что въ этомъ суровомъ климатѣ приходится постоянно подштукатуривать, подкрашивать, такъ что все имѣетъ мишурный видъ. Тѣмъ не менѣе я былъ глубоко захваченъ видомъ Кремля: это было одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній подобнаго рода. Кремль—это Москва; остальной городъ новъ, какъ и Петербургъ, даже почти что въ томъ же духѣ; тѣже широкія улицы, огромныя площади, прекрасныя зданія съ колоннами изъ оштукатуреннаго кирпича, но менѣе правильности и прямыхъ линій. Хотя народонаселеніе и меньше, но оно болѣе на виду, чѣмъ въ Петербургѣ; здѣсь большое движеніе. Москва живетъ много самостоятельнѣе и не имѣетъ вида чего-то зависимаго и придаточнаго къ царской резиденціи; нѣтъ у нея и Петербургской военной физіономіи. Въ нравственномъ отношеніи городъ имѣетъ или скорѣе начинаетъ имѣть нѣчто буржуазное, провинціальное и промышленное; въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ быстрые шаги. Въ этомъ центрѣ, столь отдаленномъ отъ Европы, очень мало занимаются тѣмъ, что́ происходитъ на нашемъ Западѣ. Европейская цивилизація все менѣе и менѣе будетъ нести сюда свои продукты: увеличеніе потребленія, благосостоянія и желанія онаго, отдаленность отъ промышленныхъ центровъ, высокая плата за перевозъ даютъ большой успѣхъ мѣстнымъ промышленнымъ учрежденіямъ; покровительственная система, что́ тамъ ни говори, способствуетъ этому. Я не хочу теоретически разсматривать, полезна или нѣтъ эта система; но, ободряя предпринимателей, она порождаетъ предпріятія. Ихъ здѣсь очень много, и въ нихъ сосредоточивается главный интересъ. Война будетъ здѣсь въ той же степени народною какъ въ Ліонѣ или С. Этьенѣ.

Тьеру.

Москва, 23 Августа 1836.

Императоръ пріѣзжаетъ сегодня утромъ и проживетъ здѣсь только три дня. Онъ окончилъ смотры, ученья, маневры, которые взяли у него шесть недѣль времени и много милліоновъ денегъ. Въ различныхъ проявленіяхъ этой военной страсти нѣтъ никакихъ злыхъ намѣреній. Онъ часто повторяетъ, что эта армія, которую онъ находитъ столь прекрасной, соразмѣрна обширности имперіи и что ея назначеніе поддерживать его господство у себя. Я сообщалъ вамъ, что онъ говорилъ де-Кинмону. До меня не дошло ни одного враждебнаго слова съ его стороны по адресу Франціи. Однако во время иллюминаціи, бывшей вчера, изображались нѣкоторыя картины изъ Калишскаго лагеря*): число 1813 и девизъ союза державъ. Эти эмблемы приносятъ несчастіе, такъ какъ и этотъ разъ траспарантъ былъ дурно освѣщенъ. Никто на это не обратилъ вниманія. Напоминанія о походѣ противъ Франціи и объ освобожденіи Европы были очень холодно приняты. Этими воспоминаніями любятъ гордиться, какъ военной славой, но они не имѣютъ никакого вліянія на текущую политику и настроеніе. Духъ у офицеровъ и войска оказался во время маневровъ еще болѣе мирнымъ, чѣмъ у Императора.

Не хочу умолчать объ одномъ анекдотѣ, который произвелъ большое впечатлѣніе; онъ можетъ дать понятіе о характерѣ Императора. Вообще, особенно въ дѣлахъ, онъ строго отдаетъ приказанія и говоритъ быстро. Часто онъ дурно обращается съ офицерами и генералами. Это и было у него съ однимъ артиллерійскимъ генераломъ. Онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и перешелъ границы справедливости. На слѣдующій день онъ созвалъ передъ своей палаткой весь генеральный штабъ и публично извинился передъ генераломъ, который въ полномъ смущеніи склонился поцѣловать у него руку. Императоръ заключилъ его въ свои объятія. Весь разговоръ происходилъ по-французски, можетъ быть оттого, что эта сцена предназначалась болѣе для генераловъ, чѣмъ для солдатъ; можетъ быть онъ хотѣлъ подѣйствовать ею на иностранцевъ, здѣсь находящихся.

Изъ Москвы Императоръ поѣдетъ въ Нижній, Казань, Воронежъ, Харьковъ, Кіевъ и затѣмъ въ Варшаву. Неизвѣстно, какимъ онъ себя тамъ проявитъ, суровымъ или милостивымъ, угрожающимъ или умпро-

*) Гдѣ былъ въ 1813 году заключенъ наступательный союзъ противъ Наполеона между Александромъ Павловичемъ и королемъ Прусскимъ. П. Б.

творяющимъ. Впрочемъ дѣло идетъ только объ одной видимости; основа поведенія относительно Польши не можетъ измѣниться. Императоръ, или говоря точнѣе Русскіе, съ медлительностью или жесткой настойчивостью будутъ слѣдовать намѣренію уничтожить Польскій народъ, языкъ, религію. Война 1831 года не была обыкновенною войною, но борьбою двухъ враждебныхъ народовъ; не мятежъ былъ подавленъ, но покорена страна. Знамена, взятыя у Поляковъ, повѣшены на колоннахъ въ Казанскомъ соборѣ, ключи Модлина возложены въ Петербургѣ на гробницу великаго князя Константина, Кремль полонъ трофеями этой войны. Показываютъ оригиналъ хартіи, данной Польшѣ императоромъ Александромъ, и знамена Варшавской національной гвардіи. Изъ дворца увезли всю мебель какъ бы для того, чтобы показать, что Императоръ никогда не остановится въ немъ. Собраніе портретовъ Польскихъ королей, бронзовыхъ бюстовъ знаменитыхъ Поляковъ, коронныя регаліи, Польскій тронъ—все это находится въ Кремлѣ. До такой степени усердно вывозили мебель, что даже сосноваго стола покрытаго старымъ зеленымъ ковромъ, на которомъ писалъ императоръ Александръ, не оставили въ Варшавѣ. Въ военной школѣ я видѣлъ по крайней мѣрѣ около пятидесяти молодыхъ Поляковъ, переведенныхъ съ прошлаго года изъ уничтоженной Польской школы въ Калишѣ.

Вообще слѣдуетъ думать, что Императоръ можетъ сдѣлаться мягкимъ и благосклоннымъ къ отдѣльнымъ личностямъ, болѣе чѣмъ теперь заняться дарованіемъ нѣкотораго благосостоянія и процвѣтанія этой несчастной странѣ; но какъ Польшу, какъ отдѣльное царство, онъ ее ненавидитъ всѣми силами своей души и только и думаетъ какъ бы ее обратить въ Русскую губернію. Незначительное число Поляковъ, просившихъ помилованія и получившихъ его, держатся того же мнѣнія, что черезъ сохраненіе своихъ національныхъ притязаній ихъ родина подвергается тяжелой и гибельной тиранніи; по ихъ словамъ сочувствіе, обнаруженное Европой, было гибельнымъ сожалѣніемъ: оно увеличило и продолжило ихъ страданія. Австрія исподтишка подбодряетъ и подстрекаетъ Русское правительство на этомъ пути подавленій и строгостей. Я встрѣчалъ здѣсь чиновниковъ, занимающихъ даже важныя мѣста, которые служили на Галиційской границѣ, и слышалъ онъ нихъ, что увѣдомленія, безпрестанно доставляемыя Австрійскою полиціей, дѣлаются поводомъ или предлогомъ самыхъ строгихъ мѣръ предосторожности *).

*) Эти увѣдомленія продолжались и имѣли силу очень долго. Ихъ жертвою были даже и такіе люди, какъ Н. П. Костомаровъ и Ѳ. В. Чижовъ. П. Б.

Я здѣсь уже десять дней. Я дожидался Императора, находя, что много интереснѣе видѣть его въ Московской столицѣ, чѣмъ на Нижегородской ярмаркѣ. Ранѣе его прибытія я осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ обширныя воспитательныя учрежденія и былъ на многихъ фабрикахъ; словомъ, я хотѣлъ извлечь все, что̀ было можно, изъ моего путешествія.

Графъ Толстой, бывшій посланникомъ во Франціи, исправляетъ въ настоящее время должность Московскаго губернатора. Онъ принялъ меня съ выраженіями полной душевности и оказалъ мнѣ всевозможное вниманіе. Все было мнѣ показано съ тѣмъ большею готовностью, что общественныя учрежденія вообще поставлены съ великолѣпіемъ и содержимы въ томъ порядкѣ, который Русское правительство любитъ показывать иностранцамъ.

Тьеру.

С. Петербургъ, 8 Сентября 1836.

Я уѣхалъ изъ Москвы на слѣдующій день послѣ Императора. Три дня своего пребыванія онъ посвятилъ всеобщему осмотру и ревизіи производя ихъ съ обычной ему быстротой. Я имѣлъ честь два раза обѣдать съ нимъ. Никогда я не былъ лучше принятъ, никогда я не видалъ его въ такой степени расположеннымъ къ свободному разговору. Онъ еще находился подъ вліяніемъ удовольствія доставленнаго мѣсячнымъ пребываніемъ среди своего войска. Онъ путешествуетъ очень быстро: это ему нравится и оживляетъ его. Религіозное и сыновнее чувство, выражаемое Московскимъ народомъ, когда онъ по обычаю проходитъ среди многолюдной толпы изъ дворца въ соборъ, также производитъ на него впечатлѣніе. Хотя онъ не говоритъ рѣшительно ничего новаго и интереснаго, тѣмъ не менѣе я научаюсь его лучше знать и, слушая, какъ онъ пространно и горячо говоритъ, я лучше могу судить о его управленіи, администраціи и даже о странѣ, чѣмъ на основаніи большинства другихъ данныхъ. Разговоръ, какъ и подобало, велся о Россіи и не касался Франціи, о внутреннихъ дѣлахъ, а не о внѣшнихъ сношеніяхъ. Однако, возвращаясь почти непроизвольно къ занимающему его съ нѣкотораго времени предмету, къ необходимости быстраго и твердаго подавленія революціоннаго движенія, онъ мнѣ еще повторилъ: «Я никакъ никогда не пойму, чтобы могли быть законы, осуждающіе націю въ тридцать пять милліоновъ, трепетать передъ шайкой въ пятьсотъ убійцъ». Онъ, предупрежденный, что будутъ покушенія и противъ него, сказалъ: «Примемъ противъ этого мѣры, а тамъ что̀ Богъ дастъ».

Я не предполагалъ, въ какой степени вѣрны мои слова въ предъидущемъ письмѣ къ вашему превосходительству о планахъ, которыхъ Императоръ хочетъ навсегда держаться относительно Польши. Я впередъ съ точностью сообщилъ вамъ то, что̀ услышалъ два дня спустя. Императоръ, говоря со мною о Кремлѣ и о томъ, что́ я тамъ видѣлъ, спросилъ меня, замѣтилъ ли я тамъ привезенное изъ Варшавы. Онъ принялся перечислять всѣ трофеи и говорилъ о Польской войнѣ, какъ о самомъ лучшемъ тріумфѣ Русскаго войска, какъ о славѣ своего царствованія. Онъ воодушевился, разсказывая о неблагодарности Поляковъ, о нарушеніи ими присяги, о забвеніи ими памяти его брата Александра. Перечисливъ памятники этой побѣды (и онъ намѣренъ воздвигнуть еще и другіе), онъ еще спросилъ меня, видѣлъ ли я въ Петербургѣ пушки, поставленныя передъ гвардейскою церковью. «Гвардія отняла ихъ у Турокъ подъ Варною, сказалъ онъ, и такъ какъ одинъ изъ Польскихъ королей былъ нѣкогда убитъ подъ стѣнами этого города, то я думалъ сдѣлать пріятное Полякамъ, отдавъ имъ эти пушки. И что же? Эти несчастные обратили ихъ противъ меня и моей гвардіи снова пришлось проливать изъ-за нихъ кровь». Вы видите, что рѣдко побѣдитель сохраняетъ противъ побѣжденнаго столь сильное и презрительное враждебное чувство. Если Императоръ даетъ волю такимъ выраженіямъ, то мы, можетъ быть, скоро будетъ имѣть второе изданіе Варшавской рѣчи. Однако я этого не ожидаю.

Только что появился довольно неожиданный указъ о наборѣ по пяти человѣкъ съ тысячи. Указъ отъ 1-го Августа 1834 года раздѣлилъ имперію на двѣ части и постановлялъ, чтобы каждая по очереди поставляла рекрутъ; нынѣшній отмѣняетъ его, предписывая общій и одновременный призывъ. Наборъ этотъ дастъ около ста тысячъ человѣкъ. Въ поясненіи сказано, что уменьшеніе срока службы съ двадцати пяти до двадцати лѣтъ и отпускъ всѣхъ солдатъ, достигшихъ этого крайняго срока, значительно уменьшили армію тѣмъ болѣе, что отпускъ коснулся старыхъ наборовъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, которые были очень многолюдны. Это вѣрно. Но никто не находитъ необходимымъ при настоящихъ столь мирныхъ обстоятельствахъ тотчасъ же наполнять опустѣвшіе ряды. Собственники, особенно въ Москвѣ, гдѣ выражаются мысли съ бо́льшею свободою, высказываютъ нѣкоторое недовольство этою мѣрою, налагающею на нихъ столь тяжелую контрибуцію, такъ какъ крѣпостные, взятые въ рекруты, имѣютъ цѣнность равную капиталу, доходы съ котораго они приносятъ, и что кромѣ того расходы на первую обмундировку лежатъ на хозяинѣ. Предпринятое уже два года тому назадъ рѣшеніе свести, срокъ службы къ

двадцати годамъ также не пользуется одобреніемъ. Администрація увѣряетъ, что получившіе отставку нисколько не затрудняются своимъ положеніемъ, что, будучи освобождены отъ крѣпостной зависимости, они легко находятъ мѣста и занятія въ городѣ или на фабрикахъ; что если они предпочитаютъ вернуться въ мѣста, откуда ихъ взяли двадцать лѣтъ тому назадъ, то они будутъ очень полезны помѣщикамъ: ихъ будутъ употреблять какъ чиновъ полиціи, и они образуютъ родъ мѣстныхъ жандармовъ, необходимыхъ для поддержанія добраго порядка среди крѣпостныхъ. Однако помѣщики совсѣмъ не признаютъ этихъ выгодъ; они говорятъ, что возвращеніе отпускныхъ ихъ затрудняетъ, что, не будучи уже крѣпостными, они мало послушны и скорѣе вредятъ чѣмъ способствуютъ порядку.

Каковы бы ни были эти жалобы, никто до сихъ поръ не считаетъ, чтобы этотъ наборъ имѣлъ какое нибудь отношеніе къ внѣшней политикѣ; никто не видитъ въ немъ проекта или мысли о войнѣ. Я до сихъ поръ не имѣлъ повода думать иначе. Во вкусѣ и привычкахъ Императора желать имѣть большое войско безъ всякаго намѣренія и проекта употребить его въ дѣло. Для него владычество (souveraineté) состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ командованіи большимъ числомъ солдатъ. Царь находится въ опасности, если у него нѣтъ хорошаго, надежнаго войска; заниматься имъ, держать его въ дисциплинѣ и поддерживать въ немъ полную преданность: вотъ въ чемъ его первый долгъ и настоящая политика. «Я не хочу, говорилъ онъ мнѣ, хулить тѣхъ, кто несчастенъ; но старшая вѣтвь Бурбоновъ ничего не смыслитъ въ военномъ дѣлѣ: никогда она не умѣла цѣнить солдата и внушить ему любовь къ себѣ. Это понятно въ Карлѣ Десятомъ, но его сыновья служили и были на войнѣ; какъ же они остаются чужими вашему войску? Они воспитали герцога Бордосскаго въ томъ же духѣ». Я прибавилъ: Вотъ, давая такое воспитаніе королевскимъ дѣтямъ, и произвели то, что они утратили корону. «Это было Богу угодно», сказалъ онъ, чѣмъ и кончился разговоръ, о которомъ я сообщаю вамъ, чтобы показать особую любовь Императора къ военной службѣ.

Объясняютъ также этотъ исключительный наборъ планами Императора относительно Кавказа. Безъ сомнѣнія онъ имъ занимается, объ этомъ я также слышалъ. Онъ хочетъ поѣхать туда на слѣдующій годъ. «Надо это кончить, говорилъ онъ, надо Россіи начать пользоваться своею наилучшею провинціей. Эта война стоитъ многихъ жертвъ и денегъ; въ ней погибаетъ каждогодно по крайней мѣрѣ триста офи-

церовъ. Меня обнадеживаютъ, что, принявъ надлежащія мѣры, слѣдуя строго обдуманному плану, въ пять лѣтъ можно достигнуть полнаго подчиненія; но я долженъ самъ посмотрѣть; за ошибки приходится платить кровью». И Кавказскую армію хотятъ увеличить.

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1836.

Я имѣю честь отправить вашему превосходительству номеръ С.-Петербургской газеты, вышедшей вчера поутру. Подробности о досадномъ случаѣ [1]), приключившемся съ Императоромъ по дорогѣ изъ Пензы въ Тамбовъ, совершенно согласны съ истиной. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего болѣе серьознаго чѣмъ то, что́ передаетъ газета. Императрица показывала своимъ приближеннымъ очень длинныя письма, которыя Императоръ могъ написать. У него даже не было лихорадки. Это неожиданное извѣстіе тотчасъ же распространилось среди всего общества съ точностью и безъ преувеличиваній, такъ что не произошло никакихъ тревожныхъ слуховъ. Печалясь о событіи, поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что оно могло бы быть серьознымъ, но къ счастію обошлось легко.

Я тотчасъ же засвидѣтельствовалъ графу Нессельроде чувства, возбужденныя во мнѣ этимъ неожиданнымъ несчастіемъ и мою радость по поводу того, что не произошло чего либо болѣе значительнаго. Мы, графъ Фикельмонъ и я, просили засвидѣтельствовать Императрицѣ по этому поводу наше глубокое почтеніе. Я имѣлъ честь ее видѣть и говорилъ ей о почтительномъ участіи, которое я принималъ въ ея безпокойствѣ.

Графу Моле.

С.-Петербургъ, 1 Октября 1836.

Императоръ нашелъ возможнымъ, раньше всякаго ожиданія, уѣхать изъ деревни, гдѣ его удержалъ печальный случай; онъ могъ отправиться въ дорогу 20 Сентября и даже путешествуетъ съ довольно неблагоразумною быстротой. Онъ пріѣхалъ позавчера безъ большаго утомленія въ Царское Село; вѣроятно онъ пробудетъ тамъ около мѣсяца прежде чѣмъ устроиться здѣсь на зиму.

Женитьба короля Оттона [2]) вызвала весьма замѣтное чувство удовлетворенія въ С.-Петербургскомъ кабинетѣ. Герцогъ Ольденбургскій, прежде чѣмъ ее устроить, писалъ Императору съ просьбою совѣта, и лишь послѣ его отвѣта бракъ былъ рѣшенъ.

[1]) Поломъ ключицы близъ города Чембара. П. Б.

[2]) 22 Сентября 1836 года на дочери герцога Ольденбургскаго, Амаліи. П. Б.

Графу Моле.

С.-Петербургъ, 15 Октября 1836.

Здоровье Императора не поправляется такъ быстро, какъ этого ожидали. Послѣ его пріѣзда у него было два новыхъ приступа тѣхъ мучительныхъ коликъ, которыя заставляли его страдать въ такой степени въ Чембарѣ. Доктора начинаютъ бояться, нѣтъ ли у него воспаленія печени. Это состояніе слабости, эта боль, противъ которой его воля безсильна, огорчаетъ и раздражаетъ Императора; какъ говорятъ, онъ крайне нетерпѣливъ, возмущается противъ болѣзни и лѣченія. Однако надо подчиниться лѣченію и мѣрамъ предосторожности, которыя въ настоящее время повидимому неизбѣжны *).

Случай, происшедшій нѣсколько дней тому назадъ, долженъ былъ, особенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, очень его раздражить. Возлѣ одной изъ казармъ офицеръ полка гвардейскихъ гренадеръ, недовольный маневрированіемъ своего батальона, приказалъ ему взойти въ казарму, чтобы нѣсколько часовъ спустя выйти и возобновить дурно исполненныя движенія. Одинъ взводъ не послушался команды и остался на мѣстѣ. Вторичный приказъ не сдѣлалъ солдатъ болѣе послушными: выступилъ впередъ унтеръ-офицеръ, отъ лица всѣхъ, изложилъ нѣкоторыя жалобы противъ своего начальства и заявилъ, что взводъ не двинется, если имъ не обѣщаютъ справедливости. Одну минуту казалось, что весь батальонъ склоненъ принять участіе въ этомъ мятежномъ упорствѣ. Тѣмъ не менѣе полковникъ приказалъ схватить унтеръ-офицера и главныхъ упрямцевъ; унтеръ-офицера приговорили къ шести тысячамъ ударовъ палками, т. е. къ смерти; онъ дѣйствительно умеръ во время исполненія наказанія; двадцать или тридцать солдатъ, проведенные черезъ строй, сосланы въ Сибирь.

---

*) О переломѣ ключицы въ Чембарѣ подробности въ Запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа („Русскій Архивъ“ 1864). Государь не слушался докторовъ, а извѣстіе о томъ, что Императрица возымѣла намѣреніе ѣхать къ нему, смутило его, и онъ, обложенный подушками, по тогдашнимъ плохимъ дорогамъ, отправился въ обратный путь. Въ Москвѣ пришлось остановиться въ Нескучномъ, куда царскій поѣздъ прослѣдовалъ отъ Рязанской заставы по такъ называемой Зацѣпѣ. Полагали, что Государь выздоровѣлъ, и священники изъ находящихся по пути церквей выходили, по старинному обычаю, со крестомъ, привѣтствуя и благословляя царя. Хотя они только подходили къ колискѣ, но движеніе больной руки усиливало боль, и Государь въ большомъ раздраженіи доѣхалъ до Александрійскаго дворца. Ему показалось, будто Филаретъ виновникъ этого безпокойства. Бывшій тогда адъютантомъ Московскаго генералъ-губернатора П. П. Новосильцовъ передавалъ намъ, что раннимъ утромъ другаго дня онъ удивлялся, увидавъ въ Нескучномъ карету митрополита Филарета, у подъѣзда шефа жандармовъ. П. Б.

Въ этомъ событіи не надо видѣть какого либо признака неудовольствія или независимости въ Русской арміи: ничего общаго и политическаго нельзя предполагать въ этомъ отдѣльномъ случаѣ неповиновенія, который, несомнѣнно, долгое время не будетъ имѣть подражанія. Въ характерѣ солдата и вообще Русскаго крестьянина есть извѣстная граница терпѣнія, и разъ черезъ нее перейдутъ, они обнаруживаютъ порывъ отчаянія, который пренебрегаетъ самою очевидною опасностью, идетъ противъ власти наилучшимъ образомъ вооруженной и въ случаѣ успѣха производитъ самое дикое мщеніе. Такимъ образомъ должно служить правиломъ практической политики для правительства и для помѣщиковъ, для военачальниковъ и для управляющихъ крѣпостными—не доводить людей до крайности, во-время останавливаться въ мѣрахъ строгости и насилія. Полковникъ и офицеры этого полка вѣроятно не соблюли этого мудраго правила; надо полагать, что нѣсколько времени спустя они также будутъ наказаны втихомолку какою нибудь немилостью; но пока это будетъ, для поддержанія дисциплины, подавленіе мятежа, въ силу идей, господствующихъ въ Россіи, должно было быть слѣпо и безжалостно.

Чтобы покончить съ этимъ, скажу, что общественное вниманіе нисколько не обратилось на это обстоятельство, и о немъ почти не говорили; еще среди дипломатическаго корпуса я слышалъ кое-какіе пересуды дня четыре или пять спустя, вообще же о немъ и не знали.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

(Мысли по поводу картинъ Верещагина и картины г. Матвѣева).

„Вотъ наша спасительница!“ (Слова короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III о Москвѣ).

„Москва-храмъ Россіи, а Кремль-алтарь этого храма“. (Слова императора Александра III-го).

За послѣднее время на Западѣ замѣчается возростаніе интереса къ личности Наполеона и къ событіямъ, въ центрѣ которыхъ онъ стоялъ: во Франціи издаются новые документы, относящіеся къ этому времени, появляются новыя ученыя изслѣдованія о немъ; рядомъ съ историческими трудами растетъ и поэтическая легенда о Наполеонѣ. Искусство также не остается безучастнымъ къ этому движенію: на сценѣ, на страницахъ романовъ фигурируютъ Наполеонъ и лица, такъ или иначе, къ нему прикосновенныя. Какъ будто подтверждая неразрывную связь судьбы Наполеона съ судьбою Россіи, и наше искусство направило недавно свое вниманіе къ той же трагической эпохѣ, къ той же изумительной личности. Въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ, помѣщающемся у подножія того самаго Кремля, со вступленія въ который начался гибельный для Наполеона поворотъ въ блестящей судьбѣ его, было недавно выставлено собраніе картинъ Верещагина на сюжеты, взятые изъ исторіи 1812 года. Понятно нетерпѣніе, съ которымъ ожидалось открытіе выставки, напряженное вниманіе, съ которымъ за нею слѣдили. Трагизмъ и глубина темы, говорящей такъ много Русскому сердцу, даровитость художника, наконецъ совпаденіе самаго мѣста выставки съ мѣстомъ изображаемыхъ событій,—все соединялось, чтобы заинтересовать ею въ высокой степени не однихъ знатоковъ искусства, но и широкую массу зрителей. Выставка возбудила оживленныя и очень разнообразныя сужденія о художественномъ достоинствѣ картинъ, о вѣрности историческихъ взглядовъ ихъ автора и, наконецъ, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя картины вызываютъ въ патріотическихъ чувствахъ зрителей. Не вдаваясь въ разборъ всѣхъ этихъ мнѣній, мы позволимъ себѣ только отмѣтить то

разочарованіе, которое относительно послѣдняго обстоятельства довольно ясно выразилось какъ въ отзывахъ печати, такъ и въ сужденіяхъ значительной части публики.

Многимъ казалось и многими высказывалось, что въ картинахъ изъ исторіи 1812 года естественно было изобразить не только униженіе надменнаго завоевателя, но и величіе его смиренной противницы, Россіи. Но этого, какъ многимъ казалось, художникъ не съумѣлъ или, вѣрнѣе, не пожелалъ дать въ своихъ произведеніяхъ. Онъ изобразилъ побѣжденныхъ, но не представилъ побѣдителей; онъ далъ почувствовать, какъ гордый честолюбецъ былъ побѣжденъ доблестью не нравственною и не военнымъ умѣньемъ противниковъ, а однѣми стихійными силами природы: лѣтнимъ зноемъ во время похода, огнемъ пожара Москвы, морозами и снѣгами во время отступленія отъ нея. Это показалось исторически-невѣрнымъ однимъ, оскорбительнымъ для патріотическаго чувства другихъ. Но упрекавшіе по этому поводу художника, повидимому, не замѣчали, что въ признаніи разрушительной силы природы за побѣдительницу надъ величайшимъ изъ разрушителей, также мало заключается обиднаго для Русскихъ, какъ мало въ этомъ почетнаго для Французовъ. Трагическій исходъ похода 1812 года, казалось, былъ самимъ Провидѣніемъ предназначенъ для того, чтобы научить и Западъ, и Востокъ сознанію всеобщаго рабства разумныхъ существъ передъ неразумными силами природы, рабства гибельнаго и неизбѣжнаго до тѣхъ поръ, пока длится братоубійственный раздоръ между людьми, поглощающій непроизводительно ихъ энергію въ мирѣ не менѣе, чѣмъ на войнѣ, вмѣсто того, чтобы люди единою душою, единою мыслью и единою волею направляли все знаніе и всю энергію на регуляцію силъ природы для превращенія ихъ изъ разрушающихъ въ возсозидающія, изъ смертоносныхъ въ живоносныя. Въ 1812 году народамъ Запада, забывшимъ родство съ народами Востока, пришлось испытать лишь то, что̀ Русскимъ столько разъ приходилось испытывать во время своихъ многовѣковыхъ войнъ съ враждебнымъ Западу дикимъ и полудикимъ Востокомъ. Таже пыль, спутница неумолимой засухи континентальныхъ странъ, пыль, въ которой (на первой, превосходной картинѣ Верещагина) тонутъ въ недоумѣніи гордые завоевательные планы Наполеона у порога Москвы,—таже пыль, тотъ же безплодный песокъ и тотъ же губительный зной являлись вѣстниками смерти и для Русскихъ въ пустыняхъ Средней Азіи во время войны съ Туранскими кочевниками, войны, такъ поразительно изображенной тѣмъ же художникомъ. Тѣже снѣга, въ которыхъ гибли полчища Наполеона въ 1812 г., заметали въ 1877-мъ

и 1878-мъ и беззащитныхъ Русскихъ солдатъ въ ущельяхъ Балкана, какъ это съ не меньшимъ трагическимъ реализмомъ изобразилъ Верещагинъ же въ картинахъ Русско-турецкой войны. Равенство враждующихъ народовъ передъ разрушительными силами природы, равенство передъ смертью братьевъ, забывшихъ общаго врага (смерть) и общее дѣло (побѣду надъ нею),—это равенство могло и даже должно было быть изображено художникомъ, если ему понятна первоначальная, важнѣйшая причина войны. Не за изображеніе этой причины гибели Наполеона можемъ мы, слѣдовательно, винить художника. Напротивъ, рядъ такихъ изображеній, данный съ могучею полнотою на многихъ картинахъ Верещагина, мы считаемъ высоко-поучительнымъ указаніемъ на то, гдѣ кроются первопричины вражды между людьми и въ чемъ надо искать кореннаго исхода изъ бѣдъ, одолѣвающихъ человѣчество.

Но несомнѣнно и то, что не одно предоставленіе судьбы Наполеона на произволъ стихійныхъ силъ природы было причиною его гибели; несомнѣнно, что для побѣды надъ нимъ былъ, сверхъ того, необходимъ тотъ подвигъ самоотверженной любви къ родинѣ, который, послѣ кровопролитной и нерѣшительной битвы, доказавшей, что не по слабости и не по трусости оставлена была Москва, заставилъ Русскихъ пожертвовать тѣмъ, что̀ было для нихъ наиболѣе дорогаго и священнаго, для спасенія всего отечества. Величіе этого подвига, который такъ легко можетъ быть ложно истолкованъ, не представлено на картинахъ Верещагина, гдѣ мы видимъ только поруганіе святыни иноземцами, мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, но не видимъ изображенія тѣхъ горестныхъ чувствъ, которыя должны были наполнять сердца разставшихся со святынею, ни того негодованія, которое долженъ былъ возбудить въ нихъ видъ поруганной святыни; не видимъ наконецъ (и это главное) величія святыни даже среди поруганія, не видимъ, какъ именно изъ сожженной Москвы, изъ разгромленнаго Кремля, въ новой, просвѣтленной страданіями красотѣ, возстало могущество Россіи, спасительницы и избавительницы Европы. И вотъ этотъ-то пробѣлъ, это опущеніе нравственнаго смысла 1812 года и есть истинная причина того разочарованія, съ которымъ большинство заканчивало обзоръ столь цѣнной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выставки картинъ Верещагина. Невольно хотѣлось, чтобъ этотъ важный пробѣлъ былъ пополненъ, чтобы тѣ, которымъ дорога Москва, могли видѣть не одну грустную сторону ея самоотверженнаго подвига, но и его величавыя, благотворныя слѣдствія, какъ для Россіи, такъ и для остальной Европы; хотѣлось видѣть Москву и Кремль не только близкими къ смерти, но и воскресающими отъ смерти и возвращающими жизнь своимъ же разрушителямъ.

И вотъ, другому художнику, г. Матвѣеву, пришла счастливая мысль пополнить до извѣстной степени этотъ пробѣлъ въ живописной исторіи 1812 года и его слѣдствій. Мы имѣли случай видѣть картину г. Матвѣева, небольшую по размѣрамъ, но богатую содержаніемъ и обѣщающую быть очень интересною по исполненію. Такъ какъ однако она пока еще не окончена, мы не считаемъ себя въ правѣ вдаваться теперь же въ сужденія объ ея исполненіи; но для насъ въ высшей степени важна и поучительна идея, въ основу картины положенная, идея настолько же оригинальная по формѣ, насколько содержательная по внутреннему смыслу. Уже одинъ выборъ такого сюжета и старательное отношеніе къ нему достойны высокой похвалы. Художникъ изобразилъ эпизодъ изъ пребыванія въ Москвѣ въ 1818 году короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III, эпизодъ, глубокое значеніе котораго почему-то просмотрѣли почти всѣ наши историки. Обозрѣвая Москву, король пожелалъ взглянуть на нее съ возвышеннаго мѣста, откуда можно было бы сразу окинуть взоромъ всѣ страшныя развалины, оставшіяся послѣ разгрома 1812 года. Такимъ мѣстомъ оказалась вышка нынѣшняго Публичнаго Музея. Ее и изобразилъ художникъ въ тотъ моментъ, когда Прусскій король, повернувшись въ сторону поруганнаго иноземцами Кремля и проникаясь сознаніемъ величія жертвы, принесенной Россіей въ лицѣ Москвы для спасенія себя и Европы, считаетъ долгомъ благоговѣйно, до земли, поклониться полуразрушенной святынѣ и приказываетъ исполнить тоже своимъ двумъ сыновьямъ, будущему королю Фридриху-Вильгельму IV и будущему основателю Нѣмецкой имперіи Вильгельму I, тогда какъ сопровождающій высокихъ гостей, Русскій офицеръ, (графъ Киселевъ), съ изумленіемъ смотритъ на не совсѣмъ ему понятное преклоненіе Прусскаго короля и его сыновей, иноземцевъ, иновѣрцевъ, передъ прахомъ сердца Россіи, передъ Кремлемъ, указывая на который Фридрихъ-Вильгельмъ со слезами говоритъ: «Вотъ нашъ спаситель!» *). При первомъ взглядѣ на картину г. Матвѣева могъ бы возникнуть вопросъ: кто изъ представленныхъ на ней иностранцы? Тѣ ли, которые преклоняются передъ поруганнымъ Кремлемъ, или тотъ, кто дивится, что поклоняются тому, къ чему столько Русскихъ привыкли быть равнодушными и что́ нѣкоторые изъ нихъ привыкли даже болѣе всего презирать:—Россію,

*) Вотъ какъ описываетъ самъ графъ Киселевъ этотъ моментъ: „Только-что мы всѣ влѣзли на Пашковскую вышку и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, какъ, *къ величайшему моему удивленію*, старый король, этотъ деревянный человѣкъ, какъ его называли, сталъ на колѣни, приказавъ и сыновьямъ сдѣлать тоже. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: „Вотъ наша спасительница!“ Графъ Киселевъ и его время. т. IV, стр. 7.

въ Россіи—Москву, въ Москвѣ — Кремль?... Но оставляя въ сторонѣ омертвѣвшихъ къ родному, утратившихъ пониманіе отеческаго и братскаго, спросимъ себя, что́ долженъ чувствовать непредубѣжденный противъ родины зритель, приближающійся къ картинѣ многострадальнаго, долготерпѣливаго Кремля, при видѣ падающихъ ницъ передъ нимъ въ его страстны́е дни не своихъ соотечественниковъ, а чужеземцевъ?

Въ картинѣ поклоненія Кремлю выражается не одна благодарность иностранцевъ, но и раскаяніе въ томъ, что́ совершено было ихъ соплеменниками, участвовавшими въ походѣ на Россію. Въ поруганномъ Кремлѣ Западъ видитъ плодъ того, что́ зараждалось на Западѣ уже въ отдаленныя времена: въ Средніе Вѣка—въ отдѣленіи католичества отъ Церкви Восточной, въ пору Возрожденія—въ отдѣленіи свѣтскаго отъ духовнаго, въ предреволюціонную эпоху скептическаго Англо-Французскаго просвѣщенія—въ отдѣленіи знанія отъ вѣры, наконецъ въ Нѣмецкой философіи и критикѣ—въ отдѣленіи понятія отъ дѣйствительности, мысли отъ чувства, чувства отъ воли и дѣла. Это-то накопленная вѣками непріязнь и проявилась въ поруганіи Кремля и особенно во взрывѣ его, который показываетъ, что Западъ намѣренъ былъ стереть съ лица земли, и ненавистный, и непонятный ему городъ, центръ той страны, гдѣ не существовало выше упомянутаго стремленія къ разладу, раздору и противорѣчію между тѣмъ, что́ должно бы быть единымъ и нераздѣльнымъ. Въ то время, когда сторожевая башня Кремля, Иванъ Великій, стоялъ безъ креста, а нынѣшній Публичный Музей безъ вышки, Западъ могъ наглядно убѣдиться въ плачевныхъ результатахъ $3^1/_2$ вѣковой исторіи своей вражды съ Востокомъ, отъ разоренія Турками втораго Рима до поруганія третьяго Рима неправильно понимаемымъ либерализмомъ и гуманизмомъ, выступавшими подъ знаменемъ ложной свободы, призрачнаго равенства и притворнаго братства, приведшихъ къ деспотіи Наполеона и не съумѣвшихъ предупредить многолѣтнихъ, кровопролитныхъ, братоубійственныхъ войнъ.

Но здѣсь же, въ лицѣ Прусскаго короля и его преемниковъ, Западъ впервыя отрезвился отъ своего заблужденія, созналъ свой грѣхъ неблагодарности передъ исконною защитницею Европы. Представитель спасеннаго Россіей Запада созналъ его вину передъ нею уже на Поклонной горѣ, откуда онъ благоговѣйно привѣтствовалъ Москву, на той самой Поклонной горѣ, гдѣ достигла высшей степени и гдѣ пала слава Наполеона и Французской имперіи. Второй Поклонной горой, съ еще бо́льшимъ историческимъ значеніемъ, чѣмъ первая, сталъ холмъ, служащій подножіемъ Музея Московскаго. Если первая Поклонная гора стои́тъ передъ Москвою, какъ передъ храмомъ Россіи, то вторая

Поклонная гора стоитъ передъ самимъ Кремлемъ, какъ передъ алтаремъ храма. Признавши уже передъ храмомъ Москву спасительницею Германіи, король Пруссіи повторялъ эти слова еще передъ самымъ алтаремъ храма и такимъ образомъ какъ бы принесъ за себя и своихъ потомковъ клятву въ вѣчной благодарности и дружбѣ къ Россіи. На мѣстѣ торжественнаго признанія этого нравственнаго долга зародилась Нѣмецкая имперія по собственнымъ словамъ ея основателя: своимъ объединеніемъ Германія обязана Россіи.

Но конечно не зарожденіе Нѣмецкой имперіи, войною созданной, ни паденіе Французской, отъ войны погибшей, привѣтствуемъ мы здѣсь. Мы видимъ въ мирномъ пришествіи отъ Запада и въ смиренномъ преклоненіи передъ Москвою Западнаго короля и будущаго Западнаго императора зарю всеобщаго будущаго мира народовъ, то есть начало исполненія пророчества Новозавѣтнаго Исаіи (Дамаскина), возглашаемаго въ канонѣ Пасхи, на всемірную радость и на укрѣпленіе свѣтлыхъ надеждъ всѣхъ вѣрующихъ въ конечную побѣду добра на землѣ: «возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь. Се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ Запада, и Сѣвера, и моря, и Востока чада твоя, въ тебѣ благословящія Христа во вѣки». Россія, вся исторія которой есть ни что иное, какъ подвигъ умиротворенія и объединенія враждующихъ силъ, Россія заслужила право быть главною вѣстницею всемірнаго мира и уповать на осуществленіе его. Послѣ столькихъ нашествій враждебныхъ, она въ правѣ ожидать въ настоящемъ и будущемъ пришествій мирныхъ отъ всѣхъ концевъ земли и вѣрить, согласно со старою Москвою, въ осуществленіе уповаемаго, въ осуществленіе именно въ третьемъ Римѣ и Новомъ Сіонѣ (Кремлѣ) царства мира, царства сыновъ человѣческихъ, которому не будетъ конца, въ томъ древне-Русскомъ смыслѣ, что ни четвертому Риму, ни иному новому Сіону уже не быть.

Въ отличіе отъ католическаго Рима, также мечтавшаго объединять народы, но основывавшаго свою «торжествующую церковь» (ecclesia triumphans) на немирномъ порабощеніи, порабощеніи посредствомъ «церкви воинствующей», ставшей свѣтскимъ владычествомъ (ecclesia militans), преимущество третьяго Рима въ отличіе отъ Западнаго Рима, состоитъ въ томъ, что онъ есть выраженіе не порабощенія и даже не господства, а лишь естественнаго союза любви, братства всѣхъ людей, соединенныхъ благодарностью не на словѣ лишь, а на дѣлѣ. Оплакиваемый Европою, безвременно почившій Царь-Миротворецъ назвалъ Москву храмомъ Россіи, а Кремль—алта-

ремъ этого храма. Онъ не прибавилъ, кому посвященъ этотъ неразрушимый храмъ, этотъ неугасающій алтарь. Но и безъ поясненій всѣмъ желающимъ вдуматься въ смыслъ исторіи Россіи должно бы быть понятнымъ, что для такого храма и такого алтаря нѣтъ и не можетъ быть иного праздника, кромѣ «праздника праздниковъ», праздника возстановленія сыновняго и братскаго единодушія, праздника осуществленія всеобщей, всесильной любви, праздника Воскресенія. Россія и празднуетъ его, этотъ свѣтлый праздникъ, какъ высшую духовную радость, въ ночь пасхальной заутрени въ Кремлѣ. Но праздникъ этотъ станетъ всемірнымъ и дѣйствительнымъ «торжествомъ изъ торжествъ» тогда лишь, когда исполнится пророчество, когда станетъ ясно, что въ Новый Сіонъ грядетъ не одинъ Царь мира, но грядутъ всѣ примиренные народы міра, отъ Запада, и Сѣвера, и моря, и Востока,—всѣ, какъ братья, познавшіе общее родство и потому ставшіе, наконецъ, сынами человѣческими, постигнувшими первоначальный смыслъ этихъ простыхъ словъ и долга изъ нихъ вытекающаго.

Картина г. Матвѣева представляетъ только начало мирнаго пришествія съ Запада народовъ, движимыхъ благодарностью, то есть добродѣтелью, наименѣе свойственною XIX вѣку, но которая непремѣнно должна стать главною добродѣтелью вѣка будущаго, если онъ отъ мечтаній о неопредѣленной, безсильной индивидуалистической гуманности намѣренъ перейти къ дѣятельному братскому единенію въ общемъ дѣлѣ. На картинѣ мы видимъ пришествіе не всѣхъ «чадъ новаго Сіона», а только части ихъ «отъ Запада», да и то неполной: не видимъ еще мирнаго пришествія сыновъ Франціи, которая однако уже сознала, что ея спасеніе заключается въ согласіи съ Россіей; не видимъ и пришествія «отъ моря» сыновъ Альбіона, хотя Москва преградила Наполеону путь въ Индію, гдѣ онъ думалъ нанести окончательный ударъ ложной владычицѣ морей. Если мы не видимъ пришествія мирнаго «отъ моря», то потому конечно, что главная морская держава не отказалась еще отъ своей корыстной, эксплуататорской политики, гибельной для подвластныхъ ей земель, въ пользу политики мирно объединяющей, обезоруживающей полудикія націи, не уничтожая ихъ самобытности. Не видимъ мы, наконецъ, еще и пришествія мирнаго съ Востока, хотя именно на Востокѣ, въ борьбѣ осѣдлаго, земледѣльческаго быта съ разбойничьими нравами степи и пустыни, ярче всего проявлялась умиротворяющая дѣятельность Россіи, которая еще за послѣднее время протянула руку помощи величайшей изъ народностей Востока, готовой лишиться своей самобытности отъ военнаго принужденія поверхностныхъ Восточныхъ подражателей Западной культурѣ. Но непрерывно растущая

въ своемъ всемірномъ вліяніи Россія можетъ, не опасаясь за будущее, ждать мирнаго пришествія къ ней отъ всѣхъ странъ для дѣла всеобщаго умиротворенія, продолжая тѣмъ временемъ свою собственную благотворную дѣятельность и закрѣпляя во всеобщемъ сознаніи то, что̀ въ этомъ отношеніи уже сдѣлано. Однимъ изъ наиболѣе поучительныхъ памятниковъ совершившагося въ этомъ направленіи можетъ быть изображеніе поклоненія Кремлю трехъ царей, пришедшихъ съ Запада. Москва можетъ быть глубоко признательна вдумчивому художнику, напомнившему о важномъ, но мало извѣстномъ большинству событіи. Желательно, чтобы изображенію этого событія придано было назначеніе поучительное въ широкомъ смыслѣ, чтобы оно оставалось легко доступнымъ взорамъ и вниманію всѣхъ. Картина, затерянная въ какомъ либо частномъ собраніи, почти недостижима для большинства; помѣщенная въ публичномъ музеѣ или городской галлереѣ она поучаетъ многихъ, но все же только посѣтителей, нарочно идущихъ обозрѣвать собраніе художественныхъ произведеній. Скульптурное же воспроизведеніе того же событія, помѣщенное на вышкѣ Музея, на мѣстѣ самаго событія, лицомъ къ Кремлю, было бы доступно взорамъ всѣхъ и каждаго, поучало бы или по крайней мѣрѣ призывало бы къ поученію непрерывно, напоминая и Русскимъ, не помнящимъ значенія Кремля, и чужеземцамъ, не сознающимъ вины передъ нимъ, что̀ такое Кремль и къ какому великому дѣлу онъ всѣхъ призываетъ.

Есть и спеціальный поводъ къ постановкѣ такого почетнаго для Москвы памятника на вершинѣ Московскаго Музея. Какъ извѣстно, дочь преклонившагося передъ Кремлемъ Прусскаго короля стала царицею Русскою (Александрою Ѳеодоровною), бабкою Царя-Миротворца. Этотъ родственный союзъ закрѣпилъ мирныя отношенія двухъ сосѣднихъ державъ. Но здѣсь же, въ Московскомъ Музеѣ, мы имѣемъ примѣръ иного объединяющаго мирнаго начала, болѣе прочнаго, нежели политическая дружба. Въ составъ книгохранилища Музея вошла и библіотека Императрицы Александры Ѳеодоровны, и даже помѣщается она какъ разъ въ центрѣ зданія, подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда когда-то отецъ составительницы этой библіотеки привѣтствовалъ Москву какъ спасительницу Германіи. Такимъ образомъ подъ сѣнью Московскаго Публичнаго Музея нашли себѣ пріютъ лучшія произведенія самой блестящей поры литературнаго развитія Германія, Нѣмецкаго возрожденія конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго. Наиболѣе цѣнные дары Нѣмецкой мысли, помѣщаясь здѣсь рядомъ съ произведеніями науки и литературы Русской, продляютъ въ области искусства и знанія общеніе, установившееся между Западомъ и Востокомъ, благодаря собы-

тіямъ политическимъ. И это второе объединеніе носитъ уже вполнѣ мирный характеръ: всѣмъ полезное, оно не идетъ въ ущербъ никому, и само нуждается только въ одномъ—въ возможно-большемъ упроченіи и расширеніи, то есть въ превращеніи случайнаго духовнаго общенія въ постоянное и правильное, и въ распространеніи его на остальныя главныя, а со временемъ и на всѣ Европейскія націи.

Два или три года тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о международной конвенціи для обмѣна ученыхъ и литературныхъ произведеній; вопросъ этотъ, вышедшій изъ стѣнъ Музея *), и есть вопросъ объ установленіи одного изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ мирному объединенію народовъ Запада и Востока въ одну общечеловѣческую, родную духомъ семью. Содѣйствуя собиранію во-едино результатовъ всего человѣческаго знанія, это духовное общеніе было бы уже приступомъ къ выполненію общаго долга, началомъ общаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы и исполненіемъ общей обязанности: нашъ вѣкъ, который такъ много толкуетъ о правахъ, но недостаточно часто вспоминаетъ объ обязанностяхъ и почти вовсе не понимаетъ еще смысла обязанности добровольной, нашъ вѣкъ въ фактѣ этого международнаго духовнаго общенія явилъ бы міру высокій примѣръ священной добродѣтели—международной благодарности, искупающей тяжкій грѣхъ прошлаго, грѣхъ международнаго раздора.

В. К.

*) См. „Моск. Вѣд.“ 1892 г. № 52. „Рус. Вѣд.“ 1892 г. № 67, 283.

ПИСЬМО Н. И. ГНѢДИЧА КЪ АННѢ ПЕТРОВНѢ ЗОНТАГЪ ВЪ ОДЕССУ.

С.-П.-бургъ, Февр. 20, 1830.

Какъ вы любезны, какъ вы добры, Анна Петровна! Какимъ пріятнымъ письмомъ заплатили за безмолвную, но искренную дань мою пріязни и просвѣщенному уму вашему. Время, употребленное на его чтеніе, я провелъ съ вами въ уютномъ, красивомъ домѣ, на дружескомъ праздникѣ, въ веселомъ обществѣ вашемъ. Можете вообразить, сколько дѣйствію письма способствовала пустынность кабинета Жуковскаго [1]), гдѣ мы читали его. Никогда не былъ я такъ непріятно пораженъ уединеніемъ и одиночествомъ жизни нашего любезнаго друга. Вся сладость жизни, дѣлимой съ ея радостнымъ шумомъ и смѣхомъ, нѣсколько минутъ передъ нами играла, и вкругъ мракъ, пустота, безмолвіе! Вздохи въ одно время у насъ обоихъ вырвались изъ груди; мы оба замолчали. Я, наконецъ, грянулъ филиппикой противъ Жуковскаго; но голосъ мой, какъ нѣкогда голосъ вопіющаго въ пустынѣ, раздавался и умиралъ въ стошаговомъ кабинетѣ.

Одесса воскресаетъ послѣ страстей смертныхъ и воскреснетъ, нѣтъ сомнѣнія, къ новой жизни. То-то заботъ и хлопотъ Егору Васильевичу [2]); а ему это какъ коту масляница; онъ у васъ, чаю, исхудалъ отъ бездѣйствія навигаціи. Свидѣтельствуйте ему мое усердное почтеніе. Милую, добрую, умную (да это иначе и быть не можетъ) Машеньку [3]) вашу цѣлую отъ сердца за то, что она въ зеркальной душенькѣ своей сохраняетъ непригожій ликъ мой. Радуюсь громко успѣхамъ ея и тихо событію моего объ ней гекзаметрическаго пророчества.

---

[1]) В. А. Жуковскій жилъ тогда въ той части Зимняго дворца, которая называется Шепелевскимъ домомъ; его обширное помѣщеніе находилось на третьемъ этажѣ. П. Б.

[2]) Супругъ Анны Петровны Зантагъ (ур. Юшковой) начальникъ Одесскаго карантина. П. Б.

[3]) Марія Егоровна, единственная дочь А. П. и Е. В. Зонтагъ, нынѣ вдова Гутмансталь. П. Б.

Весьма сожалѣю о здоровьи И. И. Винтера. Скажите имъ мое душевное почтеніе, которое они отъ всѣхъ знающихъ ихъ заслуживаютъ. Стурдза много усердствуетъ Ивану Ивановичу, и, если бы не деревянный нашъ мин(истръ), онъ получилъ бы желаемое мѣсто; но надежда на это не совсѣмъ еще исчезла: терпѣніе! Между тѣмъ извѣстите И. И., что онъ представленъ къ 2 степ. Анны. Отъ графа Михаила Андреевича [4]) я получилъ письмо о полученіи имъ Иліады, исполненное весьма лестныхъ и обязательныхъ для меня выраженій. Жаль, что не въ Одессѣ Петербургской докторъ Мухинъ, которой здѣсь творитъ чудеса надъ страждущими золотухой. Нарышкина родила дочь [5]). Еслибъ мы были древніе Греки, Одесса могла бы гордиться, что въ стѣнахъ ея родилася Харита. Гдѣ богиня Киселева [6])? Какіе страны и грады украшаетъ собою? Неужели въ Россіи есть еще дураки, подобные К.... [7]); правда, ихъ вездѣ много, и Россія широка. Суворовъ безъ сомнѣнія держалъ его при себѣ, какъ въ старину красавицы араповъ, для контраста! За прозу К.... посылаю вамъ стихи Крылова, которые говорилъ онъ Императрицѣ въ сюрпризѣ, сдѣланномъ ей Великой Княгиней [8]). Вообразите Крылова одѣтаго Музою Таліею, со всею строгостію древняго Греческаго костюма, который, съ хоромъ другихъ Музъ, неожиданно предстаетъ предъ Императрицу, и вы почувствуете цѣну стиховъ сихъ.

Про дѣвушку меня идетъ худая слава,
Что будто я весьма дурнова нрава,
И будто вся моя забава
Расцѣнивать людей и на-смѣхъ поднимать.
Коль правду говорить, молва такая права.
Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать:
Все лучше таки ихъ немножко унимать.
Однако-жъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему, а это жаль: безъ дѣла
Я право ужъ боюсь, чтобъ я не потолстѣла.
Какое-жъ диво въ томъ?
Для добрыхъ только вашъ гостепріименъ домъ;
И вы однимъ своимъ небеснымъ взоромъ

---

[4]) Т. е. графа Воронцова, въ отчествѣ котораго Гнѣдичъ ошибся. П. Б.

[5]) Ольга Станиславовна, ур. Потоцкая. Родившаяся тогда дочь ея—графиня Софья Львовна Шувалова († 1894). П. Б.

[6]) Сестра предъидущей, Софья Станиславовна. П. Б.

[7]) Фамилію нельзя разобрать. П. Б.

[8]) Въ то время была у насъ одна только великая княгиня; это—Елена Павловна. П. Б.

Прочь гóните порокъ со всѣмъ его прибором̀ъ.
Такъ, вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ;
А это не порокъ, спросите хоть у всѣхъ.
Къ чему-жъ мнѣ по-пусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи?
Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться;
А то еще меня осудятъ женихи,
И придетъ въ вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться!
Брюзжала я; теперь хочу полюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И въ ней пріютъ семейственному счастью.
Такъ, на нее любуясь, я
Живущимъ въ хижинѣ сказала-бъ справедливо:
Живите, какъ живутъ въ семьѣ прекрасной сей,
И даже въ хижинѣ своей
Вы рай увидите и будете счастливы!

Можете легко представить, зная Крылова, какое дѣйствіе произвели стихи эти надъ слушателями, имъ самимъ читанные: *про дѣвушку меня идетъ худая слава!*

Петербургъ нашъ веселъ, какъ никто не помнитъ. Баловъ не было числа; на всѣхъ присутствовалъ дворъ. Дамы наши едва имѣли время переводить духъ. Пышность и роскошь спорили между собою на балахъ, а особенно у министровъ иностранныхъ и у графа Потоцкаго. Гекертъ [9]), посланникъ Голланскій, занимая небольшой домъ, для балу принанялъ сосѣдній, пробилъ въ него стѣну, соединилъ оба дома и, начиная съ лѣстницы, залилъ ихъ свѣжими цвѣтами. Наставшій постъ не предвѣщаетъ воздержанія. Готовится множество, для покаянія, частныхъ концертовъ, живыхъ картинъ и проч. И то сказать, кому теперь и веселиться, если не Россіи? Но листъ исписанъ; всего не переговоришь. Нѣсколько словъ о себѣ.

Я имѣлъ счастіе поднесть лично книжку мою Императрицѣ, Наслѣднику, В. Князю и Княгинѣ. Императрица между лестныхъ пріятностей вымолвила мнѣ тяжелую вещь: вы-де не хотѣли видѣть меня въ Одессѣ; а я надѣялась, я велѣла Лобанову [10]) извѣстить васъ. Можете вообразить и мое изумленіе, и мое положеніе при этомъ слухѣ. Лобановъ, который многимъ въ жизни обязанъ мнѣ, ни словомъ не извѣстилъ меня объ этомъ. Вотъ нынѣшніе друзья! У Наслѣдника читалъ я нѣ-

[9]) Опять по ошибкѣ вмѣсто Гекернъ. П. Б.

[10]) Преподаватель словесности въ одномъ изъ Петербургскихъ институтовъ, позднѣе ординарный академикъ Михаилъ Евстафьевичъ († 1846). П. Б.

которые отрывки и получилъ прекрасную награду: слезы, которыми онъ, истинно какъ дитя, обливался. Какая порука намъ за прекрасную душу! Чего изъ этого воску нельзя сдѣлать, а особенно Жуковскому, котораго онъ такъ любитъ! Государь, Государыня и Великая Княгиня пожаловали меня перстнями; но Государь не пожаловалъ мнѣ перстня для души [11])! Изданіе Иліады взято у меня книгопродавцемъ все разомъ за 11-ть т. Попе получилъ за свой трудъ 400 т. Разница не великая; но изъ нея однако можно вывесть заключеніе не совсѣмъ выгодное или о переводчикѣ Русскомъ, или о читателяхъ. Какъ бы то ни было, но теперь, засвидѣтельствовавъ Музамъ мое почтеніе, употребляю стараніе какъ вырваться изъ Петербурга и навсегда [12]); но какъ, куда, когда? Ничего еще не знаю. Все зависитъ отъ верховной повелительницы моей, отъ судьбы, а она до сихъ поръ ничего еще не произноситъ.

Что́ вы подѣлываете на досугахъ? Продолжаете ли умножать собраніе прекрасныхъ повѣстей, которыя вы такъ мастерски передаете, обладая тайною слога вамъ свойственнаго? Переписываетесь ли съ Варварой Димитріевной [13])? При случаѣ засвидѣтельствуйте ей мое совершенное почтеніе; я много люблю ее.

Вотъ вамъ нѣсколько строкъ, вами требованныхъ. Если вы найдете, что это нѣсколько слишкомъ уже безпредѣльно, пеняйте на себя: вы знаете мою охоту болтать съ людьми, которые мнѣ любезны.

Съ отличнымъ душевнымъ уваженіемъ имѣю честь быть на всегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Гнѣдичъ.

Сдѣлайте одолженіе сообщите копію стиховъ Елисаветѣ Викентіевнѣ Шеміотъ.

Сообщилъ Н. И. Сахаровъ.

---

[11]) Выраженіе намъ непонятное. П. Б.

[12]) Намѣреніе неудавшееся: Гнѣдичъ скончался въ Петербургѣ 3 Февраля 1833. П. Б.

[13]) Казначеевой, супругою тогдашняго Таврическаго губернатора. П. Б.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКЪ.

На погребеніи митрополита Макарія произнесены были надгробныя рѣчи двумя Московскими протоіереями П. А. и С. К. Смирновыми. Слова эти напечатаны въ тогдашнихъ газетахъ. Замѣчательно, что оба почтенные ораторы повторяютъ мысль объ оскорбленіяхъ печатью именитаго мужа науки и архипастыря, которыя, можетъ быть, и дѣйствительно отчасти были причиною преждевременной его кончины. Читая клеветы на почившаго святителя, мы часто повторяли слова Спасителя: «Аще въ суровѣ древѣ сія творятъ, въ сусѣ что?»—Что? А вотъ что. «Наше духовенство (по печатному слову одного извѣстнаго писателя) есть жрецъ православнаго капища; оно всею жизнію своею провозглашаетъ одинъ грубый культъ мамоны»; наши духовныя академіи и семинаріи (по ученію того же мыслителя съ братіею) лишены и тѣни нравственно-религіозныхъ началъ; даже имя ихъ омерзѣло и опошлилось до того, что ни одинъ порядочный отецъ не дастъ своего сына для образованія въ нихъ и т. д. и т. д.

Можетъ ли не болѣть сердце при чтеніи такой явной лжи? Каково было читать это тому или тѣмъ, которые поставлены во главѣ стражей церкви? И что мудренаго, что наша церковь въ такое короткое время лишилась Филофеевъ, Гуріевъ, Макаріевъ и другихъ. Не видѣли ли они во очію того, что провидѣлъ прозорливый митрополитъ Филаретъ: «вижу, грозная туча собирается надъ нашею церковію». Но развѣ нѣтъ громоотвода? Довольно бы слова....

Въ одномъ изъ упомянутыхъ нами надгробныхъ словъ указана была черта, которая проливаетъ обильный свѣтъ на теплоту души почившаго архипастыря: «Какъ умѣлъ онъ, ободрить приходящихъ къ нему! При этой привѣтливой рѣчи, при этомъ ласковомъ обращеніи забывалось различіе положеній, и откровенно высказывалась нужда, а мудрое слово святителя сейчасъ же направляло мысль на самое существо дѣла, и затрудненія исчезали какъ бы сами собою». Сказанное испыталъ и я. Недѣли за три до кончины Макарія былъ я у него и считаю часъ, проведенный въ бесѣдѣ съ нимъ, счастливымъ въ моей жизни. Можетъ быть, по нѣкоторымъ моимъ трудамъ, я и былъ извѣ-

стенъ ему; но они не давали мнѣ права разсчитывать на такую внимательность, на такую сердечную теплоту, которою было растворено каждое его слово.

Я близко зналъ знаменитаго витію и мужа науки Иннокентія; видѣлъ его и въ бесѣдѣ съ людьми науки, и въ обществѣ свѣтскихъ людей, не разъ и не два бесѣдовалъ съ нимъ одинъ на одинъ. Это была личность, которая невольно подчиняла себѣ все окружавшее или слушавшее ея дивную рѣчь; слова Иннокентія производили необъяснимое обаяніе. Мнѣ припоминаются студенты Кіевской Академіи, которые подкупали или подговаривали сторожа, чтобы онъ не звонилъ въ колокольчикъ во время профессорскихъ чтеній Иннокентія. Слушая почившаго Макарія, я невольно припоминалъ незабвеннаго для меня Иннокентія и задавалъ себѣ вопросъ: этотъ «ученикъ не болій ли своего учителя?» Но конечно одинъ только разъ видѣвши ученика, я не могу провести параллели между нимъ и учителемъ; для знавшихъ же покойнаго митрополита припоминаю двѣ три черты изъ характеристики Иннокентія. Пусть сравниваютъ.

Иннокентій, даже среди посредственностей, обыкновенно давалъ просторъ прежде высказаться другимъ и за тѣмъ спрашивалъ: вы кончили? Только при утвердительномъ отвѣтѣ начиналась его рѣчь, и что̀ это была за рѣчь? Мало сравнить ее съ кристальною влагою, льющеюся изъ золотаго сосуда. При этой воодушевленной, теплой, свѣжей, искрившейся остротами и необыкновенною мѣткостію выраженій рѣчи, все предавалось молчанію, все превращалось въ слухъ, дивясь исходившему изъ золотыхъ устъ. Вотъ вы видете его, какъ орла, парящаго въ заоблчной выси, едва слѣдите за высотою размашисто-широкаго, вольнаго полета, и вдругъ этотъ орелъ спускается такъ низко и высокую свою мысль объясняетъ такимъ обыкновеннымъ способомъ, что вы невольно разсмѣетесь. Смѣхъ вашъ видимо понравился витіи; онъ самъ утомился парить въ далекой выси, и вотъ предъ вами во всей простотѣ, въ одномъ всеоружіи здраваго смысла, Орловскій (родина Иннокентія) мужичекъ со всѣми исторически-сложившимися родными поговорками. И дивитесь вы: неужели это Иннокентій? Да, это тотъ же мудрый витія, и вмѣстѣ Русскій просто-сложившійся человѣкъ. Но не думайте, что при чисто-народной рѣчи, при различныхъ присказкахъ и поговоркахъ, отмѣченныхъ чистѣйшимъ юморомъ, опошливалось что либо изъ высокаго, чистаго, святаго для человѣка*); нѣтъ, и здѣсь

*) Иннокентій терпѣть не могъ даже тонкихъ съ извѣстнымъ оттѣнкомъ двусмысленностей; да едвали, зная высоту его души, позволилъ бы кто себѣ что нибудь въ этомъ родѣ.

вы видите туже истину, туже правду, но облеченную въ простую рѣчь, въ рѣчь притчей, какими такъ богата Русская земля. Таковъ ли былъ ученикъ именитаго учителя, именитый Макарій?

Еще черта. Иннокентій никогда не возражалъ когда говорили явный вздоръ, и даже не хотѣлъ обличать упорно слѣпотствующихъ. Въ 1851 г. онъ пригласилъ меня съ собою наблюдать въ Бобринцѣ солнечное затмѣніе. Тамъ мы встрѣтили нашу астрономическую знаменитость Савича и самородка-астронома Семенова. По облачности неба мы не видѣли этого явленія. На другой день одна помѣщица пригласила владыку къ себѣ въ деревню къ обѣду, куда явился и я. За обѣдомъ, гдѣ большинство состояло изъ лицъ женскаго пола, радушная и вмѣстѣ простодушная хозяйка между прочимъ сказала: какъ жаль, владыко, что вы третьяго-дня не были у насъ; здѣсь было такое затмѣніе, что хоть свѣчи зажигай. Слегка улыбнувшись, Иннокентій отвѣчалъ: выходитъ, что вы, сударыня, счастливѣе насъ [1]). Оставшись наединѣ, я спросилъ Иннокентія, почему онъ не опровергъ такого абсурда [2])? — А что вы бы сказали, возразилъ мнѣ мой мудрецъ, если бы всѣ эти наблюдательницы объявили, что онѣ видѣли солнечное затмѣніе собственными глазами, и что астрономы часто ошибаются? Не нами, другъ, сказано: не отвѣщай безумному по безумію его. Этого правила я крѣпко держусь.

Таковъ ли, еще спросимъ, былъ именитый ученикъ именитаго учителя? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать утвердительно. Иннокентій умѣлъ двумя-тремя словами прекратить начавшееся сужденіе или споръ; и это были такія мѣткія слова, что разсуждавшіе обыкновенно

---

[1]) Между прочимъ припомнился мнѣ процессъ составленія отчета о бывшемъ солнечномъ затмѣніи. Отчетъ этотъ долженъ былъ составить Иннокентій, какъ онъ объяснилъ, для Академіи Наукъ. Замѣчу, что съ нами до Бобринцы ѣхалъ, возвращаясь изъ Одессы въ Кіевъ, извѣстный профессоръ богословія и философскихъ наукъ, наставникъ Иннокентія, И. М. Скворцовъ. Продиктуйте, Иванъ Михаиловичъ, сказалъ Иннокентій, секретарю о нашемъ печальномъ наблюденіи. Началъ диктовать знаменитый авторъ „Критики здраваго ума“; сначала все шло какъ и было, наконецъ мы слышимъ слѣдующія слова: „въ моментъ самаго затмѣнія тучи, хотя не грозныя, но довольно густыя, обложили весь небесный сводъ, и вдругъ тьма блеснула какъ молнія...

— Что вы, что вы? Смѣясь сказалъ Иннокентій.

— Да вѣдь я диктую въ вашемъ тонѣ, владыка, отвѣчалъ маститый учитель своему тоже маститому ученику.

Конечно, послѣдняя фраза была выброшена.

[2]) Прежде, чѣмъ отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ, Иннокентій пригрозился на меня пальцемъ за нерусское слово. Онъ терпѣть не могъ иностранныхъ словъ и однажды сильно распекалъ меня за слово *гуманный*, найденное имъ въ одномъ изъ моихъ сочиненій. Онъ слово гуманный переобразилъ въ такое слово, которое не принято въ печати.

спрашивали себя: о чемъ же мы такъ долго толковали? Иннокентій же только слегка улыбался. И что это была за добродушно-дѣтская улыбка! Я припомню здѣсь два его слова, которыя сопровождались не улыбкою, а крупными слезами и которыми было выражено такъ много, много. Послѣ несчастнаго дѣла на Черной рѣчкѣ, я прихожу къ нему въ мрачномъ расположеніи духа. Владыка спрашиваетъ: Что́ вы такъ пасмурны?—Крѣпкую думу думаю.—Какую?—Хочу подать прошеніе о возведеніи меня въ санъ главнокомандующаго.—«Хуже не будетъ», сказалъ Иннокентій, и слезы потекли у него изъ глазъ. «Вотъ не послушались моего замѣчанія. Когда, послѣ погребенія Лазарева, меня водили по всѣмъ бастіонамъ, я, полюбовавшись грозными твердынями, сказалъ: вамъ гостей ждать не отсюда, а изъ Балаклавы; вотъ гдѣ лазейка къ Севастополю, съ южной стороны ничѣмъ не защищенному». И сбылись слова мудреца-владыки!

Въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Макаріемъ я, между прочимъ, коснулся книги, для которой собиралъ матеріялы: «За истину и правду» *). Владыка съ полною теплотою сердца отнесся къ мысли издать подобную книгу, одобрилъ планъ ея и приготовленные источники. Мало этого, онъ позволилъ мнѣ приходить къ нему за совѣтами. «Самъ я сказалъ онъ, по недостатку времени, не могу собрать вамъ матеріяла но все собранное вами готовъ разсмотрѣть». И оправдались на мнѣ слова почтеннаго П. А. Смирнова: «какъ умѣлъ онъ ободрить приходящихъ къ нему!» И я былъ такой приходящій, котораго онъ въ первый разъ видѣлъ. Не смотря на готовность владыки помогать мнѣ своимъ совѣтомъ, я не пользовался ею, не желая связывать его имени съ книгою, которая, конечно, должна была найти своихъ недоброжелателей. Вообще я былъ очарованъ привѣтливостію и поучительною рѣчью Макарія; не разъ я цѣловалъ его святительную, такъ много потрудившуюся для науки руку, и вѣрхомъ моего счастія было получить отъ него на память только что явившійся XI т. «Исторіи Русской церкви». Простившись, я уже вышелъ въ переднюю; но служка сказалъ мнѣ, что владыка еще хочетъ благословить меня. Оборачиваюсь и вижу въ дверяхъ отдаленной комнаты стоящаго владыку, обѣими руками благословляющаго меня съ низкимъ поклономъ. Чудится мнѣ теперь, какъ будто въ эту минуту я читалъ въ кроткомъ, ласковомъ взорѣ именитаго святителя: прости, больше не увидимся!...

Иванъ Палимпсестовъ.

---

*) Эта книга вышла потомъ въ трехъ изданіяхъ. Она составлена въ оборону Православной церкви и ея духовенства отъ навѣтовъ невѣжества.

МОСКОВСКІЕ КОЛОКОЛА [1])

Церкви Владимирскія Богоматери, что̀ у Никольскихъ (нынѣ Владимирскихъ) воротъ, на часовномъ мѣстѣ.

„Перелитъ сей колоколъ 1785 году къ Владимирской Пречистой Богородицѣ, архимандрита ректора Аполлоса, на собранныя отъ благочестивыхъ дателей, вѣсу 45 пудъ 3 фунта, литъ въ Москвѣ на заводѣ Осипа Струговщикова“.

Церкви Св. Николая что̀ у Красныхъ колоколовъ, Красные колокола, Красный звонъ, въ Посольской улицѣ, у моста.

Слѣдующая надпись идетъ въ три ряда, между ними два клейма, въ коихъ по три лиліи, а по-сторонамъ у одного L. T. „De se cloche es Chenaempt vedustas MDCLXXIII (1673). Heer Denis pastuer Toi en Fraci. Espoir en Toi“.

Церкви Зачатія Св. Анны, что̀ въ углу Китай-города, у городовыя стѣны, за Солянымъ рядомъ, у тюремъ, у Стараго Татарскаго подворья, въ Зарядьѣ, на берегу.

1) Надписи на колоколѣ идутъ въ три ряда:

„Лѣта 7118 (1610) далъ сей колоколъ въ домъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Зачатія, что̀ въ Китай-городѣ, Иванъ Григорьевъ сынъ Твердиковъ по своихъ родителяхъ, по отцѣ своемъ Григоріи да по дядяхъ по Стефанѣ, да по Игнатіи, да по Михаилѣ Ивановичахъ, дѣтяхъ Твердиковыхъ, и ихъ за тотъ колоколъ повседневно поминати“.

Нѣсколько ниже: „L'an myl DCXLVII (1617). Martii. En bonne armonye rendra lovence a Dyeu“ [2]).

Внизу: „Лѣта 7125 (1613) Октября въ 19 день послѣ Литовскаго разоренія Богъ поручилъ Китай городъ Русскимъ людямъ и церковь Зачатія Пречистыя Богородицы, а ту Русскіе воры разорили и сей колоколъ взяли, и тотъ колоколъ купилъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской, далъ тутожъ въ домъ къ Зачатію Пречистыя Богородицы по своихъ родителяхъ, и за тотъ колоколъ священникомъ о его здоровіи и о чадахъ его Бога молити и родителей его поминати повседневно“ [3]).

---

[1]) См. выше, стр. 100.

[2]) „1547 года, Марта. Согласными звуками воздастъ хвалу Богу.“

[3]) Узнавъ объ этомъ колоколѣ, митрополитъ Московскій Филаретъ вызвалъ къ себѣ благочиннаго протоіерея П. Е. Покровскаго и сказалъ ему: „У Зачатія есть колоколъ Пожарскаго; смотри, чтобы онъ былъ цѣлъ“.

2) „1754 году Іюля въ 5 день вылитъ сей колоколъ къ церкви великомученика Мины, что́ въ углу Китай-города, въ царствующемъ градѣ Москвѣ и данъ вкладу отъ Московскаго купца Ѳедора Замятина“.

3) „Лѣта 7290 (1782) году лилъ сей колоколъ гостиныя сотни Иванъ Мгалицынъ“.

Церкви Св. Николая, что́ у Большаго Креста, на Ильинкѣ (Настоящая—Успенія Божіей Матери).

„Vigilate et orate Deo confidentes [1]). Pieter vermaten tot Amsterdam. 1694“. Подъ надписью гербъ, изображающій одноглаваго орла, съ двумя птицами по бокамъ.

По верху: „Benedicat terra Dominum, laudet et super exaltet Eum in saecula. Claudi Fremeus me fec. Amstelodomensis, anno 1670“ [2]).

Въ клеймѣ: „Тридцать пудъ счетныхъ. Дѣлалъ мастеръ Клаудій Фремеусъ. Да будетъ Богу во святыхъ Его слава, храмотворцевъ же спасетъ Его держава“.

Знаменскаго монастыря, что́ на Варваркѣ.

„205 (1697) году, Іюня въ 1 день, сей колоколъ далъ въ Знаменскій монастырь Павелъ Кондратьевъ сынъ Буренинъ, 4 пуда, 9 фунтовъ“.

Церкви Св. Георгія на Лубянкѣ, въ Старыхъ Лучникахъ, въ Старыхъ тюрьмахъ, въ Лужкахъ.

1) „Лѣта 7180 (1672) году, Февраля въ 20 день, Тулы города Рождественскій священникъ Никифоръ приложилъ сей колоколъ къ церкви Рождеству Христову по своихъ родителяхъ; вѣсу въ немъ шесть пудъ, 18 гривенокъ, а подписалъ Авраамъ“.

2) „Лѣта 7200 (1692) году, Декабря 24 день, приложилъ сей колоколъ въ домъ Благовѣщенію Пресвятыя Богородицы и Великомученика Георгія гость Гаврила Романовичъ Никитинъ, вѣсу 57 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Григорій Ивановъ“.

3) „Лѣта 7202 (1694) году, Декабря 24 дня, приложилъ сей колоколъ къ церкви Благовѣщенію Пресвятой Богородицы и Великомученику Георгію къ своему строенію гость Гаврила Романовчиъ Никитинъ“.

Церкви Гребневскія Божіей Матери подъ Боромъ на Лубянской площади.

„7190 (1682) году построенъ сей колоколъ къ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія по Володимерѣ Ивановичѣ, по женѣ его Ѳеодорѣ Бо-

---

[1]) Бдите и молитесь, уповающіе на Бога.

[2]) Да благословитъ земля Господа, хвалите и превозносите Его во вѣки. Меня сдѣлалъ Клавдій Фремеусъ Амстердамецъ. 1670.

тановѣ, княгинѣ Ѳеодорѣ, данъ колоколъ 200 рублевъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳедоръ Моторинъ".

Церкви Св. Софіи Премудрости Слова Божія, Обыденнаго что́ на Софійской улицѣ у бывшаго Пушечнаго двора.

„Лѣта 7156 (1648), Декабря въ 25 день, поставилъ сей колоколъ при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Руссіи, въ 3 лѣто благочестивыя державы царства его, Живоначальныя Троицы въ Сыпановѣ монастырѣ игуменъ Ермогенъ, а вѣсу въ немъ 15 пудъ, 20 гривенокъ".

Церкви Вознесенія Господня (бывшій Варсонофьевскій монастырь).

1) „Лѣта 7199 (1691) году, вылитъ сей колоколъ въ Варсонофьевскій дѣвичій монастырь въ церковь къ Вознесенію Господа Нашего Іисуса Христа по обѣщанію своему Стрѣлецкія сотни Алексѣй Богомоловъ, поминовенія отца своего Василія и матери своей Евдокіи и по женѣ своей первой Маріи и о своемъ здравіи. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

2) „Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзду, села Архангельскаго, Таторовское тожъ. М. В. К".

Церкви Св. Николая у Столпа, въ Столпахъ.

1) „Лѣта 7124 (1616) году, Генваря въ 28 день, въ домъ къ великому Чудотворцу Николаю и Сергію Чудотворцу при попѣ Алексѣѣ и при попѣ Кононѣ, которые у Николы Чюдотворца и у Сергія Чюдотворца служатъ, далъ дьякъ Богданъ Губинъ и сынъ его Василій сей колоколъ; вѣсу въ немъ 9 пудъ, одинъ фунтъ".

2) „Me fecit Amsterledami. 1632. Soli Deo gloria, Assuerus Koster". „Anima mea Dom. magnificat" *).

Церкви Св. Равноапостольнаго князя Владимира въ Садѣхъ, въ Старыхъ Садѣхъ.

„1761 года, Октября 25 день, сей колоколъ вкладу къ церкви Благовѣрнаго князя Владимира для вѣчнаго поминовенія тещи своей Анны Киченой отъ Вотчинной Государственной Коллегіи".

Въ Ивановскомъ монастырѣ, подъ Боромъ, въ Старыхъ Садѣхъ, на Кулишкахъ.

1) „Лѣта 7149 (1641), Іюня въ 12 день, повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Руси Самодержца,

---

*) „Меня сдѣлалъ въ Амстердамѣ въ 1632 году. Единому Богу слава. Ассуеръ Костеръ. Душа моя возвеличитъ Господа".

слить сей колоколъ въ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Ивановскій дѣвичій монастырь Усѣкновенія Честныя Главы, въ 29 лѣто государства его, мастеръ Степанка Орефьевъ, ученикъ Нѣмчина Ивана Ѳалка".

2) „Лѣта 7195 (1687) литъ сей колоколъ на плесокъ церкви Воскресенію Христову по обѣщанію посадскихъ людей Ѳеоктиста, да Артемья Ивановыхъ дѣтей Аверинныхъ". Между орнаментами помѣщены двуглавые орлы.

3) „1755 году Апрѣля 15 дня вылитъ сей колоколъ въ Ивановскій дѣвичій монастырь, что̀ въ Москвѣ, на Кулишкахъ, тщаніемъ того монастыря игумени Елены и съ сестрами, на сборныя мірскія деньги, вѣсу въ немъ 155 пудъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

4) „1763 году Марта 1 день вылитъ сей колоколъ въ Ивановскій дѣвичь монастырь при игумени Назаретѣ и съ сестрами, вѣсу 60 пудъ 23 фунта, лилъ алдерманъ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

Церкви Св. Николая въ Подкопаяхъ, что̀ на Кулишкахъ близъ Солянки, (нынѣ Александрійское подворье).

1) „Вияси (?) Господи и помилуй рабъ своихъ строющіе церкви Божія и подающіе къ нимъ всяко благопотребное подаяніе и даждь имъ Господи Царство небесное, ради Пречестнаго имени Своего; литъ въ домѣ Дмитрія Пирогова".

2) „Лилъ въ Москвѣ мастеръ Иванъ Холщевниковъ".

Церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, что̀ у Яузскихъ воротъ, на горѣ, у Старыхъ Конюшенъ, на Кулишкахъ, на Малой Крутицѣ, въ Малой Пѣвчей (настоящая Знаменія Божіей Матери), близъ Солянки.

„1732 года Декабря 4 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, что̀ у Яузскихъ воротъ внутри города, тщаніемъ вкладчиковъ Дворцовой Конторы ассесора Василія Васильевича Замятина и жены его Маріи Алексѣевой впредь для ихъ поминовенія, при священникѣ Максимѣ Ильинѣ, вѣсомъ 104 пуда и 35 фунтовъ, лилъ мастеръ Константинъ Максимовъ сынъ Сафоновъ".

Церкви Всѣхъ Святыхъ, что̀ на Кулишкахъ (близъ Солянки):

1) „1738 году, Сентября въ 22 день, сей колоколъ къ церкви Всѣхъ Святыхъ, что̀ на Кулишкахъ, вѣсомъ 11 пудъ, 31 фунтъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Михаилъ Семеновъ сынъ Слизовъ".

2) „1780 года, Августа 1 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Всѣхъ Святыхъ, что̀ на Кулишкахъ, стараніемъ и иждивеніемъ доброхотныхъ дателей, вѣсу 80 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Ясона Струговщикова".

Церкви Грузинскія Божіей Матери, что̀ на Воронцовомъ полѣ, въ Новой Воронцовской слободѣ, въ Стрѣлецкой слободѣ (настоящая Покрова Пресвятой Богородицы).

„1746 года Марта 10 дня вылитъ сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что̀ слыветъ на Воронцовскомъ полѣ, въ Земляномъ городѣ, по обѣщанію данъ вкладу Московскаго первой гильдіи купца Василія Васильева сына Расторгуева, впредъ для поминовенія родителей своихъ, а вѣсомъ сей колоколъ 120 пудъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ“.

Церкви Св. Пророка Иліи подъ Сосенкою, подъ Сосенками, въ Воронцовѣ, на Воронцовѣ полѣ (бывшій Ильинскій монастырь; настоящая въ честь Благовѣщенія Божіей Матери).

1) „Въ славу Всесильному Богу и Пречестнѣй Богородицѣ вылитъ сей колоколъ къ церкви Святаго Пророка Иліи, что̀ на Воронцовскомъ полѣ, по обѣщанію дьяка Никиты Павлова, въ вѣчное поминовеніе родителей своихъ, а вѣсу сей колоколъ 100 пудъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1701 году, лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ“.

2) „1778 года Іюля 30 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Ильи Пророка, что̀ на Воронцовскомъ полѣ, стараніемъ приходскихъ людей, вѣсу 340 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Леона Струговщикова, лилъ мастеръ Михайла Крючковъ“.

3) „1778 году Іюля 20 дня, вылитъ колоколъ Смоленское Намѣстничество къ церкви села Петрополья, стараніемъ ктиторши полковницы Анны Милашевичевой, вѣсу 8 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Струговщикова“.

Церкви Св. Харитона Исповѣдника въ Огородникахъ, въ Старыхъ Огородникахъ, на Хомутовкѣ, подъ Ѣхаловымъ. (Настоящая Владимирскія Божія Матери).

1) „Литъ сей колоколъ на заводѣ Московскаго купца Данилы Тюленева“.

2) „Лѣта 7195 (1637) году вылитъ сей колоколъ при державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Лодыгинъ, къ храму Богоматери и Преподобнаго отца Харитона Исповѣдника, при іереѣ Зиновіи Тихоновѣ, мѣсяца Іануарія въ 17 день, а вѣсомъ 105 пудъ“.

3) „Лилъ мастеръ Семенъ Можжухинъ“.

А. Мартыновъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. О. РОССЕТА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Аркадій Осиповичъ Россетъ, старшій изъ братьевъ А. О. Смирновой (ихъ было еще три: Клементій, Іосифъ и Карлъ), родился въ 1811 году и былъ на годъ моложе единственной сестры своей. Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, подъ начальствомъ генерала Гогеля. Отецъ его былъ другомъ герцога Ришилье, а вотчимъ И. К. Арнольди, боевой генералъ-артиллеристъ, пользовался большимъ значеніемъ въ военномъ вѣдомствѣ, и Россетъ съ раннихъ лѣтъ жилъ въ избранномъ обществѣ. Его полюбилъ Пушкинъ, у котораго былъ онъ домашнимъ человѣкомъ и о которомъ до конца жизни вспоминалъ онъ съ особенною теплотою чувства. Онъ обѣдалъ у Пушкиныхъ, когда принесли письмо отъ Дантеса съ просьбою руки Екатерины Николаевны Гончаровой, которое Пушкинъ передалъ черезъ столъ своей старшей своячиницѣ. Братъ его Клементій Осиповичъ избранъ былъ сначала секундантомъ Пушкина. Наконецъ, онъ же переносилъ бездыханное тѣло поэта со смертнаго ложа въ гробъ и, бывало, вспоминая о томъ, говаривалъ: какой онъ былъ легкій! Службу свою А. О. Россетъ началъ въ гвардейской артиллеріи, и ему поручено было обревизовать ее въ Сибири. Позднѣе онъ служилъ губернаторомъ въ Вильнѣ, за тѣмъ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ и умеръ въ Москвѣ сенаторомъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, 29 Августа 1881 года. Читатели познакомятся съ нимъ по нижеслѣдующимъ выдержкамъ изъ его писемъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ его племянницею Н. Н. Соренъ (ур. Смирновой). Въ Москвѣ и Петербургѣ многимъ еще памятенъ А. О. Россетъ, съ его вдумчивымъ лицомъ, тихою рѣчью, многостороннимъ образованіемъ и горячею преданностью Россіи. Первыя письма относятся къ Польскому походу 1831 года. Гвардія выступила изъ Петербурга въ исходѣ Декабря. А. О. Россетъ жаждалъ боеваго дѣла. Въ первомъ письмѣ (отъ 6 Января) онъ между прочимъ писалъ сестрѣ: „Не знаю что̀ будетъ дальше, а до сихъ поръ живу паномъ. При выступленіи артиллеріи Государь говорилъ Гербелю и офицерамъ, что намъ придется подраться, и потому мы должны будемъ идти на вьюкахъ“. Изо всей семьи ему-холостяку сестра была наиболѣе близка, и нельзя не пожелать, чтобы отыскались ея письма къ любимому брату. П. Б.

1.

21-го Генваря (1831). Дер. Изборскъ.

Походъ нашъ очень монотоненъ, вялъ, жизнь скучна, несносна. Если пѣхоту у Нѣмцевъ принимаютъ съ отверстыми объятіями, какъ ты пишешь, то я скажу тебѣ, что и насъ принимаютъ съ радостью, но баловъ и обѣдовъ не даютъ. Мы надѣялись на Псковъ и провели время довольно весело, только не обязаны этимъ Псковскимъ помѣщикамъ. Я былъ по службѣ у тамошняго губернатора Пещурова, который, узнавъ мою фамилію, тотчасъ же спросилъ: не братецъ ли я фрейлинѣ Россетъ? Не знаю, почему онъ тебя знаетъ. Онъ меня звалъ обѣдать; но я получилъ приглашеніе уже поздно вечеромъ въ театрѣ и потому не могъ быть у него. На Псковскомъ театрѣ давали комико-волшебную оперу Украйну (такъ было написано въ афишѣ). Здѣсь есть ложи прямыя и ложи кривыя; прямыя тѣ, кои напротивъ сцены, а кривыя съ боку. Декораціи были очень великолѣпны: на зеленомъ холстѣ были намазаны листья безъ сучьевъ и деревьевъ, и такимъ образомъ зрителямъ представленъ садъ. Для моста былъ принесенъ особенный кусокъ холста, на которомъ онъ и былъ нарисованъ углемъ. Актеры не такъ дурны, а актрисы очень подгуляли. Псковъ могъ бы быть хорошимъ уѣзднымъ городомъ, но для губернскаго онъ очень плохъ. Какъ въ Петербургѣ, здѣсь есть извощики и вывѣски, и между прочимъ одна вывѣска пресмѣшная; нарисованъ человѣкъ, показывающій одною рукою на чай, а около рта написано: просимъ покушать. Въ Псковѣ нѣтъ ни одной кареты, и одинъ губернаторъ ѣздитъ въ возкѣ. Жители Пскова очень недовольны уланами; говорятъ, что они ведутъ себя совсѣмъ не по гвардейски—очень неблагопристойно. Здѣсь Полянскій и другіе уланскіе офицеры. Философовъ отъ Великаго Князя посланъ сдѣлать слѣдствіе. Не знаю, былъ ли въ числѣ ихъ Ося *).

Мы не можемъ жаловаться на морозы, ибо рѣдко бываетъ болѣе десяти градусовъ; но походъ несноснѣе: ибо отъ Пскова пошли все

*) Осипъ Осиповичъ Россетъ, впослѣдствіи женившійся на дочери Ивана Захаровича Ершова. Нѣсколько офицеровъ Уланскаго полка учинили безпорядки въ трактирѣ и выкинули за окно прибѣжавшихъ на шумъ, полицейскихъ чиновниковъ. Великій Князь приказалъ, чтобы виновные сами объявили свои имена; тогда по почину полковника Лизогуба всѣ офицеры объявили себя виновными и росписались на листѣ, на заголовкѣ котораго рукою самого Михаила Павловича было напасано „собственноручныя подписи фамилій виновниковъ“. Получивъ этотъ списокъ, Великій Князь, тронутый такимъ проявленіемъ духа товарищества, сказалъ: „что подѣлаешь съ этими чертями, разжаловать всего полка нельзя“ и ограничился тѣмъ, что приказалъ всѣмъ офицерамъ идти до границы безъ сабель, т. е. считаться арестованными. Объ этой исторіи см. „Р. Арх.“ 1872, стр. 1606. П. Б.

курныя избы, наполненныя тараканами. Ты не повѣришь, какъ намъ всѣмъ хочется поскорѣе добраться до Вильны, ибо скука смертная; а въ Вильнѣ перемѣнится наше положеніе, и мы узнаемъ, зачѣмъ насъ ведутъ и что̀ съ нами будетъ.

2.

Г. Якобштатъ, 1831 года 7 Февраля.

Намъ перемѣнили маршрутъ, и наша батарея идетъ чрезъ Ковно въ Ломзу, городъ въ Царствѣ Польскомъ, вмѣстѣ съ кирасирскою дивизіею и съ полками Измайл., Павловск., Финляндск. и егерскимъ. До Ковно мы идемъ въ своей землѣ и пользуемся правомъ имѣть повозки, а перешедши чрезъ Нѣманъ мы пойдемъ на вьюкахъ, ибо перейдемъ за границу и будемъ уже въ землѣ непріятельской. На пути отъ Ковны въ Ломзу у насъ будетъ станція, въ пяти верстахъ отъ которой уже начинается Пруссія. Я непремѣнно думаю заѣхать въ Нѣмечину; вырѣжу имя мое на какомъ нибудь деревѣ, чтобъ я могъ сказать, что я былъ въ Польшѣ и Пруссіи.

Чичеринъ насъ обнадежилъ, сказавши, что мы непремѣнно будемъ въ дѣлѣ; мы съ нетерпѣніемъ ждемъ этого времени, ибо артиллеристу должно быть совѣстно не нюхать пороху. Мы не знаемъ никакихъ политическихъ новостей, читали только прокламацію Дибича къ Полякамъ и второй манифестъ Государя. Газетъ мы не могли достать ни въ одномъ городѣ; а Нѣмецкія газеты у Лифляндскихъ помѣщиковъ нельзя читать, потому что онѣ всегда залиты кофеемъ.

Уланскій полкъ пойдетъ въ Вильну по старому маршруту и оттуда въ городъ Бѣльскъ. Маршрута ихъ я не имѣю и потому не могу прислать тебѣ его. Съ крайнимъ неудовольствіемъ скажу тебѣ, что мнѣ Шевичъ, адъютантъ Чичерина, говорилъ, будто бы онъ читалъ листъ тѣхъ улановъ, которые нашалили въ Псковѣ и что въ числѣ ихъ былъ Ося. Ихъ всѣхъ въ уланскомъ полку двадцать человѣкъ, которые всѣ арестованы впредъ до повелѣнія. Пиши ко мнѣ, любезная Сашенька, по-французски. У насъ не это станетъ.

Я представленъ въ бригадные казначеи и тогда для пріемки разныхъ вещей буду ѣздить въ разные города; можетъ быть, увижусь съ Осей. Впрочемъ Шевичъ мнѣ говорилъ, что это вздоръ и эта исторія тѣмъ кончится, что они двѣ недѣли будутъ подъ арестомъ.

Адресуй мнѣ въ канцелярію начальника артиллеріи дѣйствующей арміи для доставленія въ батарейную батарею лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.

3.

Г. Ковно, 1831 года 26 Февраля.

Стою на одной квартирѣ съ enchanteur - Скалономъ, который, узнавши, что я пишу къ тебѣ, выразился на Французскомъ діалектѣ: j'abuse de la permission de mademoiselle votre soeur pour se faire rappeller à son aimable souvenir.

Мы съ Скалономъ читали, или лучше сказать перечитывали и восхищались красотами «Бориса Годунова»*).

На дняхъ колона наша получила приказаніе собрать пѣхотную дивизію и ускореннымъ маршемъ со всѣми предосторожностями идти въ Ломзу; наша батарея дожидается кирасирской дивизіи и будетъ слѣдовать за пѣхотною. Я пойду до Августова и оттуда поѣду догонять тѣ батареи. Перваго Марта мы переправляемся за границу чрезъ Нѣманъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ переправлялъ свое войско въ двѣнадцатомъ году Наполеонъ. Передъ выступленіемъ насъ смотритъ Великій Князь.

Благодаря свитѣ Великаго Князя, мы узнали, что̀ дѣлается подъ Варшавою; въ противномъ случаѣ, не смотря на то, что мы сами члены дѣйствующей арміи, намъ извѣстно менѣе, чѣмъ вамъ въ Петербургѣ. Сегодня мы получили приказаніе отпустить наши сабли, пересмотрѣть заряды и идти въ такомъ же порядкѣ, какъ въ виду непріятеля: ибо, какъ говорятъ, здѣсь появились Краковскіе партизаны, которые все жгутъ и истребляютъ, чтобъ только попрепятствовать нашему походу. Мы льстимъ себя и даже крѣпко надѣемся, что намъ придется сразиться оъ Поляками. Я хотя и сдѣланъ казначеемъ, а если будемъ въ дѣлѣ, то обязанъ буду исполнять болѣе должность адъютанта; но хочу проситься быть во фронтѣ, ибо имѣю своихъ два орудія и въ случаѣ хоть что нибудь могу сдѣлать и вернусь въ Петербургъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ вышелъ.

Будучи въ Петербургѣ, все мое желаніе ограничивалось тѣмъ, чтобъ только быть за границею, хоть въ Польшѣ; теперь же очень хочется зайти въ Пруссію, и даже у насъ уже поговариваютъ, что въ Ломзѣ мы получимъ повелѣніе идти въ Бромбергъ. Все дальше; ужъ не къ Французамъ ли?

---

*) Только что тогда появившагося въ печати особою книжкою. П. Б.

Впрочемъ, можетъ быть, всѣ наши предположенія, желанія, надежды лопнутъ, какъ мыльный пузырь, и мы безъ славы, безъ подвиговъ, безъ Анны четвертой степени, вернемся въ Питеръ. Какъ я ни желаю видѣть тебя и братьевъ, но не хочу теперь вернуться назадъ, ибо совѣстно послѣ такихъ приготовленій не быть въ сраженіяхъ. Ради щедротъ Карамзиной, у меня во взводѣ ни одинъ солдатъ не отморозилъ себѣ ногъ.

Къ брату Клементію Осиповичу.

Г. Ломза, 19 Марта (1831).

Въ Ставишкахъ мы получили извѣстіе, что непріятель вышелъ изъ Модлина въ числѣ одиннадцати тысячъ войска и съ 14-ю орудіями, чтобъ напасть на нашу колонну. Въ пять часовъ ночи мы получили приказаніе отъ Бистрома идти къ Ломзѣ. Думали, что на дняхъ мы сойдемся съ непріятелемъ; но сегодня мы идемъ обратно въ Ставишки и дожидаемся разлитія рѣкъ, ибо непріятель стоитъ на правой сторонѣ рѣки *Нарева*, а мы на лѣвой; а часть войска, которая переправилась на нашу сторону, была опрокинута армейскимъ отрядомъ генерала Сакена, который составляетъ нашъ авангардъ. Мы, какъ кажется, никакъ не избѣжимъ всегдашней участи гвардейцевъ—только быть вблизи къ непріятелю; ибо вѣроятно, что онъ отретируется въ крѣпость, если онъ дѣйствительно вышелъ изъ Модлина. Великій Князь теперь въ Ломзѣ и, какъ говорятъ, думаетъ укрѣпить ее.

4.

1831-й годъ. 13-го Іюля. Б. при м. Нишавѣ.

Еслибъ ты знала, какъ пріятны твои письма и съ какимъ удовольствіемъ я ихъ получаю, вѣроятно бы удѣлила охотно часъ времени для брата тебя много любящаго. Ты не повѣришь, какъ часто въ часы задумчивости воображеніе мое рисуетъ плѣнительную картину, представляя тебя въ красной коцубейкѣ, свернувшуюся клубкомъ на волтеровскомъ креслѣ и съ синенькимъ романомъ въ рукѣ, а Карлу сидящаго возлѣ и испивающаго съ апетитомъ стаканъ ароматныхъ сливокъ. А чтобъ достойнымъ образомъ описать любезнаго Клёму, перенеся его въ мою засаленную каюту въ офицерской, надобно обладать сильнымъ перомъ Карамзина и плѣнительною кистью Кореджіо. Такая картина свыше моего вкуса, ума, воображенія и чувствительности.

О моихъ геройскихъ подвигахъ не говорю, потому что ихъ не было. Всѣ мои дѣла воинскія ограничиваются тѣмъ, что я скакалъ съ

батареи на батарею и передавалъ приказанія генерала. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго надо мною сраженіями, скажу тебѣ, что оно было совершенно сходно съ тѣмъ, что́ требовало мое сердце. Возмемъ въ примѣръ дѣло Остроленское. Глазамъ моимъ представилась та самая картина, на которыя я съ ужасомъ смотрѣлъ въ дѣтствѣ. Я видѣлъ, какъ пылалъ городъ, слышалъ стоны и вопли умирающихъ, но былъ доволенъ тогдашнимъ днемъ. Я люблю все трогательное, но люблю и кровь, люблю ужасы, ибо они питаютъ чувствительность.—Гвардія, какъ кажется, болѣе въ дѣлѣ не будетъ, ибо мы въ резервѣ, и впереди насъ съ своими корпусами Виттъ и Паленъ. Вотъ уже недѣля, какъ мы перешли Вислу безъ малѣйшаго со стороны Поляковъ сопротивленія, за что́ и служили молебенъ, ибо по крайней мѣрѣ 1000 головъ слѣдовало бы положить для переправы. На счетъ холеры скажу тебѣ, что она у насъ не такъ сильна, особливо когда мы въ маршѣ и при хорошей погодѣ. Въ сырое время, послѣ дождя, у насъ заболѣваютъ ею до 30-ти человѣкъ въ одномъ полку. Вѣсть, что холера въ Петербургѣ, насъ огорчила, не отъ того, чтобъ мы боялись за васъ (ибо увѣрены, что чернь ею болѣе страждетъ и до васъ она, благодаря Бога, не дойдетъ), но думаемъ, что она замедлитъ наше возвращеніе въ блаженный Питеръ. Воображаю, какъ все у васъ уныло и какъ ты, любезная Сашенька, скучаешь. Одна княгиня Суворова осталась изъ твоихъ пріятельницъ. Я считаю слишкомъ малымъ засвидѣтельствовать ей свой поклонъ или нижайшее почтеніе. Я не забылъ Любовь Васильевну; но простимся на вѣки съ Зимнимъ дворцомъ, съ придворною каретою и съ каштанами, которые нѣкогда, въ счастливые, незабвенные годы, имѣли для меня особенную прелесть.

5.

1831 года 28 Августа, г. Варшава*).

27-го числа, послѣ 2-хъ-дневнаго штурма, мы вошли въ городъ побѣдителями и стали биваками на Марсовомъ полѣ. Описать тебѣ всѣ ужасы сраженія было бы слишкомъ долго и напрасно, ибо вѣроятно всѣ Петербургскія газеты и журналы будутъ наполнены реляціями и отрывками изъ партикулярныхъ писемъ; но всѣ ихъ краснорѣчивыя описанія не дадутъ тебѣ яснаго понятія о дѣлѣ, ибо на опытѣ знаю, что разсказы про битву Бородинскую и пожаръ Москвы также близки къ дѣйствительности, какъ раскрашенное сожженіе Мо-

*) Вѣроятно это-то самое письмо, съ извѣстіемъ о взятіи Варшавы, которое А. О. Смирнова сообщала Пушкину, написавшему ей по этому поводу: „Вы были вѣстницею славы, отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы“ и пр. П. Б.

сквы на табакеркахъ на настоящій пожаръ Москвы. Входъ нашъ въ Варшаву не былъ очень торжественъ: насъ привѣтствовали Жиды и національная гвардія Польская, которая содержала караулы. Первые собирались кучками и, казалось, думали, что мы очень довольны ихъ ласковымъ пріемомъ, а національную гвардію мы всякій разъ можемъ видѣть во Французскихъ водевиляхъ. Поляковъ мы не видали; Польки, низшаго класса Польки, стояли у воротъ и поглядывали на насъ изъ подлобья, а прелестныя Польки сидѣли за окнами и платкомъ отирали слезы. Онѣ лучше всѣхъ сыграли свою роль: плакали точно какъ будто не для того, чтобъ казаться милѣе; слезы ихъ были искренни, всякая вспоминала и оплакивала брата или друга, котораго лишилась на штурмѣ Варшавскомъ. Этимъ самымъ онѣ намъ отомщали; ибо гораздо пріятнѣе было, еслибъ Польки встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями. Но теперь мало по малу все оживляется, народъ выходитъ на улицу, магазейны открываются, являются фіакры и, какъ кажется, скоро все придетъ на ладъ.

Въ прошломъ письмѣ моемъ [1]) я писалъ тебѣ, что 24, 25 или 26 числа должно быть что нибудь рѣшительное; оно такъ и было: 25 и 26 мы сражались. Мы думали, что гвардія будетъ въ резервѣ; но наша дивизія была на правомъ флангѣ въ первой линіи. Впереди насъ были въ три линіи редуты. Цѣлые два дни мы были подъ выстрѣлами съ укрѣпленій. Вечеромъ 26-го наша дивизія атаковала редутъ. Драгуны всѣхъ болѣе потерпѣли: они потеряли до 14-ти человѣкъ офицеровъ и до 200 рядовыхъ, въ одной атакѣ. Гусары также много потеряли; ими командовалъ Пушкинъ и пронесся за укрѣпленія. Арнсгафенъ былъ боленъ; у нихъ, какъ я узнаю, убитъ Мурузи и тяжело раненъ Слѣпцовъ; они должны быть общими знакомыми жителямъ Царскаго Села [2]). Наша 1-я легкая батарея болѣе находилась въ огнѣ, когда стояла у взятаго нашими редута. По насъ открыли изъ всѣхъ прочихъ редутовъ сильный картечный огонь; мы не болѣе 10-ти минутъ стояли на этой позиціи, и изъ одного дивизіона раненъ одинъ офицеръ, 9 рядовыхъ убито, и изъ 19-ти лошадей тутъ бывшихъ выбило 12. Потеря въ людяхъ, слава Богу, не такъ была велика. Но какъ бы то ни было, теперь все кончено, и намъ остается желать только *поскорье* возвратиться въ Петербургъ. До сихъ поръ еще объ этомъ не говорятъ. Ты можешь себѣ представить, какъ насъ это занимаетъ, ибо надѣемся поспѣть къ твоей свадьбѣ.

---

[1]) Этого письма мы не имѣемъ. П. Б.

[2]) Гдѣ тогда находился весь дворъ, и при немъ А. О. Россетъ, уже невѣста сначала князя С. М. Голицына, за тѣмъ Н. М. Смирнова. П. Б.

6.

(1832).

Ося былъ вчера на балѣ въ Аничковскомъ дворцѣ. Императрица была очень милостива и сказала ему: «Напишите вашей сестрѣ, что я позабыла сказать ей, чтобъ она непремѣнно ко мнѣ писала, я жду ея писемъ, и чтобы увѣдомила меня тотчасъ, когда она будетъ въ Берлинѣ, чтобъ я могла также къ ней туда писать». Государь также спрашивалъ о тебѣ. Боюсь очень, чтобъ это письмо къ тебѣ не дошло и потому прошу тебя, тотчасъ же по полученіи его, увѣдомить меня, что желаніе Государыни тебѣ извѣстно.

7.

Красное Село, 1835 года Іюня 15 [1]).

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я въ Красномъ Селѣ. Жизнь описывать нечего: ты знаешь, какъ живетъ офиція; нынѣшній годъ она для меня еще живѣе и пріятнѣе; у насъ своя компанія, состоящая изъ Карамзиныхъ, Есакова, Штакельберга, Голицына, Лихачова и Лутковскаго; играемъ въ вистъ, поемъ Дерптскія бурсацкія пѣсни, но не кутимъ и не пьемъ, а все идетъ чинно. Однажды только была пирушка и тебя на оной поминали; я и André [2]) выпили въ тихомолку за твое здоровье, и онъ при семъ случаѣ разсказывалъ про страсть, которою пылалъ къ тебѣ въ Ревелѣ. Катерина Андреевна на прошлой недѣлѣ переѣхала было въ Таицы, но недовольная квартирою, опять переселилась въ городъ; я провелъ у нея цѣлый день и видѣлъ Вяземскаго. Онъ далеко не тотъ что́ былъ прежде, особенно для тѣхъ, кто помнитъ его въ холостой жизни, прежде переселенія семейства его изъ Москвы; замѣчательная его улыбка рѣдко выказывается, и часто очень слезы; жалко смотрѣть на него.

8.

С.-Петербургъ, 1835 г. Августа 15.

Адская машина [3]) и Калишскія маневры: вотъ два предмета для разговоровъ въ Петербургѣ. Благодаря С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, которыя намъ оставилъ Nicolas [4]), я и Клёма всякое утро узнаемъ о политическихъ новостяхъ. Онъ былъ боленъ двѣ недѣли, теперь выздоровѣлъ, ходитъ всякое утро въ штабъ и, возвратившись, бра-

[1]) Писано за границу, куда А. О. Смирнова во второй разъ уѣхала. П. Б.
[2]) А. Н. Карамзинъ, старшій сынъ историка. П. Б.
[3]) Покушеніе Фіески на жизнь Людовика Филиппа. П. Б.
[4]) Т. е. Николай Михаиловичъ Смирновъ, зять А. О. Россета. П. Б.

нить себя за самую большую ошибку, которую, говоритъ, сдѣлалъ въ своей жизни,—это оставленіе Кавказа; остальное время лежитъ на диванѣ, а я хожу по комнатѣ и бѣшусь на него; болѣе играемъ въ молчанку, только за чаемъ или обѣдомъ (Боже, какой обѣдъ, посуди сама, цѣна обѣду 1 р. 40 к.) разговоръ одушевляется: Клема пускается въ анализъ своего характера и своей жизни; память объ Арнольди, Кіевѣ, о Херсонисѣ Таврическомъ, все выходитъ на сцену, и тутъ онъ, какъ говоритъ всегда Пушкинъ, *удивительно хорошъ*. Все это хорошо, но мнѣ страхъ какъ надоѣло и, чтобы жить на двѣ половины, мы переѣзжаемъ завтра на другую квартиру, на Михайловской площади, въ домъ Занфтлебена. Немного дорого—1200 р. въ годъ; но, принимая въ сожители Скалона, придется съ брата по 400 р.; это еще сносно. Выгоды тѣ, что втроемъ будетъ веселѣе и дешевлѣ, и кромѣ того для меня въ центрѣ моихъ знакомыхъ, дому Карамзиныхъ, Михайловскаго и Александринскаго театра. Домъ Энгельгарда теперь передѣлывается для благородныхъ собраній, которыя будутъ здѣсь по примѣру Московскихъ; въ годъ дадутъ 6 баловъ, а въ остальные дни, какъ въ клубѣ, будутъ собираться ежедневно играть и проч. Клема записывается въ члены, а я буду ходить гостемъ; чтобы быть членомъ, надо заплатить 125 р. Не хочетъ ли Nicolas въ члены? Надѣятся, что это будетъ лучше Англійскаго клуба въ Москвѣ; говорятъ, что Государь также членъ.

Катерина Андреевна тебя цѣлуетъ и на тебя въ претензіи, что ты къ ней ни разу не написала. Мещерскіе и Вяземскіе будутъ въ концѣ нынѣшняго или въ началѣ будущаго мѣсяца; Вяземскій тебѣ будетъ писать. Третьяго дня я видѣлъ Жуковскаго и Полетику; они тебѣ очень кланяются. Полетика два раза повторилъ: «да смотрите, не забудьте поклониться Александрѣ Осиповнѣ и Николаю Михайловичу». — Вы вѣроятно уже знаете о женитьбѣ Бутурлина фл.-ад. на гр. Сухтеленъ, Марченки на Убри; новыя—Баратынскій женится на к. Абамелекъ, Коновницынъ на Бахметевой въ Харьковѣ; Крюковская выходитъ за Чекуанова уланскаго. Княжна Циціанова, какъ говорилъ мнѣ Стратилатовъ, также думаетъ быть въ Петербургѣ и жить съ Галаховой при помощи маленькаго капитала въ 10 т. р., который она умѣла сохранить отъ дѣдушки. На будущей недѣлѣ, можетъ быть, ѣду въ Москву и къ ней непремѣнно буду; надѣюсь видѣть и Спаское*). Жду письма только отъ Воейкова, чтобы напрасно не сдѣлать путешествія; безъ него мнѣ нечего дѣлать. Объ успѣхѣ

*) Прекрасное имѣніе Н. М. Смирнова въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи, на самомъ берегу Москвы, нынѣ принадлежащее графу С. В. Орлову-Давыдову. П. Б.

поѣздки со всею подробностію опишу Nicolas; прежде и писать къ нему не смѣю.—Куда вы направили путь, гдѣ, любезная Сашинька, проведешь зиму? Дай Богъ, чтобы въ Италіи. Берлинъ старый знакомый и очень схожъ съ Петербургомъ, чтобы могъ тебѣ нравиться; а бѣдный Vers въ Нѣметчинѣ совсѣмъ пропадетъ. Какое было окончательное дѣйствіе водъ? Надѣюсь, что всѣ довольны и вообще физическая организація оправилась и укрѣпилась; не знаю, въ какомъ состояніи главное, душевное расположеніе; оставили ли тебя твоя хандра и грусть, которыя заставляютъ насъ думать о тебѣ всегда съ сожалѣніемъ и горестью? Напиши мнѣ объ этомъ подробно и успокой меня; позволь желать смѣло твоего возвращенія и не бояться видѣть тебя опять скучающею и страждущею.

Посылаю тебѣ портретъ моей длинной, худой и скучной рожи; сейчасъ Мухинъ его сдѣлалъ.

Вчера былъ въ Царскомъ Селѣ, былъ у Шевичевой; у нея цѣлый пансіонъ, прибыли еще четыре Пушкины, всѣ очень хорошенькія и толстыя Малороссіяночки; Alexandrine также добра и тебѣ кланяется; въ Воскресенье опять поѣду съ Карамзиными. Не забудь написать Катеринѣ Андреевнѣ; она очень ожидаетъ отъ тебя нѣсколько строкъ. Пришли письмо ко мнѣ, я ей снесу его и очень радъ буду принести ей удовольствіе. André и Alexandre цѣлуютъ твои ручки.

Приписка князя П. А. Вяземскаго.

J'ai été très touché, chère et bonne madame Smirnoff, de votre souvenir affectueux, et l'intérêt que vous prenez à ma douleur ne me surprend pas, mais je n'y suis pas moins sensible. Les bonnes nouvelles que nous recevons à votre sujet me font un véritable plaisir; car, en arrivant ici, j'ai trouvé vos amis non alarmés pour votre santé, mais très affectés de l'humeur noire qui s'était emparée de votre esprit. Comme vous avez bien fait de vous décider à partir! Le voyage aura d'excellents résultats pour vous, malgrès votre manière de voir à la Von - Wisine et vos sentiments à la Schischkoff. Je vous donne ici la plus grande preuve d'abnégation; car certainement personne ne vous regrette plus que moi, et vous êtes la seule absente que je regrette. Décidément je ne vois personne, mais quant à vous, j'aurais eu du plaisir à vous voir. C'est près de vous que je venais chercher des délassements à mes cruelles angoisses dans les derniers temps de mon séjour à Pétersbourg; ma douleur se trouvait à son aise avec vous, et encore aujourd'hui que mon coeur est frappé à mort, je sens que vous

auriez été mon refuge et mon unique ressource. Il serait difficile de vous exprimer le sentiment qui m'éloigne du monde. C'est du découragement, quelque chose d'hostile et d'humble à la fois; j'ai comme qu'on dirait honte de mon malheur, je souffre de l'indifférence de la foule étrangère à mon chagrin, à ce dépôt sacré que je porte au fond de mon âme; je souffre de la pitié qu'on me témoigne, en un mot je suis en désharmonie complète avec moi-même, les autres et la Providence. Je n'étais pas né pour être aussi malheureux que je le suis. Le malheur est une mission sacrée, qui n'est pas à ma portée. Je ne la comprends pas et me révolte contre.—Combien je regrette pour vous que le choléra soit prêt à envahir l'Italie et vous empêche probablement de passer l'hiver à Rome, comme vous en aviez l'intention. Quel séjour que celui de Rome! C'est le seul coin de la terre qui fasse encore battre mon coeur d'espérance et d'avenir. C'est la commune patrie de tous ceux qui ont une âme, l'imagination et le sentiment de la vie intime. Je ne parle plus de l'affection particulière qui me rattache à cette terre; abstraction faite de ce sentiment, ce serait encore mon lieu de prédilection dans toute autre circonstance. Je ne parle pas non plus de Rome comme terre classique, comme musée de tout ce qu'il y a de beau et de grand pour les yeux, le souvenir et la pensée; non, ce que j'aime en Rome c'est ce climat physique, intellectuel et moral qui a un charme, une puissance toute particulière, si parfaitement en harmonie avec tous les caractères, toutes les dispositions de l'âme et de l'esprit, toutes les capacités. L'activité, la paresse, la joie, la douleur doivent s'y trouver également bien. Ce sont les champs élysés où l'on se dépouille de tout ce qu'il y a de mesquin et de fatigant dans la vie pour renaître à une nouvelle existence. Mais il faut se faire, s'acclimater à ce séjour. Quelques semaines peuvent suffire à la curiosité banale et obligée des voyageurs de profession, mais il faut au moins un séjour de quelques mois pour y prendre racine de coeur et d'âme. Naples m'a fait l'effet d'un opéra-féerie: c'est magique et enivrant, mais je crois qu'il faut un grand fond de frivolité pour s'y plaire constamment et ne pas finir par en être blasé. Je comparerais Rome à un bon roman de Walter-Scott, qui de page en page s'empare de plus en plus de votre attention et vous identifie au monde qu'il ouvre à vos yeux. Je désire pour vous et pour l'Italie que le choléra ne fasse que les menaces et que vous puissiez vous rendre à Rome en Octobre ou en Novembre, pour y rester jusqu'au mois de Mai. Je serais bien curieux de connaître vos impressions; non les premières, car elles ne décident rien, mais les dernières. Quand vous y serez, pensez à moi: c'est là que vous vous rencontrerez le plus aisément avec mes pensées, mes

souvenirs et mes espérances; c'est là que je vis de ma vie intime à l'ombre d'un cyprès, que vous irez voir, je n'en doute pas. Je sens que j'ai mal fait de vous écrire, mais j'espère que vos nerfs sont assez raffermis pour me lire sans que cela vous fasse du mal, et quant à votre coeur, il aimera, j'en suis sûr, à sympathiser avec le mien, tout souffrant qu'il est. Je vous baise les mains et vous prie de dire mille amitiés de ma part à Smirnoff. Le 21 Août (1835).

Переводъ.

Я былъ очень тронутъ, дорогая и хорошая Александра Осиповна, вашею благосклонною памятью обо мнѣ, и участіе, которое вы принимаете въ моей скорби[1]), не удивляетъ меня; но я не менѣе чувствую его. Хорошія вѣсти, которыя мы получаемъ о васъ, доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе; потому что по пріѣздѣ сюда я засталъ вашихъ друзей не то чтобы испуганными, но очень опечаленными тѣмъ мрачнымъ настроеніемъ, которое овладѣло вами. Какъ хорошо вы сдѣлали, рѣшившись ѣхать. Путешествіе будетъ имѣть на васъ прекрасное дѣйствіе, вопреки вашему Фонъ-Визинскому образу мыслей и Шишковскимъ чувствамъ. Этимъ даю вамъ самое большое доказательство самоотверженія, такъ какъ, конечно, никто не сожалѣетъ о васъ больше меня, и вы единственное лицо изъ отсутствующихъ, о комъ я жалѣю. Я рѣшительно никого не вижу, но васъ увидѣть доставило бы мнѣ удовольствіе. Вѣдь около васъ я находилъ отдохновеніе отъ жестокой тоски въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ; съ вами я скорбѣлъ покойно, и даже теперь, когда сердце мое разбито смертельно, я чувствую, что вы были бы моимъ убѣжищемъ и надеждою. Трудно выразить вамъ чувство, которое отдаляетъ меня отъ общества; это что-то враждебное и въ тоже время приниженное; мнѣ словно стыдно за свое горе[2]); я страдаю отъ равнодушія толпы, чуждой моему горю, этому священному

---

[1]) Вторая дочь князя Петра Андреевича, княжна Прасковья Петровна, скончалась въ Римѣ въ 1835 году, 18 лѣтъ отъ роду. Надъ могилою ея посаженъ кипарисъ. Княг. З. А. Волконская въ своемъ посланіи къ ея отцу говоритъ:

„И кипарисъ уединенный
Стоитъ надъ дѣвственной главой". П. Б.

[2]) Это же самое чувство выразилъ князь Вяземскій въ письмѣ къ Д. П. Северину отъ 7 (19) Октября 1835 (а не 1836 г., какъ значится въ „Р. Старинѣ" 1896 г. I, 86). Тоже пришлось князю Вяземскому испытывать и много позднѣе. Въ одномъ изъ стихотвореній его старости читаемъ:

Чувствъ одичалыхъ и суровыхъ
Гнѣздилище, душа моя;
Я ненавижу всѣхъ здоровыхъ,
Счастливцевъ ненавижу я.

И это писалъ человѣкъ многолюбящаго сердца! Въ 1840 году въ Баденъ-Баденѣ умерла младшая его дочь, княжна Надежда, а въ 1849 г. въ Петербургѣ погибла и старшая, послѣдняя, Марья Петровна Валуева. П. Б.

хранилищу, которое я ношу въ глубинѣ души своей. Я страдаю отъ сожалѣнія, которое мнѣ оказываютъ; словомъ, я въ полномъ несогласіи съ самимъ собою, съ другими и съ Провидѣніемъ. Я родился не для того, чтобы быть столь несчастнымъ. Несчастіе есть священное назначеніе, къ которому я не имѣю прозванія. Я его не понимаю и возмущаюсь имъ. Какъ мнѣ жаль за васъ, что холера хочетъ вторгнуться въ Италію и вѣроятно помѣшаетъ вамъ провести зиму въ Римѣ, какъ вы намѣревались. Что̀ за жизнь въ Римѣ! Это единственный уголокъ на землѣ, заставляющій еще биться мое сердце надеждою и будущностью. Это общая родина для всѣхъ, у кого есть душа, воображеніе и потребность внутренней жизни. Я не говорю уже о своей особенной любви, которая привязываетъ меня къ этой землѣ; кромѣ этого чувства, все же она была бы для меня самымъ предпочтительнымъ мѣстомъ при всякомъ другомъ обстоятельствѣ. Я не говорю тоже о Римѣ какъ о землѣ классической, какъ о музеѣ, гдѣ найдешь все, что̀ есть прекраснаго и великаго для глазъ, воспоминанія и мысли. Нѣтъ, я люблю въ Римѣ именно этотъ климатъ физическій, духовный и нравственный, который имѣетъ прелесть и совсѣмъ особенную силу, состоящую въ такомъ совершенномъ согласіи со всѣми характерами, со всѣми склонностями души и ума, со всѣми способностями для дѣятельности, лѣни, радости и печали; все должно быть тамъ одинаково хорошо. Это Елисейскія поля, гдѣ оставляютъ все, что̀ есть плохаго и утомительнаго въ жизни, чтобы возродиться для новаго существованія. Но нужно привыкнуть къ этому климату. Нѣсколькихъ недѣль можетъ быть достаточно для обыкновеннаго и необходимаго любопытства путешественниковъ; но нужно нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія для того, чтобы окорениться тамъ душой и сердцемъ. Неаполь произвелъ на меня впечатлѣніе оперы-фееріи; онъ волшебенъ и ошьяняющъ; но мнѣ кажется, что нужно быть очень суетнымъ, чтобы находить удовольствіе въ постоянномъ пребываніи тамъ и не пресытиться въ концѣ концовъ. Я бы сравнилъ Римъ съ хорошимъ романомъ Вальтеръ-Скотта, который съ каждой страницей завладѣваетъ все больше и больше вашимъ вниманіемъ и сливаетъ васъ съ міромъ, который онъ открываетъ передъ вашими глазами. Я желаю для васъ и для Италіи, чтобы холера ограничилась только угрозами и чтобы вы могли отправиться въ Римъ въ Октябрѣ или Ноябрѣ и остаться тамъ до Мая. Мнѣ было бы очень любопытно узнать ваши впечатлѣнія, не первыя, такъ какъ онѣ ничего не рѣшаютъ, а послѣдующія. Когда вы тамъ будете, вспомните обо мнѣ: тамъ вы встрѣтитесь легче всего съ моими мыслями, воспоминаніями и надеждами; тамъ я живу сердечной жизнью подъ тѣнью кипариса, который, безъ сомнѣнія, вы пойдете посмотрѣть. Я чувствую, что дурно сдѣлалъ, написавъ вамъ; но надѣюсь, что ваши нервы достаточно окрѣпли, чтобы чтеніе моего письма не подѣйствовало на васъ дурно; что же касается до вашего сердца, я увѣренъ, что оно захочетъ сочувствовать моему, не смотря на все его страданіе. Цѣлую ваши ручки и прошу передать много поклоновъ Смирнову. 21 Августа (1835).

9.

Г. Омскъ, 1840 г. 1 Октября.

Я раздѣлилъ мое длинное путешествіе на пять періодовъ, изъ которыхъ совершилъ уже два, и теперь нахожусь на отъѣздѣ для совершенія третьяго, самаго труднаго по времени и по большимъ объѣздамъ въ сторону, т. е. изъ Омскъ въ Томскъ чрезъ извѣстную тебѣ Бухтарму. Въ Оренбургъ и изъ Оренбурга въ Омскь я доѣхалъ нельзя благополучнѣе. Я смотрю роты въ одномъ мундирѣ цѣлое утро, не чувствуя холода, и такой погоды не припомню и въ Петербургѣ въ Октябрѣ. Къ сожалѣнію Октябрь не постоянно хорошъ и скоро перемѣнчивъ; меня увѣряютъ, что, можетъ быть, завтра меня прихлопнетъ морозъ и на цѣлую зиму, а можетъ быть такая погода простоитъ и до Ноября. Ты не удивляйся, что я хлопочу и говорю такъ много о погодѣ: для меня эта статья важнѣе всего.

До 1-го Ноября я предполагаю употребить на вояжъ мой въ Томскъ (2500 верстъ); тамъ дождаться зимы, если она меня не застанетъ на дорогѣ и направиться въ Иркутскъ уже въ зимнемъ экипажѣ; въ Иркутскѣ прожить съ недѣлю и если можно будетъ переѣхать Байкалъ, то отправиться въ Нерчинскъ и Кяхту и въ Генварѣ тронуться въ обратный путь. По моему разсчету ранѣе Марта у васъ не буду. Про здѣшнюю зиму, особенно въ Тобольскѣ и Омскѣ, разсказываютъ ужасы такіе, что волосы становятся дыбомъ, и я боюсь, чтобы она меня не задержала. Бураны бываютъ часто и продолжительно, а во время бурана ѣздить нѣтъ возможности, и иногда просиживаютъ дни на станціи, поджидая, пока онъ пройдетъ. Но что будетъ далѣе, то будетъ; а если не заболѣю, то все будетъ хорошо. Дорога меня нисколько не утомляетъ, а разнообразіе предметовъ занимаетъ, и о Петербургѣ не жалѣю. Въ Иркутскѣ, если буду задержанъ, проживу долѣе пріятно; это—столица Сибири. Я было нанялъ компаньона Англичанина Кокреля, но взять его съ собой не рѣшился; теперь пріискалъ здѣсь одного доктора, Дерптскаго студента, и буду просить сегодня князя Горчакова *) отпустить его со мной. Для меня было бы это большая помога, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ, ибо со мной очень ласковъ.

Пришли сказать, что батарея (казацкая) готова, и инспекторъ (другаго титула не даютъ) садится на коня и ѣдитъ на звукъ трубный!

О Перовскомъ скажу тебѣ, что онъ отъ перваго лица до послѣдняго казака не любимъ, а обожаемъ въ Оренбургѣ. Я не встрѣчалъ ни одного, которому не пріятно бы было восхвалять его въ разговорѣ, и про него разсказываютъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ разныя казацкія

*) Князя Петра Дмитріевича, генералъ-губернатора Западной Сибири. П. Б.

лихія продѣлки удивительныя; онъ ведетъ себя и слыветъ рыцаремъ и вмѣстѣ казакомъ, и Киргизы дали ему лестное у нихъ прозваніе *батырь*. Оренбургскія дамы отъ него безъ ума. Я познакомился коротко съ начальникомъ штаба Рокасовскимъ, очень хорошимъ и порядочнымъ человѣкомъ и у него проводилъ время очень пріятно; вообще ты не можешь себѣ представить, какъ меня величаютъ: даютъ обѣды и вечера на перерывъ, а я стараюсь всѣхъ очаровывать моимъ пріятнымъ обхожденіемъ, чтобы, какъ Маниловъ, быть произведену въ генералы.

10.

Г. Семипалатинскъ, 1840 г. 10 Окт.

Не доѣзжая Семипалатинска, 4 версты ужасные пески; я вышелъ изъ кареты и шелъ пѣшкомъ; было жарко, было душно (замѣть 9-го Окт.), и я скинулъ сюртукъ (сегодня же опять холодно) и любовался однимъ прекраснымъ видомъ чрезъ Иртышъ въ степь Киргизскую. Здѣсь я встрѣтилъ г. Карелина, имѣющаго порученіе отъ Московскаго Общества Естествоиспытателей обозрѣть Сибирь въ минералогическомъ, ботаническомъ и звѣриномъ отношеніи. Онъ человѣкъ европейски образованный, былъ въ чужихъ краяхъ и, не смотря на то, влюбленъ въ Сибирь, особенно въ здѣшній уголокъ Бухтарминскій, который считается Сибирскою Швейцаріей. Онъ далъ мнѣ очень любопытныя свѣдѣнія, показывалъ набитыхъ звѣрей, мурашекъ на булавочкахъ, и цвѣтовъ, и растеній, и говорилъ съ восторгомъ о найденныхъ имъ нигдѣ еще не найденныхъ въ Европѣ рѣдкостяхъ. Какъ Вандалъ въ естествознаніи, сначала я разсматривалъ съ любопытствомъ; но когда онъ началъ мнѣ по-латыни толковать ихъ прозванія, я утомился ужасно. Почти насильно онъ и здѣшній городничій г. Гюлуенъ меня удержали на одинъ день лишній и, чтобъ позабавить, созвали весь городъ (а кромѣ ихъ двухъ всѣ пьяницы) на заячью охоту; они тамъ травятъ, а я, пользуюсь тѣмъ, что они разбрелись, удралъ потихоньку и пишу тебѣ.

Сегодня поутру мнѣ приносилъ первый здѣшній купецъ, одинъ почти ведущій всю торговлю съ Китаемъ, Китайскія шелковыя матеріи, которыхъ образчики посылаю тебѣ, любезная Сашинька, и, если нужно что̀, я привезу съ собою изъ Кяхты. Онѣ употребляются болѣе на салопы, а вамъ не нужны ли будутъ для мебелей или обоевъ? Прочность ихъ такова, что я видѣлъ здѣсь салопъ сдѣланный въ 21 году и теперь еще годный. Цѣна куску (канфы) въ 19 аршинъ длины и 1 арш. 6 в. ширины—175 р.; полу-канфы зеленой и темно-синей (бываютъ всѣхъ цвѣтовъ)—125 р. Образчики не имѣютъ той красоты, а въ кускахъ это прелесть. Я разорился и купилъ на 300 рублей.

11.

Г. Иркутскъ, 1841 г. Февраля 10.

Въ Кяхту мы прибыли къ самому любопытному времени, когда празднуется у нихъ новый годъ или по ихнему бѣлый мѣсяцъ. Когда смерклось, мы отправились въ сопровожденіи Кяхтинской аристократіи и Иркутскихъ знакомыхъ въ Китайскій городокъ Май-Ма-Ченъ, ½ в. отъ Кяхты; явились къ главному ихъ начальнику заргучею; онъ принялъ насъ очень ласково, потчивалъ чаемъ на нашъ и ихъ манеръ, виномъ и сластями; я набралъ въ карманъ разнаго рода странныхъ орѣховъ и орѣшковъ и пастилы и кушалъ ихъ на дорогѣ. Черезъ переводчика мы дѣлали ему вопросы; онъ не отвѣчалъ, а кивалъ головою и все смѣялся. Отъ него пошли осматривать городъ; для праздника онъ былъ освѣщенъ фонарями; эффектъ очень хорошъ для глазъ отъ нихъ, а для ушей отъ колокольчиковъ, которые колеблятся отъ вѣтра и издаютъ рѣзкіе звуки; видѣли также ихъ пляску съ Китайскими кастаньетами; главное искусство состоитъ въ томъ, чтобы, прыгая и кривляясь, подымать руки надъ головою и ударять палку о палку такъ, чтобы зрителямъ казалось, что они ударяютъ себя въ лобъ. Наконецъ видѣлъ ихъ театръ; но это уже слишкомъ странно, оригинально и на нашъ видъ глупо. На другой день мы обѣдали у нихъ; обѣдъ былъ почетный, ибо было 7 суповъ, одинъ гаже другаго, и 43 блюда стояло на столѣ; въ числѣ ихъ были червячки, каракатица (я везу ихъ въ Петербургъ) и другія морскія животныя, отъ которыхъ компаньонъ мой Фалькенбергъ еще сегодня принималъ слабительное. Тебѣ бы очень понравились ихъ комнатки, маленькія, чистенькія и удивительно покойныя. Я удивляюсь, что въ Петербургѣ не заведутъ кабинеты съ Китайскимъ комфортомъ; онъ не уступаетъ Англійскому. Самые Китайцы совсѣмъ не тѣ видомъ, что́ на картинкахъ и гораздо лучше другихъ Азіатцевъ, которыхъ я видывалъ въ Петербургѣ; въ нихъ не видишь этого глупаго вида, съ коимъ Турки, Персіяне, Киргизы и проч. смотрятъ на насъ; они между собою смѣются, трунятъ надъ нами и удивляются нашимъ обыкновеніямъ, какъ мы ихнимъ. Затѣмъ я жилъ въ Кяхтѣ еще три дня, но въ Май-Ма-Ченѣ не былъ, потому что онъ надоѣлъ мнѣ, и провелъ время въ сообществѣ образованнаго нашего купечества; результатъ тотъ, что я вывезъ оттуда чувство до сихъ поръ для меня неизвѣстное, чувство отвращенія неодолимаго къ образованному купечеству.

Въ Иркутскъ я пріѣхалъ въ Четвергъ на Масляницѣ. Въ Пятницу былъ великолѣпный балъ въ Благородномъ Собраніи (кадриль былъ

въ 36 паръ). Пріѣзду нашему чрезвычайно обрадовались, ибо мы оживили городъ; въ Субботу дѣлали визиты; въ Воскресенье было назначено катанье и танцы у Безносикова; но пріѣхала его больная тещa Мясникова, и былъ только вечеръ у Пятницкой (губернаторши). Я съ нею въ большой дружбѣ; она очень смѣшлива, весела и умна, какъ дочь Жмакина (сенатора); ее считаютъ гордою Петербургскою дамою, и вчера на балѣ она очень наивно мнѣ сказала про нихъ: «дуры, онѣ не знаютъ, что меня, дочь Жмакина, и не принимаютъ въ Петербургѣ въ порядочныхъ домахъ». Вчера прислала она приглашеніе слѣдующее: «Пріѣзжайте ко мнѣ на вечеръ, чтобы не даромъ была сдѣлана миндальная корзинка».

Львовъ [1]) остается въ Сибири еще на годъ, если графъ Киселевъ не вызоветъ его, чего онъ премного желаетъ, а проситься не хочетъ. Жаль мнѣ его; онъ премилый малый, музыкантъ, какъ всѣ Львовы, и имѣетъ еще талантъ въ родѣ Сашки Карамзина—дѣлать разные увеселительные фарсы: гримасами онъ представляетъ колокольчикъ, дождь и грозу, портфель и проч. и, не въ обиду Сашкѣ, его поискуснѣе; у него нѣтъ только смѣлости Карамзина: онъ стыдится и не любитъ фарсить.

Николай Ивановичъ [2]) оставилъ здѣсь память: его всѣ чрезвычайно любили за доброту и веселость, до послѣдняго дня былъ неистощимъ въ анекдотахъ. Катерина Ивановна [3]), не хохотунья отъ природы, говорила, что онъ былъ смѣшонъ и милъ удивительно, когда разсказывалъ. Ты изъ этого видишь, что порученіи графини Борхъ [4]) уже давно исполнено.

Лучше два раза съѣздить въ Сибирь, чѣмъ четыре мѣсяца провести въ Грефенбергѣ.

Письма за границу.

12.

Римъ, 2 (14) Генваря 1843 г.

Не довѣряя почтѣ и на случай, что ты не получила письма, которое я писалъ третьяго дня, увѣдомляю вторично, любезная Сашинька, что здѣсь все готово для твоего пріема. Нанятъ на Forum Trojano малый pallazzo Valentini; за одинъ мѣсяцъ я заплатилъ впередъ; вчера по описи принялъ вещи и помѣстилъ нанятаго мною человѣка, который тамъ моетъ, чиститъ и вытираетъ. Хотя эта квартира считается

---

[1]) Леонидъ Ѳедоровичъ. См. его Воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г. II. Б.

[2]) Лореръ, дядя А. О. Россета, декабристъ, уже переведенный въ то время на Кавказъ. П. Б.

[3]) Супруга декабриста князя Сергѣя Петровича Тубецкаго, ур. Лаваль. П. Б.

[4]) Сестра предъидущей. П. Б.

въ Римѣ изъ лучшихъ, все-таки она въ сравненіи съ Петербургскими грязна, и я не совсѣмъ увѣренъ въ хорошемъ первомъ впечатлѣніи, которое она сдѣлаетъ, особенно если пріѣдешь не въ солнечный день. По условію хозяинъ дома долженъ поставить въ одной комнатѣ печку по выбору нашему; не зная, какъ ты расположишься, не назначалъ и комнаты. Самъ живу еще у Перовскаго, переѣду въ домъ, получивъ твое письмо. Кушанья будутъ носить; завтра буду пробовать повара. Для Нади и завтрака можно устроиться въ домѣ, или нанятый человѣкъ можетъ готовить; онъ поваръ. Я надѣюсь, что ты поѣдешь по почтѣ, отправясь такъ, какъ я писалъ тебѣ, т. е. выѣхавъ поутру изъ Флоренціи, ночуя въ Сіенѣ и оттуда прямо въ Римъ, не останавливаясь: ты совершишь поѣздку очень легко, особенно если погода поблагопріятствуетъ. Дорога очень хорошая, закладываютъ скоро; горы небольшія, и вообще совсѣмъ не то, что́ между Болоніей и Флоренціей.

Алеша [1]) все кашляетъ; Перовскій не знаетъ что́ дѣлать; мы уговариваемъ его рѣшиться на гомеопатію.

Вчера былъ у обѣдни; Русскіе вылѣзли изъ норъ, и ихъ оказалось много. Я представлялся герцогу [2]); онъ спрашивалъ, скоро ли ты пріѣдешь? Марья Николаевна принимала дамъ. Во вторникъ она ѣдетъ въ Неаполь. Въ церкви видѣлъ въ черномъ гр. Завадовскую. Сегодня балъ у Потемкина, и я ѣду съ Ферзеномъ; отказаться не могъ потому, что Велеурскій [3]) мнѣ сказалъ, что приглашеніе было по назначенію Великой Княгини и въ ея апартаментахъ.

Когда выѣдешь на площадь Св. Петра, она поразитъ тебя; когда взойдешь въ церковь, въ первый моментъ скажешь: какая маленькая церковь; а когда будешь идти впередъ, подумаешь, что ей конца не будетъ; коротко, она истинное чудо, и ничего подобнаго нѣтъ въ мірѣ. Перовскій и Ханыковъ хотятъ тебѣ сопутствовать при первомъ ея посѣщеніи, чтобы видѣть, какое сдѣлаетъ она впечатлѣніе.

13.

Грефенбергъ, 1843 г. 10 (22) Августа.

Перовскій вѣроятно очень радъ будетъ, если ты возьмешь на свое пепеченіе Алешу; но подумай, станетъ ли у тебя терпѣнія съ нимъ сладить; при твоемъ здоровьи также надо укрощать безпрерывныя ежедневныя столкновенія, которыя могутъ тебя тревожить и вредить здоровью; при томъ же въ Ниццѣ, кажется, Толстая, и какъ-то странно

---

[1]) Сынъ Василія Алексѣевича Перовскаго. П. Б.

[2]) Максимиліану Лейхтенбергскому. П. Б.

[3]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ. П. Б.

будетъ; что племянникъ будетъ жить въ чужомъ домѣ, а не у тетки. Ханыковъ писалъ Вас. Ал. и совѣтовалъ ему свезти Алешу въ Одессу и отдать въ Ришельевскій лицей; но врядъ ли согласится на это Перовскій.

А я не зналъ, что Гоголь продрался и поселился въ Баденѣ; кланяюсь ему очень дружно. Не могу вспомнить о Римѣ безъ Гоголя. «Мертвыя души» со мною; я перечиталъ ихъ еще два раза и знаю наизустъ разговоръ двухъ дамъ отъ *веселенькаго ситца до Ринальдо-Ринальдини*. Я ждалъ Языкова; но онъ вѣроятно поѣхалъ прямо въ Россію.

14.

С.-Петербургъ, 1844 г. 1-е Генваря,

Мандтъ увѣряетъ, что, вѣроятно, когда я былъ очень молодъ, у меня была золотуха, которую вогнали во внутрь, она бросилась на печень и произвела всѣ недуги, которыми страдаю. Я не помню; но, кажется, ты мнѣ говорила, что что-то подобное со мною было въ дѣтствѣ. Онъ ужасный болтунъ и шарлатанъ, принялъ въ систему заговаривать больнаго; но къ несчастью я на слова не очень податливъ и выражаю часто ему мое безвѣріе въ его искусствѣ; онъ, какъ лейбъ-медикъ и проч. и проч., очень обижается.

Удивляюсь, любезная Сашинька, какъ ты по сіе время еще каждое слово Смирнова въ строку ставишь и не знаешь, что, когда онъ не въ духѣ, то это означаетъ или проигрышъ или треволненіе амбиціи; онъ не ѣдетъ за границу для службы и очень хорошо дѣлаетъ; при томъ же вообще онъ очень живетъ весело и доволенъ. Что касается до Ростопчиной, то признаніе ей или ему было бы уже черезъчуръ глупо; значило бы подставить огонь къ бочкѣ пороха, когда огонь и бочка отстоятъ на тысячи верстъ разстоянія. Не знаю, зачѣмъ Смирновъ тебя напугалъ; а я, который ихъ вижу три раза въ недѣлю, скажу тебѣ, что въ домѣ у нихъ царствуетъ совершенное спокойствіе, и нельзя даже и предвидѣть чего нибудь дурнаго.

У Перовскаго бываю рѣдко, потому что утромъ, безпрерывно принимая что нибудь, не выѣзжаю, а вечеромъ онъ всегда или у Шувалова или у Бобринскаго; онъ же былъ у меня и очень ко мнѣ добръ по прежнему. Алешу его также пользуетъ Мандтъ и съ большимъ успѣхомъ: ему гораздо лучше, и исцѣленіе его несомнѣнно.

Пишу тебѣ въ день, когда Петербургъ наиболѣе великолѣпенъ: морозъ трескучій, солнце, и все разряженное стремится на выходъ въ

Зимній. Смирновъ вѣроятно описалъ тебѣ обрученіе и всѣ по этому случаю праздничныя новости; онъ душою и тѣломъ преданъ церемоніямъ; его и хлѣбомъ не корми, когда въ рукѣ его палка. Говорили, что дадутъ въ дни свадьбы новую оперу Львова съ Рубини, Тамбурини и Гарціей; но слышно, что партія Пиччинистовъ, Велеурскихъ, возстала въ тайнѣ, и отмѣнили.

Я живу оперою, благодаря Ростопчиной не пропустилъ ни одного раза. Литерная ихъ ложа—прелесть, съ спокойными креслами, диванами и мороженымъ; въ антръ-актахъ бываетъ въ ложѣ до 15 человѣкъ; всѣ мы большіе диллетанты, шумъ, крикъ подымаемъ такой, что всѣ жалуются на наше неистовство. Для меня всѣ дрянь передъ Рубини: онъ въ своемъ родѣ Колизей или Петръ въ Римѣ.

Очень я радъ, что, обжившись въ Ниццѣ, кажется, не жалѣешь объ южной Италіи; главное—климатъ. Что̀ бы я далъ, чтобы подышать вашимъ воздухомъ! Кстати обо мнѣ въ сочетаніи съ Италіей. Бенкендорфъ навѣрно ѣдетъ весною за границу, André также почти навѣрное; я думаю примкнуть себя къ его свитѣ, если не получу облегченія отъ Мандта.

Карамзины всѣ здравствуютъ. Въ городѣ всѣ толкуютъ о Вольдемарѣ и Дукѣ [1]); но еще не рѣшено или, лучше сказать, не объявлено, потому что на самомъ дѣлѣ уже рѣшено.

Вяземскій просилъ меня вчера сказать тебѣ, что онъ непремѣнно хочетъ кончить или встрѣтить съ тобой Новый годъ и потому напишетъ сегодня или уже написалъ вчера. Ты знаешь, что Павлуша [2]) въ Константинополѣ; пишетъ, что очень доволенъ теперь своей судьбою.

Письма въ Калугу.

15.

С.-Петербургъ, 1844 года Дек. 20.

Мы нѣсколько разъ видались съ Волковымъ. Не знаю, достигнетъ ли онъ главнаго въ настоящее время—удаленія Клушина. За исторію Ершова и собственно ревизію дѣлъ можно быть спокойнымъ; надо опасаться сплетень, интригъ, наговоровъ Клушина, ... и прочихъ недоброжелателей. Давыдовъ говоритъ, что онъ въ кавалер-

[1]) Т. е. о состоявшейся потомъ свадьбѣ Владимира Николаевича Карамзина съ Александрою Ильиничною Дукою (сводною сестрою графини Клейнмихель). П. Б.

[2]) Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. П. Б.

гардахъ зналъ NN за шулера, что исторія ему извѣстна, что развѣ покажутъ ему что либо чрезвычайное, неизвѣстное Перфильеву, чтобъ онъ представилъ донесеніе не въ пользу нашу, что могутъ быть неправильности въ формальностяхъ, которыя всегда и вездѣ дѣлаются, что онъ самъ былъ губернаторомъ и съумѣетъ въ этомъ дѣлѣ и въ ревизіи отличить что́ упущеніе и что́ вздоръ, на который не стоитъ обращать вниманія. Нелидовъ много говорилъ съ Бутковымъ, который нынѣ управляетъ дѣлами Комитета Министровъ. Бутковъ говоритъ, что ему лучше всѣхъ извѣстны мнѣнія министровъ о Ершовскомъ дѣлѣ; *всѣ безъ исключенія* знаютъ, что это совершенная клевета, но что слѣдствія нельзя было избѣгнуть. Онъ говоритъ, что даже Закревскій теперь ее знаетъ, что онъ даже и не жаловался на Смирнова, ничего противъ его не имѣетъ; а что вся исторія поднялась оттого, что Иванъ Ершовъ, будучи уѣзднымъ предводителемъ дворянства, долженъ былъ судиться въ Подольскомъ уѣздѣ; Закревскій представлялъ Государю, что судъ затруднится судить безъ слѣдствія, а потому нужно формальное слѣдствіе: донесеніе Перфильева было секретное дознаніе, по которому судъ судить не можетъ. Такъ какъ простое слѣдствіе было бы обидно Перфильеву, то и придумали послать сенатора и, ревизовавъ губернію, изслѣдовать и это дѣло. Вотъ какъ толкуетъ Бутковъ. Если исторія эта не кончилась, виноватъ, по его словамъ, Царь, который рѣшилъ предать суду; разъ судъ,—дѣло должно идти законнымъ порядкомъ; оттого и лучше было рѣшеніе Панина и Комитета Министровъ: внушить Ершовымъ, чтобы впредь они не входили съ подобными жалобами. Мнѣ это же говорилъ Пинскій. Нел. толковалъ съ нимъ болѣе часу, и Бутковъ говоритъ, что онъ не понимаетъ, отчего мы такъ тревожимся; что дѣло не можетъ иначе рѣшиться, какъ въ нашу пользу; если ревизію Nicolas сбудетъ хорошо, то даже онъ выиграетъ. Я боюсь одного: Перовскій и все министерство (какъ засвидѣтельствуетъ и Волковъ) стоятъ за Nicolas; Боже сохрани, если Пер. узнаетъ, что Nicolas имъ недоволенъ или чѣмъ другимъ его не расположитъ: это ледъ, который тогда только разгорячится, когда задѣнутъ его личность и самолюбіе; чтобы отомстить, ему ничего не значитъ погубить человѣка, за котораго онъ прежде самъ стоялъ. Надо, напротивъ, показывать, что мы спокойны, потому что надѣемся на его покровительство, тѣмъ болѣе, что онъ самъ задѣтъ въ этомъ дѣлѣ и слѣдовательно не хотя будетъ отстаивать Nicolas. Напиши мнѣ пожалуста, сколько писемъ ты писала Государю; кажется, что всего одно, то, которое возилъ Барановъ; Бутковъ говорилъ нѣкоторыя фразы, коихъ не было. Нелидовъ утверждалъ за него, что онѣ были, ибо самъ Бутковъ читалъ ихъ въ дѣлѣ; я утверждаю, что онъ вретъ. Кончилось тѣмъ, что мы

сами перессорились. Сущность фразъ та, что будто ты просила вторымъ письмомъ именно о преданіи суду. Напиши только осторожно и не называй Буткова, ибо письма читаютъ и перехватываютъ. Онъ ужасно этого боится.

Мнѣ чрезвычайно тебя жаль, милая Сашинька; еслибъ не время, я бы на твоемъ мѣстѣ взялъ Мишу и отправился въ Петербургъ; а не то пережди морозы и въ началѣ Февраля забери всѣхъ и отправься хоть въ Бѣгичево *), чтобъ тебѣ не быть въ помойной ямѣ въ то время, когда пріѣздъ сенатора расшевелитъ въ ней всѣхъ гадовъ. Я полагаю, что во всякомъ случаѣ это послѣдній годъ, и въ будущую зиму изъ нашихъ устъ не будутъ выходить нечистыя слова: Ершовъ и Калуга.

Какъ ты хочешь, чтобы Перовскій рѣшился теперь представить къ Станиславу, когда не рѣшился прошлаго года и прямо тебѣ отказалъ? Жемчужниковъ (сенаторъ и женатый на сестрѣ Перовскаго) подалъ мнѣніе по дѣлу Веневитинова не въ пользу его, противъ министра юстиціи и министра внутр. дѣлъ. Сенатъ съ нимъ согласился. Государственный Совѣтъ, въ половинѣ членовъ, также перешелъ на его сторону. Перовскій выговаривалъ Жемчужникову, что Сенатъ всегда покровительствуетъ мошенникамъ и не защищаетъ невинныхъ. Жемчужниковъ ему отвѣчалъ: оставь Сенатъ въ покоѣ; подумай, хорошо ли ты защищаешь невинныхъ? Какъ ты могъ допустить такое пакостное дѣло, какое теперь дѣлаютъ съ Калужскимъ губернаторомъ? На слова Перовскаго: что же мнѣ дѣлать? Жемчужниковъ отвѣчалъ: Представить Государю, что ты начальникъ губернаторовъ, а не Закревскій, что Калужская губернія тебѣ лучше извѣстна, и одному тебѣ извѣстно, что ревизія не нужна и просишь ее не дѣлать. Еслибъ Государь отказалъ, ты бы по крайней мѣрѣ доказалъ, что защищаешь дѣйствительно невинныхъ; а теперь молчи и Сенатъ оставь въ покоѣ. Это разсказывалъ самъ Жемчужниковъ Данзасу, и разговоръ вѣроятенъ, по словамъ Данзаса, ибо Жемчужниковъ съ Перовскимъ въ совершенно дружескихъ сношеніяхъ.—Что же послѣ этого намъ дѣлать и просить его? Спасибо ему будетъ и за то, если удаленіемъ Клушина или другимъ какимъ либо дѣйствіемъ покажетъ расположеніе свое и тѣмъ выведетъ Nicolas изъ того труднаго и непріятнаго положенія, въ которомъ онъ находится теперь въ Калугѣ. Я былъ у Вас. Алекс. и не засталъ дома; на дняхъ André его пригласитъ обѣдать, меня позоветъ, и мы на свободѣ оба будемъ ему говорить. Не знаю, какая будетъ польза; во всякомъ случаѣ напишу о результатѣ, если не успѣю съ Волковымъ, то по почтѣ. Чѣмъ болѣе думаемъ объ этой исторіи, тѣмъ

*) Имѣніе Смирновыхъ подъ Калугою. П. Б.

болѣе удивляемся глупости, съ какою они служатъ Государю. Какъ они не подумаютъ, что Государь собственноручно призналъ NN. клеветниками? Идетъ ли теперь уѣздному суду или полиціи разбирать, справедливо ли рѣшилъ Государь? Что́ будетъ, если судъ рѣшитъ, что они не клеветники? Что же такое слово Государя? Неужели же земская полиція или хоть сенаторъ — аппеляція на рѣшеніе Государя? Я понимаю, что Царь измѣнятъ рѣшеніе Государственнаго Совѣта; но заставить рѣшить Государя и потомъ обратить въ уѣздный судъ! Это чортъ знаетъ что́ такое. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что теперь имѣютъ въ виду одно—спасеніе Ершова—служитъ то, что Давыдову даже не дали жалобу его, по которой возникло дѣло, а дали только прочесть дѣло въ Комитетѣ Министровъ. Давыдовъ пріѣдетъ въ Калугу, разсмотритъ собственно актъ; если найдетъ его неправильнымъ хоть по какимъ нибудь формамъ, донесетъ, что онъ незаконенъ и этимъ Ершовъ оправдается; если допесетъ, что законенъ, то напишетъ, что Россета слѣдуетъ удовлетворить и дѣло прекратить, ибо собственно о клеветѣ Ершова ему и не предъявлено; онъ какъ будто ея и не знаетъ. Во всякомъ случаѣ Ершовъ ускользнетъ. Рѣшеніе Государя останется въ дѣлѣ. И такимъ образомъ исполняются всѣ его рѣшенія людьми, украшенными голубыми и красными за преданность престолу и отечеству, коимъ онъ даетъ власть ссылать безъ слѣдствія и суда въ Вятку и Сибирь! Очень искусно повели они дѣло. Все это ужасно мерзко и приводитъ къ одному заключенію: справедливо говорилъ покойный Бенкендорфъ, сказавъ Скалону: «мнѣ лучше извѣстенъ ходъ служебный; честный человѣкъ служить не можетъ въ Россіи—погибнетъ!» Волковъ тебѣ подробнѣе разскажетъ все, что́ нами было говорено, засвидѣтельствуетъ, что въ Петербургѣ нѣтъ лица, которое бы смотрѣло на это дѣло тѣми же глазами, которыми и мы смотримъ; а заставить свиней дѣйствовать такъ, или такъ нѣтъ возможности. Пожалуйста ты не тревожь себя напрасно; самое дурное, если опять разстроишь здоровье; должно надѣяться, что дѣло кончится въ пользу нашу и скоро—прощай Калуга! Даже Олинька пишетъ, что она сдѣлается въ Калугѣ мизантропкой.

16.

(1845).

Со Скалономъ въ Франц. театрѣ; m-elle Plessy очень, ужасно комъ-иль-фо, но такъ скучна́ такъ вяла́, что мочи нѣтъ; Suprême въ восхищеніи. Толи дѣло наша Макѣева или Самойлова, немного скандачка, но тѣмъ и прелесть, что немного mauvais genre! Обѣдалъ у Зубова съ Миклашей, съ Іоасафомъ, съ Скалономъ и Поповымъ.

Обѣды эти губятъ меня; сохраняя всегда умѣренность и аккуратность, я при видѣ блина или макароновъ весь измѣняюсь, сейчасъ готовъ спѣть: mangeons et en avant marchons. Послѣ обѣда почувствовалъ опять рѣзь; но Мухановъ вынулъ изъ кармана какія-то пастильки, послалъ домой за какими-то особыми пилюльками, и онѣ мнѣ помогли. Нелидовъ особенно отличился; заговорили и заспорили о Віардо и какомъ-то браслетѣ, ей поднесенномъ; онъ, забывъ, что былъ Поповъ, вскрикнулъ: «Да кто поднесъ, какіе-то хамы, Пинскіе, Поповы!»... Мы всѣ сгорѣли, такъ и срѣзалъ; молчаніе, Поповъ *) сдѣлалъ, какъ будто не замѣтилъ. Мнѣ очень жаль, что ты его не знаешь; просто прелесть! На видъ менѣе и тонѣе Тютчева; очень скроменъ, тихъ, но уменъ и начитанъ; а иногда и смѣшенъ. За обѣдомъ Миклашевскій разсказывалъ о замѣчательномъ въ самомъ дѣлѣ предсказаніи m-me Огеръ: передъ самой смертію она сказала, что за ней послѣдуютъ вскорѣ семь лицъ и предсказаніе сбылось; она наименовала Ан. Мих. Хитрову, Головкина, Голицыну (Ходкевичъ), кн. Бѣлосельскую; на ней остановилась; о двухъ лицахъ молчитъ, а говорятъ, что послѣдняя гр. Разумовская. Сенявина сама это разсказывала Вяземскому, и онъ упрашивалъ молчать, говоря, что еслибъ самъ былъ именованъ, на мѣстѣ бы умеръ. Бѣлосельскую хоронили въ Воскресенье; говорятъ, что гр. Лаваль очень огорчена и m. Сухозанетъ. Она оставила семь милліоновъ; одинъ маленькому внуку и одинъ Безобразову.

15 Февр. У Икскуля; прежде чѣмъ согласиться, тысячу разъ мнѣ повторялъ qu'il est très complaisant; я не спорилъ, а онъ все свое; какъ выѣхалъ—гора съ плечъ свалилась. Что за непріятный Нѣмецъ: согласится, сдѣлаетъ по твоему, а хуже чѣмъ отказалъ. Пріѣхавъ домой, нашелъ Нелидова, поговорили о Монго; плохо ему, онъ видитъ, говоритъ, что чувствуетъ, что ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ; но увѣряетъ, что влюбленъ; а она, говорятъ, о немъ жалѣетъ. Обѣдалъ у Карамзиныхъ; они послѣ поѣхали на дѣтскій балъ къ Ланской; это для Оли.

16-го Февр. Утро въ театрѣ; обѣдалъ въ клубѣ; прочелъ тамъ въ Journal de S-t Pétersbourg перепечатанную статью изъ Аугсбургской газеты съ разными гадостями про Россію и путешествіе Царя. У меня ея нѣтъ; постараюсь переслать съ слѣдующей почтой; впрочемъ не интересна: извѣстная пошлая болтовня, что коллосъ не страшенъ, что Россія распадается и проч.

17 Февр. Утро читалъ Историч. Сборникъ, въ Москвѣ изданный, съ статьями Валуева и Хомякова. Обѣдалъ у Муханова съ Голицы-

*) Александръ Николаевичъ Поповъ. П. Б.

нымъ и Миклашевскимъ. Голицынъ *) все также милъ умомъ и характеромъ, но жаль, что промышляетъ старыми анекдотами про Вольфа. Онъ здѣсь по процессу съ гр. Самойловой. Она ему оставила духовнымъ завѣщаніемъ, утвержденнымъ Государемъ, 6 т. душъ, а въ случаѣ продажи 600 т. рубл., а теперь, вышедъ замужъ, продаетъ все и ему ничего не даетъ; говорятъ, что дѣла приняли дурной оборотъ.—Получены очень дурныя извѣстія изъ Галиціи; возмущеніе началось въ Краковѣ; Австрійцы его заняли; ихъ прогнали и взяли пушки; мятежники заняли Лембергъ; говорятъ, велѣно нашимъ войскамъ также занять Краковъ. Бибиковъ и Мирковичъ получили приказаніе тотчасъ же въ ночь выѣхать по мѣстамъ.

17.

1846 года, 8-го Февраля, С.-Петербургъ.

Говорили про балъ наканунѣ у вел. кн. Маріи Николаевны; онъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ и веселъ. На балѣ была гр. Киселева, Государь говорилъ съ нею и обошелся очень милостиво. Вел. Кн. показывала ей всѣ комнаты; за ними плелся и Тютчевъ, а злые языки говорили: «а вотъ и prédicateur Pritschard за ними ходитъ». Кончилъ день въ клубѣ.

20-е Генв. Утро у Карамзиныхъ; въ ихъ домашней жизни прибавился новый элементъ—полька; танцуютъ ее съ утра до вечера, который кончается уже не въ 3-мъ часу, а въ 6-мъ часу утра. André вчера въ 4-мъ часу только выѣхалъ изъ дому къ Герсдорфу на преферансъ; главный polkeur Alexandre поминутно хватаетъ то С. Н., то Лис. Николаевну, то меня; я отбиваюсь и не иду, говорю ему: «шутъ, Кіарини», онъ кричитъ: «чувствительная Лисавета, дай старому полковнику въ зубы».—Катерина Андреевна говоритъ: «Alex., vous m'agassez mes nerfs avec vos cris»; онъ гаркнетъ: «pardon, генеральша». Лисавета Николаевна между тѣмъ сидитъ съ m-me Жиберъ или m-elle Немичъ; а С. Н. уговариваетъ André играть комедію у Блудова; André проситъ ее отстать, потому что ему некогда, что онъ долженъ быть у гр. Орлова въ 12 ч., а теперь половина втораго. Вся ватага съ гамомъ и шумомъ расходится до обѣда, къ которому всѣ опаздываютъ. Кат. Андр. всѣхъ браниттъ и говоритъ, что болѣе ждать никого не будетъ. На этотъ разъ предметомъ диспута было то, что Демидова вчера пригласила всю семью на маленькій вечеръ, гдѣ никого не было, а до сихъ поръ не пригласила на балъ, который она даетъ для Вел. Княгиня. Одни говорили, что она пригласитъ, другіе, что не пригласитъ; одни—что должна пригласить, другіе—что вовсе не должна

*) Князь Сергій Григорьевичъ (Өирсъ). П. Б.

одни находили, что будетъ удивительно, если не пригласитъ, другіе находили, что ничего удивительнаго не будетъ. С. Н. говорила: ce qui m'indigne, c'est que pour cacher son infamie, elle nous a engagées hier, voilà ce qui est révoltant; n'est ce pas, m-r Arcady? Я отвѣчалъ, что не знаю; мнѣ случалось сердиться, когда меня приглашаютъ, но никогда—когда не приглашаютъ. Впослѣдствіи оказалось, что ихъ просто пригласили на вечеръ и потомъ пригласили на балъ. Обѣдалъ у *ней*, которая теперь исправляетъ должность оберъ-прокурора въ Сенатѣ и очень занята; пріѣхалъ Скалонъ. Онъ вчера провелъ вечеръ у Вяземскаго съ Тютчевымъ, спорили о всегдашнемъ сюжетѣ L'Orient et l'Occident; кончили тѣмъ, что серіозно поссорились. Тютчевъ взялъ шляпу и сказалъ: «je vois, mon prince, que je n'ai rien à faire chez vous»; у Вяземскаго губы посинѣли и дрожали; его разобидѣла фраза Тютчева: «vous ne lisez que des brochures et des articles de journaux». Вяземскій отвѣчалъ: «en tout cas je ne suis pas moins intelligent que vous» и проч. Вотъ въ какомъ родѣ былъ разговоръ. Кажется однакоже, что они послѣ помирились. За Скалономъ пріѣхалъ Мещерскій, тамъ Миклашевскій, Свистуновъ, Нелидовъ и Адлербергъ (Никсъ). Мещерскій бѣдный все болѣетъ, припадки подагры бываютъ ужасные и не въ ногахъ, а въ животѣ. Свистуновъ ѣдетъ на дняхъ въ Парижъ и устроилъ отъѣздъ такъ, что его посылаютъ къ разнымъ дворамъ съ объявленіемъ о свадьбѣ; надѣется вернуться по малой мѣрѣ съ пятью звѣздами. Нелидовъ вчера былъ также на вечерѣ у Демидовой; тамъ была и В. . . ., а сегодня онъ получилъ чрезъ городскую почту записку мистификаціонную; я узналъ руку В. . . .; она очень съ нимъ кокетничаетъ; онъ за нею волочится, но какъ онъ въ этихъ дѣлахъ не любитъ, чтобъ его только мазали по губамъ, то скоро отстанетъ. Валуевъ пріѣхалъ сюда съ Головинымъ изъ Риги; его никто не видитъ. Княгиня божится, что будетъ исторія, ужасная исторія, сконапель-истоаръ, что всѣ о нихъ говорятъ; но на самомъ дѣлѣ всѣ молчатъ и о нихъ не говорятъ. Мы болтали до 2-хъ ч. ночи. Я первый разъ говорилъ долго съ Никсомъ; кто думалъ, что изъ него нѣчто выйдетъ? Онъ безъ претензій, очень простъ, обходителенъ и мнѣ очень понравился.

31-го Генв. Забѣжалъ ко мнѣ Яшинька *); онъ еще не знаетъ, ѣдетъ ли въ Ригу, цѣлые дни проводитъ у Головина, котораго очень хвалитъ и любитъ; онъ говорилъ мнѣ, что Петербургскій Сборникъ запретили за какіе-то стихи, пародію на колыбельную пѣсню Лер-

*) Яковъ Николаевичъ Ханыковъ, позднѣе умопомѣшавшійся. П. Б.

монтова, гдѣ уже слишкомъ отдѣланъ нашъ чиновникъ и дворянинъ. По этому случаю мы не преминули съ нимъ заспорить. Не знаю, что́ хорошаго выводить какими-то животными Русскаго помѣщика, Русскаго купца, Русскаго мужика, оставляя только тѣхъ въ покоѣ, за которыхъ, если затронуть, посадятъ на съѣзжую; Яшка выразилъ болѣе Европейскія мысли.—Былъ у Веневитинова узнать о здоровьи его дочери. Третьяго дня она умерла. Оттуда поѣхалъ въ департаментъ податей и сборовъ по одному дѣлу Карамзиной. Глядя на чиновниковъ, нельзя не вспомнить Гоголя и не принять ихъ за королей Испанскихъ. Обѣдалъ у Карамзиной съ Муравьевымъ; онъ разсказывалъ очень интересно и съ печатію правды споры его съ кардиналами въ Римѣ, съ abbé Gerbet и avec l'évèque de Paris, съ которымъ встрѣтился на водахъ въ Карлсбадѣ. Въ Маѣ выйдетъ его путешествіе въ Римъ. Онъ говоритъ, что не могъ довольно надивиться невѣжеству всѣхъ въ Церковной Исторіи первыхъ столѣтій: убѣждаютъ все фразами и общими пошлыми мѣстами, а какъ дойдетъ до фактовъ, то—неучи. Вечеромъ былъ у Данзаса; пріѣхалъ Пущинъ, и мы принялись за извѣстное дѣло [1]).

1 Февраля. Постоянно стоятъ сильные морозы, и сегодня утромъ Борей съ бѣлыми власами такъ потрясалъ небесами, что я цѣлое утро не выходилъ; читалъ «Бѣдные люди», въ цѣломъ ужасно скучно, но мѣстами не дурно. Передъ обѣдомъ зашелъ къ André и уговаривалъ его жениться на Самариной [2]); онъ не прочь, и она ему нравится, какъ понравилась здѣсь всѣмъ; говорятъ только, что на балѣ у Великой Княгини была такъ дурно одѣта, что всѣ замѣтили. Графиня Сологубъ [3]), кажется, хочетъ женить на ней Льва; а по словамъ другихъ она вмѣстѣ съ Велеурскими хлопочетъ за Волкова (Сергѣя). André получилъ письмо отъ Ростопчиной изъ Рима, хотѣлъ дать мнѣ его прочесть, но не нашелъ; говоритъ, что залетаетъ въ поднебесную, а не то письмо бы было интересно. Обѣдалъ у m-me Scalon со Скалономъ; о послѣднемъ хлопочетъ еще новый ходатай Мих. Ник. Муравьевъ; говорятъ, что онъ одинъ имѣетъ вѣсъ у Перовскаго; о немъ пошло уже представленіе по принятію въ службу надворнымъ совѣтникомъ. Затрудняетъ его Хитровъ, который не выходитъ въ отставку; теперь Анна Михайловна умерла, и онъ долженъ скоро рѣшиться.—Вечеромъ былъ въ оперѣ; давали La Favorita, ужасныхъ 4 акта; въ антрактѣ я вышелъ въ foyer, мнѣ хотѣлось услышать, какъ говоритъ молодой графъ Орловъ; слышалъ только одну фразу: «L'Empereur vient d'arriver».

[1]) Т. е. за карты. П. Б.

[2]) Марьѣ Ѳеодоровнѣ, вышедшей потомъ за гр. Льва Александр. Сологуба. П. Б.

[3]) Графиня Софья Ивановна, ур. Архарова. П. Б.

18.

С.-Петербургъ, 1846 года Апрѣля 15.

Вчера я видѣлъ графиню Сологубъ; она уговариваетъ тебя пріѣхать сюда; я уже писалъ объ этомъ. Не ловко не пріѣхать на свадьбу, и потому лучше пріѣхать поранѣе, чтобы вмѣстѣ и лѣчиться у Мяновскаго. Его репутація здѣсь очень поднялась въ послѣднее время тѣмъ, что онъ вылѣчилъ гр. Комаровскую, совсѣмъ уже присужденную. Сологубъ попалъ въ клубъ, и это опять въ ущербъ графинѣ. Васильчикова выдаетъ старшую дочь за Баранова, адъютанта князя Чернышова; распустили слухъ, что Володя Голицынъ опоздалъ двумя днями; вѣроятно это сочинили себѣ въ утѣшеніе. Надѣюсь, что добродѣтель будетъ теперь поснисходительнѣе къ André и Демидовой; она очень возставала и себя славно отпечатала фразою: «M-e Démidoff avait son fils pour aimer et Dieu pour la protéger». И Равиньянъ лучше бы не сочинилъ. Ихъ все еще треплютъ, не столько свѣтъ, сколько родня: братъ, сестры и тѣ, кои всегда принимали въ ней живѣйшее участіе. Закревскій, кажется, отказывается отъ опеки. Свадьба неизвѣстно когда; иные говорятъ въ Іюлѣ, другіе въ Августѣ.

19.

С.-Петербургъ, 1846 г. 1 Мая.

Вяземскій поручилъ мнѣ просить тебя, любезная Сашинька, чтобы ты посѣтила княгиню, если не на дорогѣ ея въ Калугу, то при обратномъ ея слѣдованіи, такъ какъ она останется нѣкоторое время въ Москвѣ; можешь узнать о ней у Мещерскихъ или Четвертинскихъ. Здѣсь говорятъ, что отъ Кологривовой осталось ея дѣтямъ 2500 душъ; Вяземскимъ достанется 500, да по смерти Кологривова имъ же 700 душъ въ Калужской губерніи, гдѣ хоронятъ теперь Кологривову [1]). По крайней мѣрѣ Павлуша будетъ имѣть со временемъ обезпеченное состояніе. Вяземскій прислалъ мнѣ также одинъ № Журнала Министерства Просвѣщенія, прося списать и послать тебѣ одно разсужденіе въ Академіи Наукъ о Додо [2]).

О Смирновѣ я говорилъ съ Яшкой, и надо будетъ похлопотать передъ свадьбой около Василія Алексѣевича. Онъ говоритъ однакоже, что никакъ не ожидалъ, чтобъ его утвердили губ. и произвели въ д. ст. совѣтники, ибо такого тугаго министра на награды, какъ Перовскій, не знаетъ.—Завтра парадъ и завтра же Царь ѣдетъ въ Варшаву; къ 20-му ждутъ туда и Государыню; говорятъ, что тамъ она будетъ

[1]) Мать княгини В. Ѳ. Вяземской, Прасковья Юрьевна Кологривова (ур. кн. Трубецкая), въ первомъ бракѣ супруга княгини Гагарина. П. Б.

[2]) Такъ звали въ обществѣ гр. Е. П. Ростопчину. П. Б

отдыхать около двухъ недѣль и потомъ вмѣстѣ съ Царемъ въ Питеръ. Свадьба [1]) въ половинѣ Іюля, и праздниковъ будетъ очень мало, только необходимые. Слѣдовательно ты бы могла и къ намъ пріѣхать, не откладывая, чтобы себя не утомить, поселиться у Веневитиновыхъ, у которыхъ я былъ вчера, и они очень тебя зовутъ въ Павлино, куда вся семья переселяется въ половинѣ Мая.

Іоасафъ [2]) просилъ меня написать тебѣ, что Государь говорилъ его сестрамъ, что Государыня писала о тебѣ изъ Рима, какъ ей пріятно было слышать о фурорѣ, который ты произвела въ Калугѣ. Самъ Царь очень милостиво о тебѣ изъяснялся, сказавъ, что онъ, зная тебя, другаго и не ожидалъ; это должно дать тебѣ силы при настоящемъ отправленіи твоемъ въ твою уединенную конурку. Дай Богъ только, чтобы здоровье опять не измѣнило. Понаберись силами, чтобы протянуть зиму, а на будущій годъ осенью не тряхнуть ли стариною и не отправиться ли опять на Западъ? Гоголь писалъ гр. Велеурской изъ Германіи, кажется, изъ Франкфурта; говорятъ, что сбирается въ Іерусалимъ.

Басню Льва [3]) я читалъ Вяземскому; она прекрасна; но жаль, что нѣкоторые стихи надо непремѣнно передѣлать. Не смѣю я переправлять стихи поэта, но поправлю одно слово; вмѣсто стиха: «Гдѣ все для чувствъ отрада», вѣрнѣе и приличнѣе общему смыслу басни— «Гдѣ все для глазъ отрада». Скажи ему только, что онъ измѣнникъ, перебѣжалъ изъ одного лагеря въ другой: здѣсь принадлежалъ къ партіи прогресса, а въ Москвѣ пишетъ о какомъ-то могучемъ зернѣ и родной водѣ, которую здѣшніе литературные прогрессисты не признаютъ.—Мой бѣдный Матвѣй Евграфовичъ [4]) чуть не померъ: третьяго дня на ученьи сдѣлалась спазма въ сердцѣ; привезли домой еле живаго, оттирали и едва оттерли, уже губы посинѣли и руки охолодѣли; теперь лучше, но на долго ли? Кавелинъ совсѣмъ плохъ; одну ночь съ 4-хъ ч. до 2-хъ просидѣлъ въ банѣ, а другую совсѣмъ пропадалъ. Къ нему приставили доктора и вчера повезли въ Стрѣльну.—Сегодня читалъ въ «Пчелѣ», что въ Москвѣ дадутъ какой-то водевиль Аксакова. Правда ли, и котораго? Просто ли Аксакова или ультра-Аксакова, который не признаетъ въ Нѣмцахъ безсмертія души? Мухановъ ждетъ разрѣшенія отпуска и ѣдетъ около 20-го; Луи онъ взялъ и привезетъ обратно въ Сентябрѣ.

---

[1]) Великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. П. Б.

[2]) Іосафъ Аркадіевичъ Нелидовъ, одинъ изъ братьевъ фрейлины Варвары Аркадьевны. П. Б.

[3]) Льва Ивановича Арнольди. П. Б.

[4]) Храповицкій. П. Б.

André [1]) свадьба неизвѣстно когда. Не писала ли тебѣ Додо [2]), и какъ приняла это извѣстіе?

20.

С.-Петербургъ, 1846 г. 31 Мая.

Благодарю, любезная Сашинька, за Московскій Сборникъ, который я получилъ отъ кн. Вяземской; прочелъ только Самарина критику; славная статья, отъ которой Сологубу не поздоровится. Онъ просилъ его передѣлать конецъ, когда читалъ въ рукописи, но Самаринъ не согласился.—Поздравляю тебя съ новоселіемъ въ Калугѣ и надѣюсь, что ты примешь поздравленіе тѣмъ охотнѣе, что долго тамъ не останешься; такъ какъ рѣшилась побывать здѣсь, то въ этомъ же мѣсяцѣ должна приняться и за сборы. Царь и Царица будутъ сюда въ Понедѣльникъ (сегодня Четвергъ); по крайней мѣрѣ по распоряженію полиціи въ этотъ день приглашаютъ иллюминовать городъ, и говорятъ, что жители Петербурга встрѣтятъ Государыню за городомъ съ хлѣбомъ-солью. Свадьба будетъ или 11-го Іюля или 25-го; но это слухи, положительно разумѣется еще ничего неизвѣстно. Вчера мнѣ говорилъ Нарышкинъ, что Сенявинъ ему говорилъ о разрѣшеніи Nicolas отпуска на 28 дней. Пріѣдешь ли съ нимъ или послѣ? Тебѣ можно будетъ помѣститься у Велеурскихъ; тогда можешь привезть и Надю, которая въ Беби найдетъ себѣ компаніонку. Велеурскіе со всѣмъ причетомъ уже переѣхали, и все разъѣзжается по дачамъ, благо что погода, хотя и не лѣтняя, но не дождливая, а ясная. Говорятъ, что на зиму Государыня навѣрное въ Крымъ; вчера гр. Разумовская говорила Муханову, что она проведетъ зиму въ Одессѣ и уже писала о наймѣ дома; одна вѣроятно бы не поѣхала. Изъ новостей—важныя: поѣздка Блудова въ Римъ для переговоровъ съ Папой и то, что въ Австріи 30 т. перешло изъ Уніи въ Православіе; свѣтскія: свадьба Строганова (Александра) на Васильчиковой (Танюшѣ), Бориса Голицына на гр. Левашовой, Нордина на Щербатовой (Толстой) и, наконецъ, Нарышкина на Машинькѣ Бартеневой; сія послѣдняя еще не объявлена, и говорятъ, что ждутъ только Государыню. Меншиковъ былъ очень опасно боленъ, но вчера говорили, что ему лучше.—Послѣ завтра Карамзины и Мещерскіе переѣзжаютъ на острова. Демидова и André поѣхали на нѣсколько дней въ Гельсингфорсъ; завтра будутъ назадъ. Мухановы ѣдутъ въ Субботу и, кажется, на цѣлую зиму. Нелидовъ отправленъ съ порученіемъ въ поселенія, но не на долго.

---

[1]) Андрей Николаевичъ Карамзинъ въ Іюлѣ этого года женился на вдовѣ П. Н. Демидова, Аврорѣ Карловнѣ, ур. Шернваль. П. Б.

[2]) Графиня Е. П. Ростопчина была близка къ Андрею Николаевичу Карамзину. П. Б.

Меня очень часто посѣщаетъ вашъ Калужскій Ленуа; много хлопотали мы о мѣстѣ, но до сихъ поръ неуспѣшно. Данзасъ обѣщалъ, но не ранѣе осени, и дѣло, кажется, уладится; онъ на дняхъ ѣдетъ въ Калугу и просилъ тебѣ передать поклонъ и благодарность за рекомендацію къ Армфельду, который былъ къ нему какъ нельзя болѣе добръ.

Прилагаю при семъ письмо отъ Растопчиной, третьяго дни мною полученное. Мнѣ она ни слова объ André, даже намека; а говорятъ что на одномъ обѣдѣ въ присутствіи всѣхъ Русскихъ она сильно нападала на него и на Аврору.

21.

С.-Петербургъ, 1846 г. 7 Іюня.

Третьяго дня, какъ снѣгъ на голову, явился ко мнѣ Смирновъ, посидѣлъ съ полчаса и потомъ улетѣлъ; знаю только, что, какъ слѣдуетъ, вечеръ заключилъ у Ферзена.

Вчера вечеромъ былъ на дачѣ у Карамзиныхъ; были тамъ André Вяземскій, Тютчевъ и Нелидовъ; говорили о статьѣ Самарина. Она прекрасна, всѣмъ очень понравилась, и онъ начинаетъ блистательно свое новое авторское поприще. Она породила и порождаетъ толки и споры. Я удивляюсь Вяземскому: онъ прожилъ 50 лѣтъ, чувствовалъ и мыслилъ по одному началу и легко сдается на начало совсѣмъ противоположное; а признайся, что это трудно; съ одной стороны все опредѣленно и готово: идеалъ человѣка-христіанина заключается въ одномъ словѣ — comme il faut, а образецъ—литература въ Делилѣ или Шатобріанѣ; съ другой—все не ясно, кромѣ мурмолки и Аксакова Константина.

Царская фамилія вернулась изъ-за границы третьяго дня и осталась въ Петергофѣ. На Невскомъ и въ прочихъ частяхъ города сдѣланы приготовленія для иллюминаціи. Говорятъ, что Государыня будетъ въ Казанскій Соборъ и тотъ день проведетъ на Елагиномъ, быть-можетъ, проѣдетъ и по иллюминаціи. Женихъ еще не пріѣхалъ; за нимъ посланъ пароходъ.—Вчера вернулся изъ командировки Іоасафъ и поѣхалъ сегодня къ Варинькѣ; что̀ узнаю положительнаго о днѣ свадьбы, тотчасъ тебѣ напишу.

Яшка былъ у меня утромъ; черезъ двѣ недѣли ѣдетъ въ Ригу на годъ; Самаринъ, можетъ-быть, съ нимъ же. Сей послѣдній сейчасъ отъ меня вышелъ и ожилъ, оставя Сенатъ.

22.

С.-Петербургъ, 1846 г. 29 Іюня.

Тебѣ надо собираться въ дорогу, если хочешь застать еще два или три бала; Смирновъ думаетъ выѣхать 2-го, на другой день свадьбы. Говорятъ, что до 11-го дворъ останется въ Петергофѣ, а потомъ бу-

детъ сюда на нѣсколько дней, и будутъ два бала на Елагиномъ и у принца Ольденбургскаго. Гдѣ ты думаешь остановиться: въ трактирѣ или гдѣ-нибудь въ домѣ, у Вяземскихъ или Велеурскихъ?

Карла на Петергофскомъ праздникѣ В. К. посадилъ на недѣлю подъ арестъ за то, что музыкальный хоръ не такъ повернулся и не туда пошелъ, куда слѣдуетъ. В. К. ѣдетъ за границу; говорили, что тотчасъ послѣ свадьбы, но Огаревъ мнѣ вчера сказывалъ, что онъ отложилъ поѣздку до Августа вслѣдствіе письма, полученнаго отъ Великой Княгини. Графиня Нессельроде, какъ говорила мнѣ Вяземская, не будетъ ранѣе конца Августа; сынъ ея пріѣхалъ.

Іоасафъ летаетъ между Петергофомъ и Петербургомъ. Самаринъ собирается въ Ригу, но еще не знаетъ, когда. Яшка опять такъ воспламенился комитетами, что онъ опять ходитъ красный, какъ въ Римѣ; но вмѣсто фавновъ толкуетъ о городскомъ управленіи.

Свадьба André 10-го Іюля, и въ тотъ же день они ѣдутъ въ Финляндію.

23.

С.-Петербургъ, 1846 г. 16 Іюля.

Изъ письма твоего, любезная Сашинька, къ Карлю видно, что ты еще не рѣшила твой отъѣздъ, и потому рѣшаюсь отправить прилагаемое письмо отъ Гоголя. И мнѣ и Самарину онъ написалъ по нѣскольку строчекъ; по нимъ можно судить, что онъ ободрился; кончаетъ наставленіемъ: все будетъ хорошо, не хандрите и не держите носа внизъ, но руководствуйтесь хотя тѣмъ, что мой носъ еще держится кверху, и пусть это будетъ вамъ барометромъ, если до сихъ поръ не нашли лучшаго. Я напишу ему во Франкфуртъ, хотя онъ большая скотина: самъ начертилъ нѣсколько каракулекъ, а проситъ написать ему обо всемъ какъ можно подробнѣе, не упуская никакихъ мелочей, потому что въ мелочахъ весь секретъ.

Nicolas вѣроятно тебѣ передалъ всѣ подробности о свадьбѣ; послѣ его отъѣзда дворъ переѣхалъ на Елагинъ; 10-го былъ балъ въ Дворянскомъ Собраніи; 11-го фейерверкъ на островахъ; никогда не помнятъ такого стеченія публики; было 5.000 экипажей. В. К.*) останется здѣсь до начала Сентября. Великій Князь Михаилъ Павловичъ ѣдетъ сегодня въ ночь, говорятъ, вслѣдствіе письма, полученнаго отъ Великой Княгини. Гр. Нессельроде, какъ сказалъ мнѣ вчера Тютчевъ, будетъ не ранѣе начала Сентября.

Я надѣюсь еще получить отъ тебя письмо прежде пріѣзда. Не хочешь ли остановиться во вновь открытомъ Hôtel Napoléon? Говорятъ, очень и хорошо и на удобномъ мѣстѣ, противъ Исакіевскаго собора между Морскими.

*) Новобрачная Ольга Николаевна. П. Б.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

При чтеніи воспоминаній А. Н. Супонева о Севастопольской эпохѣ („Русскій Архивъ“, Декабрь 1895) я встрѣтилъ совершенно ошибочно поставленные эпитеты при упоминаніи генерала Реада.

На стр. 261-й сказано: „главная атака возложена была на 3-й корпусъ генерала Реада, *прославившагося своею храбростью на горахъ Кавказа*“; на стр. 263-й: „хотя генералъ Веймарнъ предупреждалъ Реада, что тутъ недоразумѣніе и что осторожнѣе будетъ подождать вторичнаго разъясненія, по *Кавказскій герой*, подождавъ нѣсколько минутъ“, и т. д.

Генералъ Реадъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіе князя Воронцова, какъ пользовавшійся извѣстностью хорошаго кавалериста, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться полезнымъ на Кавказѣ. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ пребыванія въ Тифлисѣ, генералъ Реадъ ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ участія не принималъ, *на горахъ Кавказа* былъ только проѣздомъ, въ экипажѣ, по Военно-Грузинской дорогѣ, проявить свою храбрость (въ которой я, впрочемъ, не думаю сомнѣваться), случая не имѣлъ, и потому званіе „Кавказскаго героя“ знавшими его людьми можетъ быть принято за шутку.

Въ несчастномъ сраженіи 4-го Августа 1855 г., когда насъ „нелегкая несла горы занимать“, сколько мнѣ извѣстно, былъ единственный Кавказскій герой, подполковникъ князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, шедшій въ атаку съ батальономъ Одесскаго егерскаго полка и вынесенный изъ кроваваго боя съ прострѣленною на вылетъ грудью. Это была уже вторая рана на вылетъ въ грудь (первую онъ получилъ семью годами ранѣе, при взятіи въ Дагестанѣ въ 1848 году укрѣпленнаго аула Гергебиль). Вотъ, князя Мирскаго дѣйствительно можно было назвать Кавказскимъ героемъ, если вообще награждать этимъ эпитетомъ людей, заявившихъ свою храбрость на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ, которая все терпитъ.

Но, въ сущности, я вовсе не объ этомъ хотѣлъ поговорить.

Чтеніе строкъ, упоминавшихъ о Реадѣ, перенесло меня мысленно за полвѣка назадъ къ Кавказу, Тифлису, къ незабвеннымъ временамъ кн. М. С. Воронцова, временамъ необычайной, всеоживляющей, жизнерадостной

картины, когда Кавказъ вообще, а Тифлисъ въ особенности, какъ бы проснулись отъ тяжелаго долгаго сна, сбросивъ старческую угрюмость и, съ свойственной всему молодому улыбкой, вышли на встрѣчу грядущему довольству. И все это превращеніе какъ-то внезапно, будто по мановенію волшебнаго жезла, свершилось силою одного имени, одного нравственнаго воздѣйствія М. С. Воронцова. Не взирая на крайне несчастный первый шагъ князя въ войнѣ противъ Шамиля (Даргинская экспедиція 1845 г.), никакого унынія не явилось. Многіе знали, что планъ экспедиціи былъ составленъ и навязанъ кн. Воронцову въ Петербургѣ, а кто этого не зналъ, съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрилъ въ успѣхъ въ близкомъ будущемъ. Въ дѣлѣ же общаго благоустройства и преуспѣянія края такъ были увѣрены, что только и слышны были толки: князь Михаилъ Семеновичъ намѣренъ построить тутъ мостъ, театръ, тамъ дорогу, тутъ учебное заведеніе, тамъ складъ товаровъ, тутъ каналъ, завести пароходы или развести шелководство, улучшенныя породы животныхъ и т. д. и т. д.

И удивительно, что тогда уже 65-лѣтній старикъ, съ разстроеннымъ, искусственно поддерживаемымъ здоровьемъ, князь работалъ безъ устали, справляясь съ массой разнородныхъ военныхъ, гражданскихъ, судебныхъ, дипломатическихъ дѣлъ, находя время для всякаго рода проектовъ, пріемовъ, разъѣздовъ по краю, огромной корреспонденціи съ сотнями разныхъ лицъ, начиная отъ наивысшихъ правительственныхъ сферъ и кончая садоводами, овцеводами и т. п. Сколько силы воли нужно было имѣть человѣку, обладавшему уже такимъ высокимъ положеніемъ, Европейскою славою, большимъ богатствомъ, полною возможностью наслаждаться послѣдними годами жизни на покоѣ, въ прелестной Алупкѣ, или гдѣ нибудь въ Каннѣ, Ниццѣ, чтобы при всемъ этомъ не отказываться отъ службы государству, службы тяжелой, сопряженной съ непріятностями, въ борьбѣ то съ не всегда удачными военными дѣйствіями, то со шпильками изъ нѣдръ Петербургской бюрократіи.

Государственный человѣкъ, воспитанный на Англійскихъ образцахъ, съ продолжительной практикой администратора Новороссійскаго края, князь Воронцовъ не могъ не понимать важнаго значенія печати. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было основаніе въ Тифлисѣ газеты „Кавказъ“, подъ редакціею приглашеннаго изъ Петербурга прекрасно образованнаго, даровитаго Константинова.

Въ первомъ же году появленія газеты, при распространенныхъ слухахъ, что князь относится съ большимъ интересомъ къ ея успѣху и намѣренъ цѣнить ея сотрудниковъ, изъ разныхъ уголковъ Кавказа появились корреспонденціи и статьи, полныя интереса, знакомящія съ мѣстностью, бытомъ населенія, характеромъ горной войны и т. п. Многое отличалось талантливостью изложенія и доставляло заброшеннымъ въ глухія трущобы читателямъ прямое наслажденіе, тѣмъ болѣе понятное въ такое время, когда періодическая пе-

чать въ Россіи была въ зачаточномъ состояніи, а до Кавказскихъ укрѣпленій, станицъ и ауловъ даже „Инвалидъ“ рѣдко доходилъ.

Въ число увлеченныхъ „Кавказомъ“ въ сонмъ пишущей братіи попалъ и я. Почти *охевсурившійся* юноша, я весь витали тогда въ мечтаніяхъ о джигитствѣ, о военныхъ подвигахъ въ родѣ набѣговъ, засадъ и истребленія Лезгинскихъ хищниковъ, какъ это продѣлывали Тушинцы... На писаніе я смотрѣлъ съ исключительно канцелярской точки зрѣнія, какъ на непріятную служебную обязанность; но чтеніе „Кавказа“ дало толчокъ, а незаслуженные комплименты редактора Константинова и его убѣжденія не прекращать сотрудничества, могущаго сдѣлать меня лично извѣстнымъ князю Михаилу Семеновичу, послужили поводомъ моего дальнѣйшаго, довольно усерднаго участія въ газетѣ. Я описывалъ мѣстности горнаго округа, нравы и обычаи его населенія, среди котораго жилъ и т. п.

Первое мое произведеніе—разсказъ о встрѣчѣ и пораженіи 8-го Іюня 1845 г. партіи Лезгинъ, пробиравшихся въ Кахетію для разбоевъ, произведеніе само собою школьническое, явилось въ газетѣ „Кавказъ“ въ Апрѣлѣ 1846 г. Такимъ образомъ я близокъ къ пятидесятилѣтнему юбилею. И понятно, какъ воспоминаніе объ этихъ первыхъ шагахъ на литературномъ полѣ дорого мнѣ, какъ оно возстало теперь предъ моими старческими глазами въ прекрасной, никогда незабываемой декораціи шумящей, быстро бѣгущей, форелеобильной Іоры, ревущаго Аргуна, увѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ громадъ, мрачныхъ, прилѣпившихся къ скаламъ, какъ орлиныя гнѣзда, ауловъ Хевсуръ и Пшавовъ, скачущихъ по тропкамъ надъ безднами, по полуотвѣснымъ каменистымъ кручамъ, всадниковъ,—всей этой грозной, дикой природы, этого своеобразнаго міра, возбуждавшаго въ душѣ моей, да вѣроятно въ душѣ каждаго юноши, скрытыя искры поэзіи!..

Съ тѣхъ поръ газета „Кавказъ“ продолжаетъ существовать, и я убѣжденъ, что если просмотрѣть ее за всѣ 50 лѣтъ существованія, можно бы собрать богатый матеріалъ для исторіи завоеванія и владычества нашего на Кавказѣ, со многими подробностями, отсутствующими въ оффиціальныхъ документахъ.

А. Зиссерманъ.

Декабрь 1895 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Гоголь. А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Европы“ Декабрь.

Въ сравненіи съ тѣмъ тономъ и стилемъ какой образовывался въ твореніяхъ самого Пушкина, Гоголь представлялъ нѣчто совершенно своеобразное; онъ вышелъ изъ совершенно иного круга, чѣмъ тотъ кругъ, который прежде поставлялъ Русскихъ писателей. Начиная съ него, литературная жизнь стала захватывать все болѣе и болѣе широкій кругъ дѣятельности, переходя изъ замкнутой среды немногихъ любителей и жрецовъ искусства все въ болѣе многолодную массу; писатель все болѣе удалялся отъ того высокомѣрія, съ какимъ жрецы отгоняли толпу, совершая художественныя таинства; онъ все болѣе стремился узнать толпу, предчувствуя, что эта толпа есть *народъ* и что онъ-то и есть основной предметъ изученія литературы, основная цѣль поэтическаго и нравственнаго воздѣйствія. У Гоголя сказывалось иное преданіе, чѣмъ у писателей начала вѣка, даже иной элементъ—Малорусскій; въ его дѣятельности нашла себѣ органическое выраженіе связь двухъ отраслей Русской національности. Но смотрѣть на него какъ на украинофила нельзя: онъ стремился служить не только цѣлому Русскому обществу и государству, но даже и человѣчеству.

„Вечера Гоголя“ настоящее начало художественнаго поприща. Смыслъ ихъ—любящее отношеніе къ народу и здравый реализмъ; но, не смотря на большой успѣхъ, самъ авторъ пренебрежительно говорилъ о нихъ, и это по чрезмѣрному своему самолюбію. Онъ начинаетъ строить болѣе серьезные планы. Исторія его профессуры показываетъ, до какой степени сильно было развито у него самомнѣніе. Онъ думалъ, что призванъ быть учителемъ общества; но для этого нужны были знанія, а жизнь и работа Русской общественной мысли остались ему чужды. Отсюда произошелъ потомъ тотъ страшный разрывъ между нимъ и его горячими поклонниками, произведенный „Избранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“.

Могущественное, дотолѣ еще невиданное проявленіе юмора обусловило успѣхъ повѣстей Гоголя. Онѣ имѣли и то значеніе, что свели искусство съ недоступныхъ для массы высоть, изображали самую жизнь этой массы и пороздали теплое человѣческое чувство и общественное сознаніе.

Столь же своеобразна и самобытна была комедія Гоголя. Съ Грибоѣдовской она не имѣла ничего общаго ни по формѣ, ни по содержанію. Ея серьезное значеніе почувствовали и серьезный кругъ читателей и чиновничество; она осмѣлилась коснуться стариннаго и крѣпкаго принципа чиновнической бюрократіи, и въ глазахъ чиновничества осмѣяніе городничаго было нападеніемъ на правительственную власть. Вооружились противъ Гоголя и представители умиравшаго романтизма.

Періодъ пребыванія за границей, не смотря на большой біографическій матеріалъ, остается мало яснымъ; причина тому — скрытность характера Гоголя. Участіе Пушкина въ созданіи „Мертвыхъ Душъ“ было чисто внѣшнее и случайное. Первоначальные

наброски сдѣланы еще въ 1835 году, первый томъ появился въ 1842, а въ 1847 обнародованы и „Выбранныя мѣста“ Г. Пыпинъ не признаетъ, что здѣсь былъ какой-то страшный переломъ, видитъ постепенное развитіе особенностей его характера, его религіознаго, общественнаго и художественнаго міровоззрѣнія; но это развитіе къ тому времени приняло болѣзненную форму.

Подробно говорится объ отношеніи Бѣлинскаго къ Гоголю.

Трагическій характеръ приняло недовольство Гоголя своимъ непосредственнымъ, инстинктивнымъ творчествомъ; онъ захотѣлъ возвысить его до христіанскихъ идеаловъ и въ своемъ произведеніи дать не только картину человѣческой испорченности, но и картину человѣческаго просвѣтлѣнія. Ему казалось, что эти различныя ступени нравственнаго состоянія онъ можетъ провести въ предѣлахъ Русской жизни; онъ вѣровалъ въ то великое будущее, на которое допускали надѣяться необычайные задатки Русскаго народнаго характера. Гоголя не достало для исполненія такой задачи, и самый идеалъ онъ понялъ односторонне; но никто изъ писателей Русскихъ не ставилъ такъ высоко этого идеала, не былъ преданъ ему такъ страстно, не выносилъ для него такой мучительной борьбы. Онъ не хотѣлъ довольствоваться уступками и условными формами, съ которыми связано столько лжи, и искалъ въ жизни и въ искусствѣ настоящаго христіанства. И его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологическою проницательностью, горячею любовью къ человѣку и полу-сознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія Русской литературы, гдѣ его пріемниками явились Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и графъ Л. Н. Толстой.

Мои воспоминанія. А. Н. Муравьева. (Съ примѣчаніями А. А. Третьякова). „Русское Обозрѣніе“ Декабрь.

Эта часть воспоминаній содержитъ въ себѣ подробное письмо Муравьева къ архимандриту Леониду (Краснопѣвкову); оно помѣчено 1857 годомъ. Муравьевъ оправдывается „отъ нареканій въ ханжествѣ или фанатизмѣ, такъ какъ многіе подозрѣвали, что мнимое усердіе въ вѣрѣ служитъ для него только средствомъ къ достиженію какихъ-либо честолюбивыхъ видовъ“. Воспоминанія очень любопытны и живо написаны.

Поѣздка въ Святую землю имѣла рѣшающее воздѣйствіе на его жизнь. Первоначальнымъ укрѣпленіемъ въ благочестіи онъ обязанъ Мальцевымъ и Филарету. Любопытны подробности о знакомствѣ съ Фотіемъ и съ графиней Орловой-Чесменской.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и К. С. Аксаковъ. Статья князя Н. В. Шаховскаго. „Русское Обозрѣніе“ Декабрь.

Поводомъ къ сближенію этихъ замѣчательныхъ людей послужила, какъ полагаетъ авторъ, философія Гегеля. Въ виду того, что вліянію Гегеля на старшихъ Славянофиловъ приписываютъ такое большое значеніе, считаемъ не лишнимъ привести отзывъ Гилярова по этому поводу. „К. Аксаковъ повинент въ гегелевщинѣ; но и здѣсь быть и національныя воспоминанія послужили основаніемъ славянофильству; за отысканіемъ родины его нужно отправиться не въ Германію, а, оставаясь въ той же Россіи, отодвинуться ко временамъ Екатерины II и Александра I.... Для того чтобы создавать системы о превосходящемъ величіи Русскаго народа и его, такъ сказать, мессіанскомъ призваніи, не надобно никакого Гегеля... Въ сущности С. были отрицателями, критиками, носителями протеста, и въ этомъ отношеніи славянофильство было и вполнѣ законнымъ, и вполнѣ самороднымъ явленіемъ. Самородною была и самая формула протеста, но именно протеста только, а не идеаловъ... Для самого К. Аксакова Гегель послужилъ только отчасти счастливой случайностью. Гегелевщина слу-

жила второстепеннымъ пособіемъ; она давала готовую номенклатуру, не болѣе, притомъ даже часто не къ выгодѣ мыслителя".

Занятіе филологическія также служили пунктомъ соприкосновенія. Оказывается, что покойный Гиляровъ оставилъ огромное изслѣдованіе о глаголѣ. Его замѣчанія о томъ, какъ надо изучать Русскій языкъ, съ высокой мѣрѣ любопытны. Въ изслѣдованіяхъ языка мы, какъ и во всемъ другомъ, слѣдовали примѣру Запада; но тамъ лингвистика есть своего рода археологическая наука, ибо языкъ уже пересталъ жить, и къ новѣйшему языку обращаются съ пріемомъ, съ какимъ приступаютъ къ Ассирійскимъ надписямъ или гіероглифамъ.

Крайне интереснымъ является извѣстіе о томъ, что Гиляровъ пользовался въ глазахъ К. Аксакова авторитетомъ и получалъ на предварительный просмотръ его рукописи.

Вполнѣ приведено замѣчательное письмо Гилярова по поводу статьи Аксакова о народномъ обученіи.

„Національное самосознаніе" было пунктомъ, въ которомъ Гиляровъ кореннымъ образомъ расходился съ Аксаковымъ.

Свои отношенія къ славянофильству Гиляровъ уже въ 1886 г. объяснялъ такъ: „Я одинъ, я не человѣкъ кружка... Многія воззрѣнія Славянофиловъ входятъ какъ часть въ мои; но мои идутъ изъ другихъ, болѣе широкихъ и, какъ смѣю думать, болѣе глубокихъ началъ".

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія строки изъ передовой статьи въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" 1872 года:

„Всего нелѣпѣе вопросы, задаваемые о Русскихъ печатныхъ органахъ, реакціонеръ онъ, консерваторъ, либералъ, радикалъ? Всѣ эти оттѣнки политическіе у насъ стоятъ въ иномъ, чѣмъ въ Европѣ отношеніи къ тому, что въ глубинѣ подразумѣвается подъ кличками либерализма и консерватизма, т. е. свобода и рабство, просвѣщеніе и невѣжество, эксплуатація и благосостояніе, застой и успѣхъ. Поземельный надѣлъ и артельное начало, грозящее крахомъ Европейскому устройству и ниспроверженіемъ всему наслѣдію его просвѣщенія, суть консервативнѣйшіе у насъ въ смыслѣ не только свободы и благосостоянія, но и государственнаго порядка. Возвращеніе къ религіознымъ началамъ въ Европѣ есть ретроградство и обскурантизмъ, а подчиненіе церкви государству есть несомнѣнный прогрессъ, аттестація первѣйшей либеральности, когда у насъ поглощеніе церкви государствомъ будетъ ретроградствомъ въ смыслѣ обскурантизма, а расширеніе церковной самостоятельности будетъ служеніемъ свободѣ и залогомъ дальнѣйшаго развитія".

Письма графа А. К. Толстаго къ друзьямъ. „Вѣстникъ Европы". Декабрь.

Помѣщенныя въ этомъ выпускѣ девять писемъ писаны по французски къ княгинѣ Зайнъ-Витгенштейнъ и касаются почти исключительно литературныхъ произведеній Толстаго особенно „Смерти Іоанна Грознаго".

Любопытно указаніе на то, что стихотвореніе „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье" написано совершенно безсознательно.

Иванъ Грозный и его оппоненты А. А. Кизеветтера. „Русская Мысль". Декабрь. (окончаніе).

Къ концу XV вѣка Русское общественное сознаніе осложняется рядомъ новыхъ элементовъ. Является идея *панруссизма*, *и теорія третьяго Рима*, впервыя высказанная въ 1492 въ Пасхаліи митрополитомъ Зосимою, проникаетъ даже въ оффиціальные документы. Царь является воинствующимъ стражемъ Православія, „государемъ всѣхъ Христіанъ отъ Востока, до Запада и до Океана".

Все это окончательно устраняло договорныя отношенія удѣльной эпохи, отрицало право *ряда*, *отъѣзда и совѣта*, тѣмъ болѣе, что подъ давленіемъ событій Русское государственное устройство начинаетъ отливать-

ся въ форму чисто-*военной монархіи*. Появляется антиправительственная оппозиція князей и дружинниковъ. Завязалась та взаимная борьба правительства и общества, которая была затѣмъ унаслѣдована и эпохой Ивана Грознаго. Въ полномъ соотвѣтствіи съ партіей закрѣпощенія и партіей удѣльной свободы складываются партіи *Іосифлянъ и Заволжскихъ* старцевъ. Иванъ Грозный—всецѣло выученикъ Іосифлянъ, Курбскій же тѣсно примыкаетъ къ Заволжцамъ. Грозный съ полной опредѣленностью высказалъ свой политическій идеалъ—единодержавіе, отрицаніе возможности какой бы то ни было оппозиціи, отвѣтственность передъ Богомъ за свой народъ, тиранія. Въ оправданіе своей тиранніи Грозный говоритъ: „..царское правленіе требуетъ страха и запрещенія и обузданія и конечнѣйшаго запрещенія по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ“. Онъ сознательно относится къ своей политикѣ, какъ къ наслѣдственной системѣ своего дома, но и за Курбскимъ признаетъ *наслѣдственную* политику: „извыскосте отъ прародителей своихъ измѣну чинить“; Курбскій потому „ядъ отрыгаетъ“, что онъ „рожденіе псчадія ехиднаго“.

Постоянныя полемическія выходки противъ бояръ повели къ образованію гипотезы о боярско-олигархической оппозиціи съ одной стороны, а такъ какъ среди боярскихъ заявленій того времени можно найти тенденціи „простаго всенародства“—къ отрицанію всякой оппозиціи съ другой стороны.

Но оппозиція существовала, и въ ней были двѣ самостоятельныя партіи; одна ярко изображена въ письмахъ Курбскаго, другая въ *Валаамовой бесѣдѣ*; одна княжеская, другая—дружинная; въ нихъ замѣчается существенная разница.

Первая видитъ въ объединеніи Руси самую мрачную страницу нашего прошлаго; въ немъ она видитъ одни злодѣянія Московскаго княжескаго дома, этого „издавна кровопійственнаго рода“. Иначе относится къ объединенію вторая партія; она сама его создала и не отрекалась отъ него, хотя горько разочаровалась въ его послѣдствіяхъ. Но обѣ партіи согласно возстаютъ противъ военно-закрѣпощеннаго режима, указывая на его крайнюю пзнурительность и на несоотвѣтствіе общихъ основаній его съ общественною свободой, настойчиво порицая устраненіе общественнаго участія въ теченіи государственной жизни. Курбскій предлагаетъ совѣщательное участіе всего общества, авторъ Варлаамовой бесѣды—опредѣленный проектъ широкаго земскаго представительства.

Такимъ образомъ можно признавать, что Грозный не всегда искалъ своихъ враговъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно существовали и не всегда попадалъ въ настоящую цѣль своими террористическими мѣрами; но нельзя отрицать того, что въ то время политическая борьба являлась реальнымъ жизненнымъ фактомъ, а не какой-то фикціей чьего-то больнаго воображенія.

Главныя теченія Русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. П. Н. Милюкова. „Русская Мысль“. Апрѣль, Май, Декабрь.

При изученіи вліянія, того вліянія, которое оказали философскія идеи на развитіе Русской исторической мысли надо остерегаться ошибки „исторической перспективы“ — представлять, что „идеалисты тридцатыхъ годовъ“ были непосредственными преемниками покслѣнія, сошедшаго со сцены въ 1825 году.

Историческія идеи 30-хъ годовъ находятся въ тѣсной и неразрывной связи съ *Шеллинизмомъ*, первымъ провозвѣстникомъ котораго надо считать профессора Медико-хирургической Академіи Д. М. Велланскаго. Изъ своей заграничной командировки (1802) привезъ онъ натурфилософію Шеллинга и Окена. Галичъ первое время своей дѣятельности также былъ поклонникомъ ученія Шеллинга. Вско-

рѣ правительство обратило вниманіе на новое движеніе: Галичъ послѣ 1821 года былъ лишенъ права преподаванія, Велланскій самъ предпочелъ замолкнуть. Но движеніе продолжалось; проповѣдниками его были И. П. Давыдовъ, М. Г. Павловъ, усердными распространителями кружокъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Д. Веневитиновъ, братья Кирѣевскіе, Максимовичъ. Съ ихъ одобренія Полевой сталъ издавать *Телеграфъ*, отъ котораго однако они скоро отвернулись. Сами они журнала издавать не собрались, но выпустили 4 книжки *Мнемозины;* альманахъ этотъ не имѣлъ большаго успѣха, такъ какъ топъ былъ взятъ слишкомъ высоко. Въ 1826 г. Одоевскій съ пріятелями перебрались въ Петербургъ, и въ Москвѣ выразителемъ мнѣній кружка остался Погодинъ, не смотря на совершенно нефилософскій складъ своего ума. Изъ его дневниковъ видно, съ какимъ трудомъ давалось ему пониманіе философскихъ теорій и какъ мало былъ онъ подготовленъ въ этомъ отношеніи, когда онъ попытался приложить общія начала ученія Шеллинга къ объясненію исторіи. Такъ возникли его *Историческіе афоризмы.* Осенью 1826 года рѣшено было издавать журналъ при исключительномъ участіи въ немъ Пушкина, и Погодинъ былъ выбранъ редакторомъ *Московскаго Вѣстника;* скоро Погодинъ разошелся съ пріятелями. Журналъ прекратился, и начался новый періодъ Русскаго шеллингизма.

Изложивъ (кратко, но основательно) словами Русскихъ послѣдователей общую связь идей Шеллинга, авторъ переходитъ къ историческимъ приложеніямъ шеллингизма. Часть перваго отвѣта на коренные вопросы исторіи—о закономѣрности историческихъ явленій, о личной свободѣ и т. д. принадлежитъ *Среднему-Камашеву*, помѣстившему въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1827 г. рядъ статей подъ названіемъ *Взглядъ на исторію какъ на науку.* Большое значеніе придается *Исторіи К. Н. Лебедева*, изданной въ 1834 году; взгляды его почти совпадаютъ съ Погодинскими *Историческими афоризмами*, но проводятся лучше и послѣдовательнѣе. Общее вліяніе шеллингизма сказалось въ томъ, что была выдвинута необходимость сознательной и пѣлесообразной группировки матеріала. Первыя попытки приложить новыя философско-историческія идеи къ построенію и истолкованію Русской исторіи сдѣланы были Полевымъ, Погодинымъ, Кирѣевскимъ и Чадаевымъ.

Исторія Русскаго народа Полеваго вовсе не заслуживаетъ того презрительнаго пріема, который ей былъ оказанъ, въ ней былъ положительный и весьма серьезный смыслъ; но современные ему представители цеховой науки никакъ не могли допустить, чтобы купеческій сынъ въ какія нибудь десять лѣтъ могъ сравняться съ ними въ учености и предпринять цѣлый переворотъ въ представленіяхъ объ общемъ ходѣ Русской исторіи.

Полевой заявляетъ, что задача историка отыскать мѣсто своего народа въ исторіи человѣчества. Въ его исторіи главною цѣлью стало философское истолкованіе фактовъ, уже добытыхъ наукою. Но исполненіе вышло далеко не удачнымъ. Всемірно-историческая миссія Россіи осталась для него загадкой; болѣе удалось ему сдѣлать для выясненія внутренней связи періодовъ Русской исторіи; онъ устраняетъ все случайное и личное, подставляя на ихъ мѣсто стихійныя мотивы.

Погодинъ настойчивѣе Полеваго стремился къ разрѣшенію загадки объ исторической роли Россіи въ „человѣчествѣ“, но въ попыткахъ закономѣрнаго объясненія стоялъ много ниже его и въ своей Русской исторіи вернулся къ Карамзину. Причину этого авторъ видитъ въ „топорности“ его мысли; по всему своему складу Погодинъ могъ быть только чернорабочимъ. Русской исторіей руководитъ Провидѣніе. „... воображая событія, составляющія Русскую исторію, срав-

нивая ихъ удивительную связь между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ къ какой-то высокой цѣли". Весь секретъ его философіи исторіи, замѣчаетъ г. Милюковъ, состоитъ въ томъ, что ему связь причины со слѣдствіемъ представляется навыворотъ, какъ связь цѣли со средствомъ. Въ результатѣ получается апоѳеозъ случайности, возмущавшій и Кавелина, и Кирѣевскаго, перваго во имя идеи органичности историческаго развитія, втораго—во имя уваженія къ самодѣятельности народной стихіи.

Кирѣевскій и Чадаевъ уже не ищутъ доказательствъ всемірно-историческаго предназначенія Россіи въ ея прошломъ; они выходятъ изъ мысли, что она, не имѣетъ никакихъ задатковъ для всемірно-историческаго будущаго и стараются открыть чего намъ недоставало, чтобы играть роль во всемірной исторіи.

По Кирѣевскому намъ не доставало классическаго древняго міра. Чтобы примкнуть къ духовной жизни человѣчества, намъ надо усвоить себѣ новое просвѣщеніе Европы. Чадаевъ же утверждалъ: чтобъ усвоить Европейскую идею, Россія должна „пережить всю прежнюю жизнь" Европы. Вліяніе Местра на автора Философскихъ писемъ" указано очень обстоятельно; дѣло доходило иногда до запмствованія отдѣльныхъ выраженій. Очень любопытно изложено развитіе взглядовъ Чадаева и сопоставленіе ихъ со взглядами Кирѣевскаго.

Русскій дворъ при Петрѣ II. 1727—1730. А. Брикнера. „Вѣстникъ Европы". Январь 1896.

Изслѣдованіе написано по документамъ Вѣнскаго Архива; оно даетъ мало новаго и въ значительной степени уступаетъ „Россіи и Даніи", любопытной статьѣ, о которой мы уже говорили раньше *).

Императоръ Карлъ VI, по супругѣ своей дяди Петра Втораго, зорко слѣдилъ за своимъ племянникомъ; донесенія Австрійскихъ дипломатовъ касаются подробно и личности и воспитанія внука Петра Великаго.

Вопросъ о примиреніи интересовъ дочерей Петра Великаго съ правами Петра II-го стоялъ на первомъ планѣ во все время царствованія Екатерины I-й. Назначеніе его преемникомъ почти наканунѣ кончины Екатерины I-й имѣло цѣлью предупредить волненіе въ государствѣ. Австрійскій дипломатъ Кинскій первый указалъ на бракъ великаго князя съ Елисаветой Петровной, какъ на единственное средство къ избѣжанію безпорядковъ въ Россіи.

Изъ донесеній графа Рабутина видно, что Петръ II рано обнаружилъ строптивость и своеволіе; наставники его рано потеряли въ его глазахъ всякій авторитетъ. Остерману онъ не разъ грубилъ и рѣшительно не хотѣлъ слѣдовать его программѣ воспитанія и обученія. Только Меншиковъ и Наталья Алексѣевна оказывали на него нѣкоторое вліяніе. Новый дипломатъ, графъ Вратиславъ, доносилъ о полнѣйшемъ пренебреженіи къ Остерману и объ удивительномъ искусствѣ великаго князя притворяться и скрывать свои мысли. О способностяхъ его Вратиславъ имѣлъ высокое понятіе и винилъ Долгорукихъ въ намѣренномъ отвлеченіи его отъ серьезныхъ занятій. Передъ самою смертью онъ обнаружилъ любовь къ игрѣ на віолончели и настойчиво ею занялся.

Меншиковъ, главный виновникъ воцаренія Петра II, удивлялъ иностранныхъ дипломатовъ неограниченною властью своею. Рабутинъ выхвалялъ способности князя и всячески старался задобрить его. Онъ сообщаетъ много подробностей о томъ, какъ Петръ II и его сестра судили о бракѣ съ младшей дочерью „свѣтлѣйшаго", объ отвращеніи къ ней жениха, о просьбахъ князя Меншикова ускорить сговоръ и о назначеніи невѣстой старшей дочери, „къ коей отвращеніе было не такъ сильно".

*) См. „Русскій Архивъ" 1895. III.

Деспотизмъ и неограниченное самолюбіе Меншикова ярко обрисовываются изъ донесеній Рабутина.

Вилла княгини З. А. Волконской. Ѳ. И. Буслаева. „Вѣстникъ Европы". Январь 1896.

Почтенный академикъ, жалуясь на забвеніе Римской виллы княгини Волконской, знакомитъ читателя съ ея основательницею и достопримѣчательностями тамъ находящимися. Свѣдѣнія о самой княгинѣ не представляютъ ничего новаго, а изъ обнародованныхъ уже матеріаловъ многое, ярко рисующее эту талантливую женщину, не приведено. Единственный интересъ статьи въ письмѣ С. П. Шевырева къ А. В. Веневитинову отъ 1831 года и въ надписяхъ, находящихся на виллѣ.

Лермонтовъ и Кольцовъ. А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Европы". Январь 1896.

Лермонтовъ и Кольцовъ явились новымъ свидѣтельствомъ того, что для литературы наступала пора самостоятельнаго органическаго развитія. Великая заслуга Лермонтова состоитъ въ томъ, что онъ защищалъ дѣло искусства въ виду цѣлой исторической эпохи. Авторъ усердно возстаетъ противъ взгляда, что поэзія Лермонтова лишена отношенія къ общественному интересу; вопросъ объ отношеніи поэта къ обществу и къ жизни не разъ его тревожилъ. Своею пѣснью о купцѣ Калашниковѣ онъ открылъ возможность ввести въ литературу чисто-народное содержаніе, въ чисто-народной формѣ и вмѣстѣ съ Кольцовымъ внесъ въ Русскую поэзію непосредственность національно-поэтическаго чувства. Заслуга Кольцова въ томъ, что онъ содѣйствовалъ распространенію уваженія къ народной личности.

На стр. 442-й кн. 12-й „Русскаго Архива" 1895 года сказано неточно о сенаторской ревизіи Калужской губерніи во время губернаторства Н. М. Смирнова. Одинъ изъ участниковъ этой ревизіи, достопочтенный Н. М. Колмаковъ указываетъ намъ на свои любопытныя воспоминанія („Русская Старина" 1891, Май), гдѣ изложено, что дѣло о волчьихъ хвостахъ возбуждено было позднѣе, самая же ревизія возникла по жалобѣ Ивана Ивановича Ершова на то, будто бы отецъ его ген. лейт. Иванъ Захаровичъ Ершовъ, подъ вліяніемъ Н. М. Смирнова, незаконно отдалъ свое имѣніе воспитанницѣ своей Софьѣ Ивановнѣ, вышедшей за мужъ за Осипа Осиповича Россета. Подробности извѣстны читателямъ по напечатаннымъ выше письмамъ А. О. Россета къ сестрѣ его А. Ѳ. Смирновой. П. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1896 г.

Въ 1896 г. «Сѣверный Вѣстникъ» будетъ издаваться нами по прежней программѣ и при томъ-же составѣ главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Считая, что въ Россіи журналъ есть наиболѣе пригодное орудіе для проведенія въ жизнь разумныхъ соціально-культурныхъ принциповъ, особенно при современномъ разобщеніи умственныхъ и дѣятельныхъ силъ русскаго общества, мы находимъ нужнымъ посвящать большую часть журнала критикѣ текущихъ явленій во всѣхъ областяхъ *жизни*. Не принимая непосредственнаго участія въ юридической и экономической политикѣ страны, журналистика должна давать широкую и свободную оцѣнку жизненныхъ явленій, не избѣгая полемики противъ всего, что кажется ей несогласнымъ съ матеріальными и нравственными нуждами общества. Наша критика развивается въ двухъ направленіяхъ: разсматривая факты прошедшаго и настоящаго, мы всегда съ особеннымъ интересомъ относились къ юридическимъ и общественнымъ принципамъ, выразившимся въ реформахъ царствованія Александра II, какъ къ истинно гуманнымъ правовымъ началамъ; въ то же время мы старались намѣтить пути для возможныхъ въ будущемъ дальнѣйшихъ соціальныхъ измѣненій и усовершенствованій. Въ обсужденіи вопросовъ внутренней и иностранной политики мы руководимся общегуманными принципами, считая крайне вредною всякую пропаганду вражды между народами, возбужденіе въ народѣ воинственныхъ страстей, ради узко понятыхъ національныхъ цѣлей и задачъ, всякую проповѣдь нетерпимости къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Оставаясь вѣрными этому принципу, мы всегда объективно слѣдили за интересами и нуждами какъ коренного русскаго населенія, такъ и разныхъ народностей, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Въ этихъ видахъ на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» систематически печатаются статьи и замѣтки, посвященныя **провинціальной, областной и окраинной** жизни.

Давая мѣсто на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» болѣе или менѣе популярнымъ статьямъ **научнаго** характера, мы заботились о томъ, чтобы эти статьи не только стояли на высотѣ современнаго знанія, но и представляли извѣстную философскую законченность. Мы исходили при этомъ изъ убѣжденія, что наука, не просвѣтленная философской критикой, суживается въ своемъ плодотворномъ значеніи и не можетъ быть двигателемъ умственнаго и историческаго прогресса. Только въ союзѣ съ философіей наука можетъ исполнить свою задачу, давая живое, осмысленное и широкое пониманіе явленій внѣшняго и внутренняго міра. Въ этихъ-же научно-философскихъ интересахъ мы открыли въ текущемъ сезонѣ отдѣлъ, посвященный спеціально вопросамъ **самообразованія**.

На **литературную критику** мы смотрѣли, какъ на орудіе проведенія въ общество опредѣленныхъ философскихъ и эстетическихъ понятій. Разбирая произведенія искусства, мы интересовались оригинальными законами творчества, психологіей творческаго процесса, его свободнымъ развитіемъ среди тѣхъ или другихъ историческихъ и соціальныхъ условій. Наша критика свободно подходила къ разбору литературныхъ явленій прошедшей и современной русской литературы, не считаясь ни съ какими побочными

соображеніями, не избѣгая полемики, которая является серьезнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія и уясненія извѣстныхъ литературныхъ взглядовъ.

Печатая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» **беллетристическія** произведенія, оригинальныя и переводныя—романы, повѣсти, стихотворенія, изрѣдка драмы—мы пользовались сотрудничествомъ наиболѣе выдающихся писателей, стараясь также выдвигать молодыхъ и начинающихъ авторовъ, какъ скоро мы замѣчали въ нихъ проблескъ живого таланта или оригинальной мысли. Изъ иностранной литературы мы брали въ переводахъ то, что характеризуетъ **новѣйшія движенія** въ области европейскаго искусства и передаетъ въ художественномъ отраженіи настроенія умовъ въ западной Европѣ.

Наконецъ, мы давали въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» литературные и историческіе матеріалы, мемуары и проч., важные для обрисовки общественныхъ дѣятелей, а также и цѣлыхъ умственныхъ эпохъ въ жизни русскаго и европейскаго общества.

Желая детально ознакомить съ содержаніемъ нашего журнала тѣхъ, кто почему-либо не имѣлъ возможности регулярно слѣдить за книжками «Сѣвернаго Вѣстника», мы перепечатываемъ ниже полное оглавленіе вышедшихъ до настоящаго времени (по 1-е ноября) одиннадцати №№ журнала за текущій 1895 г.

№ 1-й (Январь). I. АНИКА ВОИНЪ. Разсказъ. **В. Савихина.**—II. ОБЛАКА. Стих. **Н. Минскаго.** — III. ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ. Проф. **Д. Овсянико-Куликовскаго.** — IV. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Истор. романъ въ 2-хъ частяхъ. **Д. Мережковскаго.**—V. РАЗСКАЗЫ: 1. Въ торфяномъ болотѣ. **Гейнца Тоботе.** 2. Маленькій Миронъ. **Ивана Франка.** Изъ Галицкой жизни. 3. Мрачная исторія. Изъ книги новеллъ **Луиджи Капуана.**—VI. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ 1864 г. **В. Устинова.**—VII. ИЗЪ ЛЕКОНТЪ ДЕ-ЛИЛЯ. Стих. **О. Чюминой.**—VIII. ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. Повѣсть. **Маріи Крестовской.**—IX. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ И ЕГО ПЕРВАЯ СЕССІЯ. **М. Стиваля.**—X. ИСПОВѢДЬ. **Анни Безантъ.** Съ предисл. **Зин. Венгеровой.** Пер. съ англійскаго. — XI. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЕ. Біограф. очеркъ **В. Стасова.**—XII. ИЗГНАННИКЪ. Стих. **К. Льдова.**—XIV. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО СЪ НАЧАЛА 80-хъ ГОДОВЪ. Проф. **А. Исаева.** — XV. ПРОТИВОРѢЧІЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ. **Гр. Л. Н. Толстого.** XVI. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. I. **Расколъ въ радикальной партіи 60-хъ годовъ.** Бурныя событія эпохи. — Направленіе «Отеч. Записокъ».—Сатирическіе фельетоны Щедрина въ «Современникѣ».—Выходка противъ нигилистовъ.—Насмѣшка Щедрина надъ романомъ Чернышевскаго. — «Лукошко глубокомыслія» и «бутерброды глубокомыслія».—Антоновичъ и Писаревъ о Чернышевскомъ. — Побѣда «Русскаго Слова» и паденіе «Современника». **А. Волынскаго.** ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. **Провинціальная печать.** Нѣчто о призваніи печати и о полемикѣ.—О центральномъ земскомъ печатномъ органѣ.—Прощаніе съ сельскимъ учителемъ. — Дешевый кредитъ и крымскіе крестьяне.—Нашествіе мышей на югѣ и др. **Л. Прозорова.** — II. НѢТЪ БѢДНОСТИ ВЪ РОССІИ! **П. Кузнецова.** — III. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. **Школьная борьба въ Англіи. С. Рыбакова.**—IV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Желательные успѣхи.—Отпоръ со стороны «Моск. Вѣдомостей», «Гражданина» и «Новаго Времени».—Назначеніе графа Шувалова въ Варшаву.—Отношенія съ поляками.—3½% золотой заемъ.—Новый пассажирскій тарифъ и др. — V. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. I. **Нѣчто о Петербургскихъ кружкахъ и обществахъ. Ѳ. С.** — VI. А) КРИТИКА. La science du point d'honneur par A. Croabbon. Б) БИБЛІОГРАФІЯ. I. Беллетристика и дѣтскіе книги.—II. Общественныя науки.—III. Естествознаніе и медицина. — IV. Книги для народа.—VII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Поль Верленъ. — Обѣдъ въ честь П. Д. Боборыкина. — VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. **Л. Полонскаго.**

№ 2. (Февраль). I. СЪ УБІЙЦЕЙ. **Пов. П. Боборыкина.**—II. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. «Новь» и типъ «нужнаго для Россіи человѣка». Проф. **Д. Овсянико-Куликовскаго.** — III. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Истор. романъ **Д. Мережковскаго.**—IV. МАЙЯ. Стих. **О. Чюминой.**—V. О ЗНАЧЕНІИ ВОЙНЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА. **Гр. Л. Камаровскаго.** — VI. РАЗВѢНЧАННЫЙ КОРОЛЬ. Разск. **Сельмы Лагерлевъ.** Пер. со шведскаго.—VII. А. Ф. КИСТЯКОВСКІЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ. Проф. **И. Фой-**

ницкаго.—VIII. ДРУЖБА. Разсказъ Г. Зудермана. Пер. съ нѣмецкаго. — IX. ГРИЗЕЛЬДА. Стих. З. Гиппіусъ. — X. ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ. К. А—на.—XI. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЕ. В. Стасова.—XII. ИСПОВѢДЬ. Анни Безантъ. — XIII. ЯБЛОКО РАЗДОРА. Л. Павлова. — XIV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Біографія и общая характеристика Писарева. Дѣтскіе годы. — Первая любовь.—Движенія въ университетѣ, женскій вопросъ.—Первыя статьи Писарева.—Психическое разстройство.—Заключеніе романа и скандалъ на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги.—Крѣпость.—Послѣдняя любовь, ссора съ Благосвѣтловымъ, сотрудничество въ «Отеч. Запискахъ». — Смерть. А. Волынскаго. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. Провинціальная печать.—Поэзія и наука въ одесскихъ дѣлишкахъ.—Петербургскіе литераторы въ провинціи.—О положеніи провинціальной печати.—Опасное сходство. — Судебныя дѣла врача Красса, Пискуновыхъ, Довгопола. — Саратовское и тамбовское ходатайства противъ тѣлесныхъ наказаній, и др. Л. Прозорова.—II. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ. — III. А) КРИТИКА: Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Б) БИБЛІОГРАФІЯ.—IV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Слова Государя при пріемѣ депутацій.—Государственная роспись на 1895 годъ.—Экономическіе итоги съ 1881 года.—Казенная продажа вина и попечительства о народной трезвости.—Пьянство и обѣднѣніе или бѣдность и пьянство?—О допетровской Руси, Петрѣ I и 60-хъ годахъ по поводу возраженія намъ г. Суворина.—Прекращеніе газеты «Русская Жизнь» и др.—V. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Кустари и дѣдъ Чмыхало. Ѳ. С.—VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Л. Полонскаго. — VII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Гончаровъ о любви и художественномъ творчествѣ. — К. Н. Леонтьевъ о Катковѣ.—Кто написалъ «Петербургскія трущобы?» и др.—VIII. «РУССКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ». А. Волынскаго.

№ 3. (Мартъ). I. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Истор. романъ Д. Мережковскаго.—II. РОМАНИСТЪ-МОРАЛИСТЪ Проф. Л. Шепелевича. — III. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ Арне Гарборга. Пер. съ датскаго. О. Петерсонъ. — IV. ЭЛЬЗИ. Н. Бальмонта.—V. ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ О НАСЛѢДСТВЕННОСТИ. Проф. В. Шимкевича.—VI. ХОЛЕРА. Разск. Кота-Мурлыки.—VII. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева. Проф, Д. Овсянико-Куликовскаго. V—III. ПОСВЯЩЕНІЕ. Стих. З. Гиппіусъ.—IX. ХОЗЯИНЪ И РАБОТНИКЪ. Повѣсть гр. Л. Н. Толстого.—X. ПОРТРЕТЪ Стих. Н. Минскаго. — XI. НИКОЛАИ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЕ В. Стасова.—XII. ЛЕДА. Стих. Д. Мережковскаго.—XIII. NATURE MORTE. Разсказъ М. Конопницкой. Пер. съ польскаго.—XIV. ИСПОВѢДЬ. Анни Безантъ.—XV. ПЕРЕСМОТРЪ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНІЯ. М. Стиваля.—XVI. РѢПИНЪ И ГЕ. А. Волынскаго. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. Провинціальная печать. — Земскія участковыя комиссіи.—О крестьянскихъ промыслахъ.—О школахъ грамоты.—Голосъ въ саратовскомъ земствѣ о запрещеніи питейной продажи и винокуренія. — «Волжскій Вѣстникъ» о принесеніи человѣческой жертвы.—«Новороссійскій Телеграфъ» о парламентаризмѣ. Л. Прозорова.—III. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ.—IV. ТЕАТРЪ.—V. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Кризисъ земледѣлія.—Задолженность частнаго землевладѣнія и положеніе крестьянскаго хозяйства. Вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи.—Институты или каѳедры въ университетахъ. — Кустарный музей. — Складъ вятскаго земства.—Организація мелкаго кредита.—VI. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Ѳ. С.—VII. КРИТИКА А. Б. Ходскій. Основы государственнаго хозяйства.—Д-ръ С. Г. Ковнеръ Исторія медицины.—Л) БИБЛІОГРАФІЯ.—VIII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Совѣщаніе о судѣ присяжныхъ.—Дѣло Палемъ.—Воспоминанія о гр. Л. Н. Толстомъ. — Пастеръ.—«Петербургскія трущобы».—† Н. С. Лѣсковъ.—† Д. Д. Коровяковъ.—Программа для собиранія свѣдѣній по вопросу о всеобщемъ обученіи. — IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Л. Полонскаго.—X. «РУССКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ». А. Волынскаго.

№ 4 (Апрѣль). I. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Истор. романъ Д. Мережковскаго. ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—III. «ВЪ МИНУТЫ СКОРБИ И СОМНѢНІЙ». Стих. К. Льдова.—IV. ЗАКОННЫЯ ЖЕНЫ. Записки мужа. Ольги Шапиръ.—V. НАШИ ЗЕМЕЛЬНЫЯ ДѢЛА. П. Кузнецова.—VI. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ. Арне Гарборга.—VII. ПАМЯТИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА, ДРУГА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ. Проф. А. Исаева.—VIII. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. Д. Мережковскаго.—IX ПРАЗД-

НИКИ. Очеркъ. Е. Лѣтковой.—X. ИСПОВѢДЬ. Анни Безантъ.—XI. МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. В. ПОТАНИНОЙ. В. Стасова.—XII. СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. М. Стиваля.—XIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Д. И. Писаревъ. Эмансипація женщины.—Эстетическіе, моральные и религіозные взгляды Писарева. — Торжество матеріализма. — Базаровъ. — Ошибка Писарева въ характеристикѣ этого типа. А. Волынскаго. — I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. Провинціальная печать. Петербургское земство о положеніи крестьянъ.—Крестьянскія артели въ Херсонской губерніи.—«Бѣлоризцы» въ Симбирскѣ.—Потребительскія лавки.—Бабій бунтъ въ Полтавской губ.—Разоблаченное «чудо».—«Сѣверный Кавказъ» о введеніи земства, и др. Л. Прозорова.—II. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—III. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Θ. С.—VI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Необходимость мѣръ къ умноженію народныхъ училищъ.—Вопросъ о системѣ средняго образованія.—Книга г. Ціона.—Сокращеніе часовъ работы на Добрушской фабрикѣ.—Число часовъ и заработки на фабрикахъ московскаго округа, и др.—V. ТЕАТРЪ. О народномъ театрѣ.—VI. ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О Н. С. ЛѢСКОВѢ. Л. Г.—VII. КРИТИКА: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Е. Лихачевой. Б) БИБЛІОГРАФІЯ.—VIII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Наука и религія.—Два новыхъ стихотворенія Апухтина.—† Л. П. Весинъ.—IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Л. Полонскаго.

№ 5. (Май). I. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Истор. романъ Д. Мережковскаго.—II. ПАПА ЛЕВЪ XIII. Л. Рускина.—III.—ЗАКОННЫЯ ЖЕНЫ. Ольги Шапиръ.—IV. КРАСАВИЦѢ. Стих. К. Льдова.—V. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ Арне Гарборга.—VI. КЪ ВОПРОСУ О СИНДИКАТАХЪ. (По поводу книги И. И. Янжула о синдикатахъ). Проф. А. Исаева.—VII. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Героиня «Фауста». Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—VIII. ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА 1893 ГОДА ВЪ БЕЛЬГІИ. В. Спасовича.—IX. ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІИ. Стих. О. Чюминой.—X. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Смерть Пушкина.—XI. «QUO VADIS». Романъ изъ временъ Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго. К. Льдова.—XII. ЛЕОНАРДО-ДА-ВИНЧИ. Стих. Д. Мережковскаго.—XIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Д. И. Писаревъ.—Историческія» естественно-научныя, философскія и педагогическія статьи Писарева. — «Темное царство въ новомъ освѣщеніи.—Реалистическій взглядъ на любовь и ревность.—Первыя нападки на искусство.—Пушкинъ и Бѣлинскій.—Разрушеніе эстетики.—Два романа съ эмансипаторскими идеями. — «Новый типъ». — Проблескъ новыхъ настроеній. А. Волынскаго. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.—Провинціальная печать. Очищеніе русскаго языка.—Двѣ выставки въ Одессѣ и будущая въ Нижнемъ.—Несчастный случай на дорогѣ въ Ковнѣ и общество «Россія».—Ивановъ самоубійца и Ивановъ виновникъ самоубійства.—Подлогъ, въ которомъ можно было оправдать, и др. Л. Прозорова.—II. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Университетскія поселенія.—Уроки покоя и отдыха.—Гигіена «христіанской науки».—III. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Реформа нашей денежной системы.—Рѣчи ген. Кирѣева и Комарова въ славянскомъ обществѣ.—Назначеніе въ Сибирь высшей комиссіи по постройкѣ желѣзной дороги.—Синдикатъ сахарозаводчиковъ.—Общій вопросъ о стачкахъ промышленниковъ и торговцевъ.—Дѣло по иску съ заводчицы Баскаковой.—Публичныя чтенія.—Организація мѣстной юстиціи.—Судебная служба.—VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Л. Полонскаго. V. СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. М. Стиваля.—VI. БИБЛІОГРАФІЯ.—VII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Бисмаркъ на судѣ общественнаго мнѣнія—А. Ф. Ѳедотовъ и первая попытка основанія народнаго театра.—С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.—VIII. ИЗЪ ДНЕВНИКА ЖУРНАЛИСТА. Пьеса Гауптмана «Ганнеле». Л. Г.

№ 6. (Іюнь). I. ЗАКОННЫЯ ЖЕНЫ. Ольги Шапиръ.—II. ХАРАКТЕРЪ ИБСЕНСКИХЪ ДРАМЪ. Гр. М. Прозора. — III. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Истор. романъ Д. Мережковскаго.—IV. ГУСТАВЪ ФРЕйТАГЪ (1816—1895 г.). А. Браунера.—V. ЛЕТИТЪ МОИ ДУХЪ. Стих. К. Фофанова.—VI. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ Арне Гарборга.—VII. А. Л. В.—ЛЮЦИФЕРЪ.—УЗНИКЪ.—ГРОЗА.—КАКЪ Я ЛЮБЛЮ... Стих. К. Льдова.—VIII. НАКАЗУЕМОСТЬ ЖЕНЩИНЪ-ПРЕСТУПНИЦЪ. Ц. Ломброзо.—IX. НЕ ПО ПРАВДѢ. Повѣсть. В. Дмитріевой. — X. ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ. Статья М. Арнольда. Пер. съ англ. редакціи «Посредника». — XI. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ Смерть Пушкина.—XII. «QUO VADIS». Ром. Генрика Сенкевича.—XIII.

ЗАБВЕНЬЕ И МОЛЧАНЬЕ. Стих. **Н. Минскаго.**—XIV. СТАРЫЙ и НОВЫЙ ЛАМАРКИЗМЪ. Проф. **Н. Холодковскаго.**—XVI. НА ЗАПАДѢ. ***. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ—ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ Десятилѣтіе дня смерти К. Д. Кавелина. — «Отцы и дѣти разныхъ эпохъ.—Газеты о пожарахъ въ Дубнѣ и въ Брестѣ.—Авторъ устава херсонскихъ земледѣльческихъ артелей.—Отставка саратовскаго городского головы.—Тобольская жизнь.—Объ общественной баллотировкѣ вопросовъ, и др. **Л. Прозорова.**—II. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—III. СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. **М. Стиваля.**—IV. ТЕАТРЪ.—V. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Упраздненіе выкупного учрежденія.—Взглядъ на положеніе крестьянъ послѣ ихъ освобожденія.—Направленіе нашей экономической политики.—Преобразованіе крестьянскаго банка.—Проектъ организаціи мелліоративнаго кредита.—Кризисъ землевладѣнія и новыя ему льготы.—«Гражданинъ» о дворянскомъ землевладѣніи.—Законъ о сдѣлкахъ на золото.—«Положеніе» объ особой комиссіи при академіи наукъ.—VI. БИБЛІОГРАФІЯ.—VII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Изъ дневника В. Г. Бѣлинскаго.—Десятилѣтіе смерти Н. И. Костомарова.

№ 7. (Іюль) I. НЕ ПО ПРАВДѢ. Повѣсть **В. Дмитріевой**—II. РЕЛИГІОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ПОЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА. **М. Урсина.**—III. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ. **Арне Гарборга.**—IV. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Лермонтовъ.—Листъ.—Глинка. — V. ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ КРЕСТЬЯНИНА. **Е. Статуева.** — VI. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Романъ. **Ѳ. Сологуба.** — VII. РАБСТВО ЛЮБВИ. Стих. **Д. Мережковскаго.**—VIII. ЭВОЛЮЦІОННАЯ ИДЕЯ ВЪ ЕЯ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ДВИЖЕНІИ, проф. **В. Шимкевича.** — IX. ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАНЪ. проф. **Л. Шепелевича.**—X. ОДИНОКІЕ ЛЮДИ. Драма **Гергарда Гауптмана.**—XI. «ГОЛУБАЯ НЕБА МГЛА». Стих. **К. Фофанова.** — XII. «QUO VADIS». Ром. **Генрика Сенкевича.** — XIII. НА ЗАПАДѢ. ***.—I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. — I. **Провинціальная печать.** Дачный и водолѣчебный сезонъ.—Наши города. — Врачи и наши курорты. Легенда о кумысномъ районѣ.—«Самарскій Вѣстникъ» о вербованіи дѣвушекъ съ преступной цѣлью.—Нищенствующая деревня.—**Л. Прозорова.** — II. ПИСЬМА ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ. Женевскій университетъ. **А. Трачевской.**—III. ЗЕМСКІЯ ДѢЛА. **М. Петрова.**—IV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Ходъ работъ въ комиссіи по пересмотру судоустройства и судопроизводства.—Единый типъ судьи въ уѣздѣ.—Тамбовскій циркуляръ земскимъ начальникамъ.—Необходимость пересмотра временныхъ мѣръ и распоряженій, дѣйствующихъ въ Западномъ краѣ. — «Варшавскій Дневникъ» о книгѣ, разсматривающей русско польскія отношенія. — «Положеніе» о мелкомъ кредитѣ.—† Н. Х. Бунге.—V. А) КРИТИКА: **Л. Н. Толстой.** Сочиненія т. XIV.—**С. Кавосъ-Дехтерева.** А. Г. Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ. Б) БИБЛІОГРАФІЯ.—VI. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. † С. Н. Терпигоревъ.—Новая разновидность національной амфибіи.—Тверская губернская земская управа и Бурашевская колонія.

№ 8. (Августъ). I. ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ—ОБЪ ИСКУССТВѢ. **М. Антокольскаго.** — II. НЕ ПО ПРАВДѢ. Повѣсть. **В. Дмитріевой.**—III. У БЕРЕГОВЪ КАРСКАГО МОРЯ. Изъ жизни самоѣдовъ. **К. Носилова.**—IV. «НЕ НАДО ЗВУКОВЪ». Стих. **Д. Мережковскаго.**—V. УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ **Арне Гарборга.**—VI. ПЕРЕПИСКА АДРІЕННЫ ЛЕ-КУВРЕРЪ. **Е. Г.**—VII. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Романъ. **Ѳ. Сологуба.**—VIII. «КАКЪ ПЫШЕНЪ ВЕЧЕРЪ...» Стих. **К. Фофанова.**—IX. ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ. Георга Брандеса.—X. СУДЬБЫ ИСЛАМА. Проф. **А. Трачевскаго.**—XI. «QUO VADIS». Романъ **Генрика Сенкевича.**—XII. МНИМЫЕ КАПИТАЛЫ, ДЕШЕВЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ РУБЛИ. **П. Кузнецова.** — XII. ЧАЛАДИДИ. Разсказъ **А. Берса.** — XIV. НА ЗАПАДѢ. ***. — I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.—**Провинціальная печать.** Газеты ученыхъ учрежденій.—Экзаменъ въ кунгурской школѣ. — Дѣло объ убійствѣ и сопротивленіи властямъ. — Удешевленіе страхованія. — Двѣ интеллигентныя колоніи. — Земледѣльческія артели и др. **Л. Прозорова.** — II. ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ. **М. Стиваля.**—III. ПИСЬМО ИЗЪ АНГЛІИ. Бѣдность и благотворительность. **С. Рыбакова.**—IV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Пріѣздъ болгарской депутаціи, наши газеты и дѣйствительное настроеніе русскаго общества. — Мнѣнія И. Аксакова и Фадѣева. — Разъясненіе соед. департаментами одного пункта въ «положеніи» 1881 г. объ охранѣ.—Китайскій заемъ и др.—V. А) КРИТИКА: Автобіографія Гервинуса.—«Ежегодникъ» Императорскихъ театровъ. Б) БИБЛІОГРАФІЯ.—VI. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИ-

ТЕРАТУРЫ. Полемическіе крючки и зацѣпки.—Знакомство Александра I съ двумя мистиками.—Женскій медицинскій институтъ.—† А. А. Дьяковъ (Житель).

№ 9 (Сентябрь). I. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Романъ. Ѳ. Сологуба.—II. ЗАМѢТКИ НЕРВНАГО ЧЕЛОВѢКА. Л. Полонскаго. — III. СМЕРТЬ ЛЮБВИ. Стих. Н. Минскаго.—IV. ЮНОШЕСКІЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ ГЕРЦЕНА (На основаніи не напечатанной части «Переписки»). Е. Некрасовой.—V. ПОДЪ ГНЕТОМЪ ПРОКЛЯТІЯ. Разсказъ Каркавитзаса. Пер. съ ново-греческаго М. Р—съ.—VI. ГРИША. Набросокъ. П. Сергѣенко.—VII. СУДЬБЫ ИСЛАМА. Проф. А. Трачевскаго. — VIII. ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО. Стих. П. Вейнберга.—IX. НА РОДИНѢ ХРИСТА. Б. Корженевскаго. — X. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Героиня «Дворянскаго гнѣзда». Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—XI. «QUO VADIS». Ром. Генрика Сенкевича.—XII.—РАЗЛУКА. Прологъ къ роману. Л. Гуревичъ.—XIII. НОВОЕ ЧУДНОЕ ЗНАКОМСТВО. В. Стасова.—XIV. ОБЫВАТЕЛЬ, РУБЛЬ И БЛАЖЕНСТВО. П. Кузнецова.—XV. МЕТЕОРИТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ АВСТРАЛІИ И НАКЛОНЕНІЕ ЗЕМНОЙ ОСИ. Е. Чижова.—XVI. НА ЗАПАДѢ. ***—XVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. С. Пушкинъ. Ѳ. Витберга.—ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ У ЧУВАШЪ И ЧЕРЕМИСЪ КАЗАНСКОИ ГУБ. В. Залѣскаго.—II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. О тѣлесномъ наказаніи.—«Бунтующія мертвыя души».—По поводу отмѣны греческаго языка у правовѣдовъ. — Осужденіе жандарма.—Проказа въ разныхъ мѣстностяхъ.—Уголовная статистика Одессы.—Наши скандалы, и др. Л. Прозорова.—III. ЗЕМСКІЯ ДѢЛА. М. Петрова.—IV. ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ. Художественная выставка въ Венеціи. Зин. Венгеровой. — V. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Урожай. — Проектъ «устава сельскаго хозяйства».—«Моск. Вѣд.» объ опекѣ надъ недоимочными имѣніями. — Распредѣленіе студентовъ по университетамъ. — Новыя средства для церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамоты.—Случай съ г-жею Штевенъ.—Первая народная перепись.—Дѣятельность ростовщика Диманта.—VI. А) КРИТИКА: Вл. Соловьевъ. Смыслъ войны.—Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ.—Э. Гансликъ. О музыкально-прекрасномъ.—Русскіе символисты.—Б) БИБЛІОГРАФІЯ.—VII. † ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ.—VIII. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ: 1) «Небывалое дознаніе» А. Мантейфеля. 2) Два слова о кн. Вяземскомъ. Проф. К. Бестужева-Рюмина.

№ 10. (Октябрь). I. МИССЪ МАЙ. Разсказъ З. Гиппіусъ.—II. ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Героиня «Дворянскаго гнѣзда» и героиня новаго романа Б. Прусса. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—III. ЗА-ГРАНИЦЕЙ. Воспоминанія и разсказы. Петербургъ 1880 г. Выставка картинъ В. В. Верещагина. — Сборы за границу съ М. Д. Скобелевымъ.—Kron-Prinz.—Мольтке и др. А. Верещагина.—IV. ТЕМНЫЙ АНГЕЛЪ. Стих. Д. Мережковскаго.—V. ХОДИТЪ!.. Разсказъ О. Забытаго. — VI. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Лермонтовъ—Гоголь и «Мертвыя души».—Живописецъ Ивановъ.—VII. ВЪ СТАРОМЪ САДУ. Стих. К. Фофанова. — VIII. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Романъ Ѳ. Сологуба.—IX. АНГЛІЙСКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ П. Боборыкина.—X. ИСПОВѢДЬ. Анни Безантъ. — XI. ОБЪЕДИНЕНІЕ СУДА И СУДЕБНЫЙ ЯЗЫКЪ. М. Стиваля. — XII. СЕРДЕЧНЫЕ МОТИВЫ. Два стих. Н. Минскаго.—XIII. «НАЯДА». Разсказъ А. Чермнаго. — XIV. СНЫ. Стих. О. Чюминой.—XV. «QUO VADIS». Романъ Генрика Сенкевича.—XVI. ВОПРОСЪ ОБЪ ЭЛЬЗАСѢ И ЛОТАРИНГІИ. Гр. Л. Камаровскаго.—XVII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Валеріанъ Майковъ. Эстетическіе и общественные вопросы передъ судомъ соціологической критики. А. Волынскаго.—XVIII. НА ЗАПАДѢ. ***. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. С. Пушкинъ. Ф. Витберга. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: I. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ Н. Арефьева.—II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Нижегородское торжище и гульбище.—Разореніе Казани.—Выставка въ Вильнѣ. — Народныя чтенія.—Круговая порука безъ общины.—Безпорядки въ юрьевской тюрьмѣ.—Ученики и учебники.—Философъ «Русскаго Слова».—Въ Саратовѣ бьютъ нѣмцевъ.—О врачахъ и др. Л. Прозорова, - III. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 30-ти лѣтіе закона о печати.—О «формалистикѣ».—Новый уставъ лѣчебныхъ заведеній.—Фабричныя свѣдѣнія и отчеты.—Совѣщаніе о сельскохозяйственныхъ училищахъ.—Съѣздъ представителей исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ.—«Сообщеніе» о выдачѣ и пріемѣ серебряной монеты. — IV. КРИТИКА. Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія.— А. Трнка. Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на

письма къ ней г. Карѣева о самообразованіи.—С. Обращеніе товарища къ студентамъ. А. Волынскаго.—Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ.—Сергѣй Норманскій (Сигма). Оттуда. Разсказы. А. Волынскаго.—БИБЛІОГРАФІЯ.—V. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Еще о князѣ В. Вяземскомъ. В. Корсакова.—Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.—Новѣйшіе московскіе скорпіоны.—† Пастеръ.—† Н. В. Стасова.

№ 11. (Ноябрь). I. ПРОЗРѢЛА. Повѣсть П. Боборыкина.—II. ПРАЗДНИКЪ НАУКИ. М. Венюкова.—III. ЗА-ГРАНИЦЕЙ. Воспоминанія и разсказы.—Какъ я узналъ о смерти Скобелева.—Листъ.—Обѣдъ —Письмо Листа и др. А. Верещагина.—IV. ПЕРЕПИСКА МОПАССАНА СЪ БАШКИРЦЕВОЙ. Переводъ съ неизданныхъ автографовъ.—V. «ВЪ ДЕНЬ ИТОГОВЪ». Очеркъ С. Семенова. — VI. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Николай I и «Мертвыя души».—Болѣзнь и смерть Крылова.—Самаринъ о Бѣлинскомъ, Станкевичѣ, Герценѣ и славянофилахъ.—VII. ИДИ ЗА МНОЙ. Стих. З. Гиппіусъ.—VIII. ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ. Проф. В. Чижа.—IX. ИСПОВѢДЬ. Анни Безантъ.—X. СОНЪ ХУДОЖНИКА ПАПИЛЬОНА. Разск. Кота-Мурлыки.—XI. НОЯБРЬ. Стих. Д. Мережковскаго.—XII. ИСТОРІЯ, А НЕ ЛЕГЕНДА. Влад. Каренина.—XIII. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Ром. Ѳ. Сологуба.—XIV. САНЪ-САТИРО. Изъ флорентинскихъ легендъ Анатолія Франса. Перев. Д. Мережковскаго.—XV. СТИХОТВОРЕНІЕ К. Фофанова —XVI. СОВРЕМЕННАЯ «МОЛОДАЯ ГЕРМАНІЯ». А. Браунера. — XVII. «QUO VADIS». Романъ Генрика Сенкевича.—XVIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Аполлонъ Григорьевъ. Теорія и законы органической критики. А. Волынскаго.—XIX. НА ЗАПАДѢ. ***.—XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. С. Пушкинъ. Ф. Витберга.—I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. Н. Арефьева.—II. Провинціальная печать. Полтавская побѣда и побѣда Харькова надъ Полтавой.—Кавказскіе историческіе юбилеи.—«Русскій вопросъ» въ Крыму.—Соперничество Николаева и Одессы.—Высшіе женскіе курсы въ Казани.—Воскресныя школы въ Поволжьѣ.—Упрощенное земское управленіе.—Вопросъ о прислугѣ.—Благодѣтели-землевладѣльцы. Л. Прозорова.—III. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—IV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Вопросъ о судебной власти земскихъ начальниковъ.—Почта и телеграфъ.—Новыя желѣзныя дороги.—Вопросъ объ умноженіи народныхъ школъ.—Народныя библіотеки.—Удешевленіе пересылки книгъ.—V. КРИТИКА: Русскіе Символисты. Лѣто 1895 г.—Валерій Брюсовъ. Chefs d'oeuvre. Сборникъ стихотвореній.—Графъ Алексисъ Жасминовъ. Голубые звуки и бѣлыя поэмы. А. Волынскаго.—О работахъ, вредныхъ для здоровья и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ.—VI. БИБЛІОГРАФІЯ.

Лица, желающія ознакомиться съ послѣдней книжкой с. г., имѣющей выйти 1-го декабря, могутъ получить ее, выславъ въ контору журнала 7 семикопѣечныхъ марокъ.

Условія подписки:

	На годъ.	По полугодіямъ. Январь.	Іюль.	По четвертямъ года. Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки къ Спб. .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Безъ доставки въ Москвѣ въ отдѣлен. Конторы.	12 » 50 »	6 » 50 »	6 » — »	3 » 50 »	3 » — »	3 » — »	3 »
Съ доставкой въ Спб. .	12 » 50 »	6 » 50 »	6 » — »	3 » 50 »	3 » — »	3 » — »	3 »
Съ перес. въ Имперіи .	13 » 50 »	7 » — »	6 » 50 »	3 » 50 »	3 » 50 »	3 » 50 »	3 »
За-границей.	15 » — »	8 » — »	7 » — »	4 » — »	4 » — »	4 » — »	3 »

Для подписывающихся въ **Главной конторѣ** допускается **разсрочка** годовой цѣны на журналъ (о чемъ нужно заявить одновременно съ первымъ взносомъ). Для учащихъ и учащихся **льготныя условія** по соглашенію. Казенныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а также всѣ служащіе въ нихъ могутъ получать журналъ въ кредитъ за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Главная контора и редакція „Сѣверн. Вѣстн." принимаетъ на себя **порученія гг. подписчиковъ** по выпискѣ и пересылкѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ, а также по подпискѣ на всѣ русскіе и иностранные газеты и журналы.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ журнала, *Спб., Троицкая ул., 9,* **и въ отдѣленіи редакц. и конторы „Сѣв. В." въ Москвѣ:** при книжномъ магазинѣ **К. Тихомірова,** на Кузнецкомъ мосту, а также въ книжн. магаз. **Фену и К°,** Спб., Невскій, 40,—Конт. **Н. Печковской,** въ Москвѣ;—**Новаго Времени** въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ;—**Н. П. Карбасникова** въ Спб., Москвѣ, Варшавѣ;—**Н. Я. Оглоблина** въ Кіевѣ;—**Н. Я. Башмакова** въ Казани, и во всѣхъ важнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи.

Редакторъ-издательница **Л. Я. Гуревичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

(7-й годъ изданія).

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1895 года въ „Русской Школѣ" были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ пережитаго. **Д. Семенова;** 2) Полгода изъ жизни воскресной школы. **Х. Алчевской;** 3) Сорокъ лѣтъ тому назадъ. (Изъ школьныхъ воспоминаній). **Ѳ. Стулли;** 4) Обзоръ дѣятельности Спб. Комитета грамотности за тридцать три года его существованія. **И. Горчакова;** 5) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губ. земствъ по народному образованію. **Д. Лобанова;** 6) Исправительное воспитаніе въ Россіи. **Н. Арепьева;** 7) Обрусеніе Прибалтійской школы **М. Сто—рова;** 8) Сочиненія и педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго. **Д. Семенова;** 9) Педагогическія мечты Коменскаго. **П. Мижуева;** 10) Дополнительныя школы въ Германіи. **К. Сентъ-Илера;** 11) Коммерческое образованіе во Франціи и въ Австріи. **А. Острогорскаго;** 12) Замѣтки о женской школѣ во Франціи. **Ал. Алферовой;** 13) Нервность и отношеніе къ ней эмоціи и воли въ условіяхъ школьной жизни. **А. Виреніуса;** 14) Взглядъ проф. Моссо на физическое образованіе юношества. **Его-же;** 15) Объ эстетическомъ развитіи и воспитаніи дѣтей. **П. Каптерева;** 16) О воспитаніи воли. **Его-же;** 17) Къ вопросу о школьной мнемоникѣ. **А. А. Дмитревскаго;** 18) Основы дидактики. **Д. Тихомирова;** 19) О концентраціи ученія. Проф. **А. Вейсмана;** 20) Настоятельный вопросъ учебной практики въ нашихъ гимназіяхъ. Проф. **Ю. Кулаковскаго;** 21) Еще къ вопросу объ экзаменахъ въ гимназіяхъ. **К. Шульгина;** 22) Къ вопросу объ измѣненіи программъ реальныхъ училищъ. **П. Головачева;** 23) О реформѣ сельско-хозяйственнаго образованія. **М.;** 24) Сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи. **В. В. Бирюковича;** 25) Вопросы сельско-хозяйственнаго образованія на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. **Его-же;** 26) О школьныхъ садахъ. **В. Вагнера;** 27) Ремесленное и профессіональное обученіе. **А. Ядрова;** 28) Что такое народная школа? **И. Феликсова;** 29) Народная школа и церковь. **Н. Одинцова;** 30) Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. **В. Вахтерова.** 31) Нѣкоторыя необходимыя условія обязательности начальнаго обученія. **А. Тютрюмова;** 32) Сознана-ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? **А. Гартвига;** 33) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1894 г. **И. Бѣлоконскаго;** 34) Образованіе, какъ созидающая сила. **М. Песковскаго;** 35) Нужны-ли учебники Закона Божія въ начальныхъ школахъ? **Аѳ. Соколова;** 36) Обученіе чтенію. **А. Анастасіева;** 37) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. **В. Ч.** 38) Педагогическія письма (Письменныя работы и устное преподаваніе). **И. Анненскаго:** 39) Къ вопросу о развитіи устной рѣчи учащихся. **Ю. Галабутскаго;** 40) Замѣтки по теоріи словесности. **В. Келтуялы;** 41) Три урока словесности. **Ц. Балталона;** 42) Опытъ методическаго введенія въ алгебру. **В. Л. Розенберга.**

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ «Руской Школѣ» за 1895 г. помѣщено болѣе ста рецензій на учебныя руководства и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія, а также печатались ежемѣсячно: хроника народнаго образованія **Я. Абрамова,** хроника профессіональнаго образованія **В. Вирюковича,** отчеты о воскресныхъ школахъ, о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками не менѣе ДЕСЯТИ печатныхъ листовъ каждая.

Подписка на „Русскую Школу" принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. № 1—43). и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжн. магаз. «Новаго Времени», Карбасникова, въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА; въ Петербургѣ съ доставкою **6 руб. 50 коп.;** для иногородныхъ съ пересылкою—**СЕМЬ руб.,** за границу—**ДЕВЯТЬ руб.** Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 годы, по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 20 ноября 1895 г. Типографія М. Меркушева, Невскій, 8.

скаго, кн. Е. Р. Дашковой, Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записки С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи и о жизни и дѣятельности Питта.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородку. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея, Д. П. Татищева, Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

XIX. Переписка гр. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова. В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова, Моск. оберъполицмейстера П. Н. Каверина.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіи Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой и Е. Р. Полянской.

XXII. Переписка гр. Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Перемѣны правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна Антоновича, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ графовъ Завадовскаго и П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышова объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ **ДВА РУБЛЯ.**

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 году вступаетъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г., будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Подписчики «Русскаго Архива» на 1896-й годъ благоволятъ означать, какую именно изъ книгъ «Архива Князя Воронцова» желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ «Русскому Архиву». Содержаніе этихъ книгъ напечатано на внутренней сторонѣ обертки сего выпуска.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.